

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

11. 2014

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики по
национальной политике,
внешним связям и
информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92
Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в
сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций
05 февраля 2014 г.

Регистр. свид-во ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бекултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхиев

Рукописи принимаются
редакцией в первом и втором
экземплярах, а также на
электронных носителях.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45
E-mail: vaynah_az1@bk.ru
<http://www.vaynah.at.ua>
<http://www.j-vaynah.ru>

Журнал выходит один
раз в месяц. 16+

Журнал набран на
компьютерной базе ГАУ
«Литературно-художественный
журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК
«Грозненский рабочий»
364021 ЧР, г. Грозный,
ул. Интернациональная, 12/35
Подписано в печать
28.11.14

В случаях полиграфического
брака обращаться в типографию,
указанную в выходных сведениях
журнала.

Тираж – 2500 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЭЗИЯ

Адам АХМАТУКАЕВ. <i>Мои башни</i> . Стихи.....	2
Ахмет АСХАБОВ. <i>Конь гнедой</i> . Стихи.....	11
Супьян ХАЛИДОВ. <i>Нене</i> . Стихаш.....	19
Фатима ДЖАБРАИЛОВА. <i>Я пришла</i> . Стихи.....	62

ПРОЗА

Шарани ДАШАЕВ. <i>Кража</i> . Рассказ.....	6
Шамсудди МАКАЛОВ. <i>Беглец</i> . Глава из повести.....	14
Вахид ИТАЕВ. <i>Стенная баллада</i>	39
Сулиман МУСАЕВ. <i>Краснокожий брат мой</i> . Рассказ.....	46
Анзор ДАВЛЕТУКАЕВ. <i>Японийн трактор</i> . Дийцар.....	56

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Анна КОСАРЕВСКАЯ. <i>Сказки Белого Ворона</i> . Главы из повести.....	21
Канат КАНАКА. <i>Гоголь</i> . Стихи.....	52

ДЕБЮТ

Рузанна ГЕВОРКЯН. <i>Молитва о чеченцах</i> . Стихи.....	37
Зара БОЛТУКАЕВА. <i>Ирсе ю со</i> . Стихаш.....	44
Диана ИБРАГИМОВА. <i>Гих-чу</i> . Стихаш.....	45

ПУБЛИЦИСТИКА

Вахит АКАЕВ. <i>Национальная идентичность россиян: движение от особенного к общему</i>	64
--	----

КУЛЬТУРА

Абдулла ГАПАЕВ. <i>Режиссер Батукаев Гарун Махмудович (1914-1990)</i>	71
---	----

ЧЕЧЕНСКИЙ ЯЗЫК

Идрис БУЛАТБИЕВ. <i>Несколько слов о ненаучном подходе к науке</i>	84
--	----

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

М.Ю. ЛЕРМОНТОВА Мохмад-Салах СЕЛЯХОВ. <i>Очарованный Кавказом</i> . Эссе о Лермонтове.....	88
--	----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Тауз ИСС. <i>Кавказ</i>	91
-------------------------------	----

ИСТОРИЯ

Лиза АДМИСИЕВА. <i>К вопросу о занятиях шелководством на прилинейных территориях. (Конец XVIII – первая треть XIX в.)</i>	93
---	----

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Зилбухар МЕЖИЕВ. <i>«Тяжелое бремя»</i>	95
---	----

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Сацита ИСРАИЛОВА. <i>Борха Амирханов: поиски вечной красоты</i>	95
---	----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....	96
---	----

То тепло – от огня, что Господь
разрешил разгореться
В наших верных сердцах – и в его,
и в твоём, и в моём.
Не расстанемся мы, посидим,
по привычке из детства,
У любого, на выбор,
за общим вечерним столом!

Как прекрасны друзей ненаглядных
счастливые лица!
Но тропинку одну этой ночью
навек заметет...
Неужели же с кем-то из нас
это вправду случится,
И завтра село соберется
на траурный сход?

Пусть дерево стоит

Не запятайте рук
бессовестным и черным.
На дерево топор поднять –
позор и стыд.
Когда еще крепки его земные корни,
Оно и без листвы засохшей простоит.

Ведь выжило оно
в безвременье лихое
Без помощи людской
в разграбленном краю!
И дерево порой становится героем,
Вцепившись в горный склон,
как воины в бою,

Как старец, что хранил
дух родины в изгнание,
Как сын его седой,
что чудом выжил там...
Пришли они сюда
предутреннею ранью,
Чтоб поклониться вновь
спасительным корням.

Которым засыхать
нельзя по воле Божьей,
Как высохла листва
страданий и обид!
Поднимется ль рука,
чтоб память уничтожить?
Пусть дерево судьбы,
как памятник, стоит!

Альбом

В нем прошлое за годом год
На фотографиях живет.

Мама одна. Отец один.
А вот и я – их младший сын.

Здесь, мамин отпустив подол,
Гляжу с опаскою на пол.

И не решусь пока никак
На самый первый в жизни шаг.

Молитвы наступает час.
«А нам опять творить намаз?» –
Я спрашиваю без конца
На старом фото у отца.

Свидание у родника
Осталось тоже на века –

Такого счастья ждал жених,
Как у родителей своих!

А вот вечерний сельский сход,
Где старцев слушает народ.

Закатом здесь освещена
За ними кладбища стена...

Там, где ряды могильных плит,
Отец лежит, и мать лежит.

Без них, родимых, неспроста
Мир черно-белым фото стал...

Врач

Он собственную жадность отвергал
Всю жизнь, как будто лютого врага!

И ни копейки в кошелек не стряс
От тех, кого от смерти спас не раз.

Но сердца бескорыстное тепло
Его однажды крепко подвело.

И настоящей жадностью объят
К минувшей жизни
был последний взгляд.

Плачет небо над твоею
горькой долей,
И от слез промокли потолки.
Мальчуган соседский
забежал бы, что ли,
Хоть на миг избавив от тоски!

Под ручьи дождя
подставишь ты посуду,
И на бедность люди подадут.
Но соседи-доброхоты вряд ли будут
Гнать из сердца зябкий неуют.

Поселил его там сын твой непутевый,
Навсегда забыв родной очаг.
Кто поможет? Под своим
дырявым кровом
Гаснешь, как последняя свеча...

Тоску по родине едва ли исцелит
Заманчивых плодов заморских вид.

И потому, законам вопреки,
Тебя, беглец, жалеют старики.

Там, на чужбине, истинно горька
Судьба тобой добытого куска.

Достаток и богатство – лишь слова.
Отчизна очагом родным права!

Его заветный незабвенный дым
Всевышним для таких,
как ты, храним,

Чтобы согреть от холода разлук...
Вернись домой, вернись скорее, друг!

Свершилось

Неужто зря о гибельных обманах
Тебя старались мы предупреждать?
Свершилось. В незалеченные раны
Оружие направлено опять.

Напрасный шум,
и все вокруг спокойно?
Не видишь ты, что этот шум вот-вот

Вмиг породив неистовые волны,
В сражений гром для нас перерастет.

А для тебя с твоим лукавым даром
Искать тропинку легкую в судьбе?
Опять гасить вторжения пожары
В Чечне придется вовсе не тебе...

О, молодость, да разве в танце дело,
Когда выходишь на заветный круг!
Я был тогда танцором неумелым,
Но сколько милых девушек вокруг!

Подумаешь, задорные коленца
Пока что получают не в лад –
В полете жизни был готов я сердце
Отдать любой из ласковых девчат!

И ты летела точно так же к счастью,
Как на огонь, танцуя, мотылек...
Я об одном жалею, что не властен
Приблизить нашей
первой встречи срок.

Как поздно я тебя, любовь, заметил!
Неужто зря я лучшие года
Протанцевал на этом белом свете?
А, может быть, еще не опоздал?

Давно ли в туфлях мамы чья-то дочка
С надеждой к зеркалу
тянулась на носочках:

Неужто станет взрослою не скоро?
Давно уже те туфли стали впору!

Неслышно девичья весна настала.
Ее походка – как удар кинжала

В сердца парней,
чьи взгляды караулят
Красавицу у родника в ауле.

Едва она появится из дома,
В глазах мужчин – лукавая истома!

На край земли бежать они готовы
За ласковой улыбкой или словом!

А самые настырные из многих
Дорогу заступают недотроге.

С надеждой парни,
даже самой куцей,
Никак и ни за что не расстанутся!

Красавица, и я готов, не скрою,
Тряхнуть перед тобою стариною!

А вдруг да улыбнется мне удача?
Какой же я поэт тогда иначе!

Круглая беседка

В беседке круглая скамья
Под круглой крышею зеленой.
А на скамейке – ты и я –
Не круглый дурень, а влюбленный!

Летают круглые слова
Твои без отдыха по кругу.
Глазища круглые сова
И та сомкнула. Ну, подруга!

Болтливость у тебя – в чести!
Я взглядом вопрошаю снова:
Когда же дашь произнести
Мои заветные три слова?

В крови по кругу чехарда:
То жар, то холод несусветный.
Я так и не сказал тогда
Влюбленных формулы заветной!

В потоке слов меня губя,
Брод указать была готова
Не мне... И «Я люблю тебя!» –
Ты услышала от другого.

Глагольное

Вошла. Остановилась. Одарила
Холодным взглядом. Охнуть не успел –
Нежданнами слезами растопила
Комок обид, что, как нарыв, созрел.

Рыдала. Проклинала. Уходила.
Раскаялась. Вернулась. Не ушла.
Просил прощенья. И она просила.
Дал обещанье. И она дала.

Прощением очистилась душа.
Но ты во сны мои приходишь вновь,
Как суд за то, чего не совершал,
За то, что от тебя не спас любовь!

И не унять волнение в крови.
Но это лишь во сне, а наяву
Измены ядом вволю напоив,
Живи одна. Я тоже проживу.

А совести твоей я не мешал
Принять безропотно грехи твои.
Прощением очистилась душа,
И снова есть в ней место для любви!

*Перевел с чеченского
Юрий Щербаков*

Шарани Дашаев**Кража**

Рассказ

Безлунная, темная ночь. От холода и сырости коченеют ноги, руки, все тело. Особенно неприятно на берегу этой речки, журчащей в глубокой ночной тиши. Такое ощущение, что все живое и неживое в природе уснуло крепким, беспробудным сном.

– Леча, вставай... Пойдем... Я замерз, – умоляю я своего попутчика, что, скрутившись кольцом, лежит рядом на сырой земле.

– Да-да... сейчас... – сонно и невнятно шепчет он, но тут же издает очередной храп.

Я действительно мерзну. Оба мы одеты в одинаковые, короткие полупальто, лежим на сырой еще не согревшейся земле, да еще у самой речки, так что ноги с берега свисают.

Но мой попутчик ничего не замечает: ни времени, ни погоды. Для него сейчас важно одно: чтобы его не беспокоили.

Я хорошо усвоил его привычки. Он так и дотянет до утра, лежа на одном и том же боку. Ему все равно: что мягкая постель, что круглый стул, что жара, что холод. Отсутствие какого-либо комфорта его мало волнует. Эта стальная закалка у него с детства.

Мы с ним работаем в одной школе. Я – преподавателем, он – заведует хозяйственной частью. Я прохожу практику в небольшом предгорном селе, он – коренной житель. Мы познакомились недавно, но уже успели крепко подружиться и почти все рабочее и нерабочее время проводим вместе.

И нынче мы с ним накануне вечером прибыли в райцентр по каким-то там делам и возвращаемся обратно. Транспорт здесь не ходит, разве что «молоковоз» раз в сутки приезжает на местную ферму, да и то с трудом, из-за бездорожья, петляя по руслу реки. Накануне вечером нам с Лечи повезло: кто-то в село вызвал «скорую». Она и подвезла нас в район. А вот обратно приходится добираться на «своих двоих».

Время медленно отсчитывает минуты. Хотя весенние ночи и стали заметно короче, но нынешняя ночь мне кажется бесконечной, особенно после того, как мы распрощались с девушкой, достигли этой речки и расположились здесь на отдых. Он решил вздремнуть малость.

Прежде чем выбраться на окраину, мы проделали уже немалый путь от райцентра на окраину, поскольку село это районное растянуто на несколько километров по обе стороны реки. Здесь, на окраине, словно стремясь объять село в свои холодные объятия, река Мартанка берет резкий поворот вправо, далеко врезавшись в противоположный берег. А там, где она, успокоившись, выравнивает свой бег, какой-то доброхот соединил два берега длинным бревном, соорудив таким образом пешеходный мостик.

– Давай на этом месте чуточку передохнем, – услышав эти слова от своего попутчика, я нисколько не удивился, приняв его слова за привычный «фокус».

Но когда он застегнул пальто на все пуговицы и повалился прямо на землю, я понял, что это вовсе не шутка и намерения его вполне серьезны.

Я, как могу, пытаюсь помешать ему, придумываю всякие мыслимые и немыслимые болезни, связанные с простудой. Но ничего из этого не получается. Пока я продолжаю свои словесные излияния, он погружается в глубокий сон, громко всхрапнув для начала.

«Будь что будет», – решаю я, пристраиваясь рядом, плотно укутавшись в полупальто.

Похоже, что на какое-то время меня тоже сморил сон, судя по тому, что я почувствовал страшный холод в боку. Какое-то время я ворочаюсь с боку на бок. Но меня хватает не намного. Мои бока ноют от нестерпимого холода.

– Леча, ну вставай, пойдем. Уже рассветает, люди проснутся. Неудобно, – давлю я на его совесть.

– Угу... Сейчас, – только и удается мне добиться от сонного человека.

Решил зайти с другой стороны:

– Ты как хочешь. Можешь оставаться, сколько хочешь. Я пошел! – требую я, выправляясь во весь рост, показывая тем самым свою решимость продолжить путь.

* * *

Наконец мы трогаемся. Он еще не успел выпрямиться, продолжает ежиться, я же не перестаю давать наставления, боясь, что он передумает и опять вздумает завалиться на полпути. Нам предстоит пройти всего три-четыре километра. Там нас ждут тепло, мягкие постели. Но до них еще надо добраться.

Мое настроение прескверное, все тело разбито, ноги стали ватными и едва передвигаются, холод пронизал все тело, но все-таки надо идти, чтобы хотя бы согреться. Но мой попутчик, похоже, не чувствует всего того, что испытываю я: холод, тяжесть в теле, да еще какое-то смутное зло на своего молчаливого попутчика. Кажется, он и на ходу продолжает спать, как лошадь.

– Слушай, как ты так можешь? Не пойму никак: я и в мягкой постели долго ворочаюсь, прежде чем заснуть, а ты можешь спать даже на ходу, как лошадь. Как тебе это удастся? Завидую тебе... – я пытаюсь разговорить его.

А он, будто назло мне, продолжает упорно молчать. Он вообще не слышит меня. Это меня все больше злит, все больше распалает.

– Не перестаю удивляться твоему безразличию к комфорту...

Наконец:

– Безразличие, говоришь?... – его голос прорвался, словно из другого конца огромной трубы. – Это не понять тому, кто на себе не испытал то, что довелось повидать мне...

Его голос вновь замирает в темноте, словно выданная им информация могла меня удовлетворить в познании того, что пришлось испытать моему другу на каком-то отрезке жизни. Нам, рожденным в середине прошлого столетия, выпало на долю немало испытаний, бед, тревог, разлук, всего того, что приносит человеку боль и отчаяние.

– Тогда рассказывай, – настаиваю я с завидным упорством.

– Долго рассказывать, – отпирается он.

– Даже если и так, – не сдаюсь я.

И в доме, и в во всем подворье чувствуется, что Леча и Табарик живет какой-то неприхотливой жизнью, во всем видится безразличие и беспечность. Все вокруг заняты на своих участках уходом и выращиванием разных овощей или традиционной кукурузы, наконец, а этим ничего вроде не нужно. Сама Табарик, женщина крепко сложенная, добродушная, всегда сияющая. Но она не успевает рожать и растить детей. Возможно, что и при этих условиях она сумела бы выкроить время, если бы было кому стать с ней рядом, приняться за какое-нибудь домашнее дело. Но в лице супруга она никакой поддержки не имела, да, похоже, она и не ждала, жила, точно как и он, весело и внешне безразлично ко всему, что находилось за порогом ее четырех стен.

Их дом из-за возвышенности, на котором он стоит, выглядит довольно

большим и добротным по сравнению с соседними. Но отсутствие традиционных деревенских пристроек – сарая, навеса, ограждения – делает его одиноким и сиротливым. Это впечатление усиливает и то, что дальше этого дома простирается огромное пахотное поле местного хозяйства.

Однако, несмотря на скромное, несколько обособленное пребывание, эта чета хорошо известна не только в селе. Отзываются о них весьма лестными эпитетами, как-то: добропорядочность, щедрость, постоянный добродушный настрой и, конечно же, веселый нрав. Глава семьи считается большим балагуром и выдумщиком. Скорее всего, это о них говорится в народе: чтобы соединить одинаковую пару, Бог железную обувь истаскал. Даже рождение одной, второй, третьей и даже четверкой девочки в семье никак не изменил их образ жизни, оптимистичный настрой.

Неприхотливый образ жизни не мешает этой чете щедро делиться с другими всем, чем сами располагают. Видно, поэтому в просторном «хозяйстве» Табарик редко когда набирается больше двух-трех голов птицы, не говоря о другой живности. Все ложится на стол гостей, а что остается – хозяин нередко уносит в школу, где он работает. В селе, где единственная задрюпанная полупустая будка под названием «Магазин», сельская интеллигенция тоже пребывает в ожидании спонсорской поддержки. Вот Леча и считает, что помимо хозяйственных дел на нем лежит еще другая обязанность: поддерживать голодных продуктами питания с собственного подворья. Такой уж он человек.

Другой раз, когда становится особенно худо, сам напомним:

– Может, в курятник Табарик заглянем?

Иногда и нам, названным сельской интеллигенцией, тоже становится интересно заглянуть в курятник сослуживца. Любопытно все-таки, как это будет выглядеть. И получается: мы остаемся на шухере, а сам хозяин забирается в собственный курятник. Но хозяйка и без того наперед знает, с какими намерениями мы к ней пожаловали. От души смеется. И тут же берется за стряпню с превеликим, как говорится, удовольствием. По крайней мере, в нашем присутствии так все и выглядит. Это тоже умение блюсти такт при посторонних и бесконечное терпение, которым наделена не каждая домохозяйка.

Иусебя дома, и за пределами собственного двора такой же щедростью славится и глава семейства. Готовностью кому угодно прийти на помощь. Поэтому по привычке даже технички школы всячески пытаются эксплуатировать своего «начальника». Во дворе и в коридорах школы постоянно слышны их голоса: «Леча, Леча, нужно то, нужно другое...» За неимением другого поручения просят его помассажировать головы. В этом деле он тоже знаток и мастер. Все хорошо понимают, что отказать он не сможет, какое бы трудное дело ему ни поручили, исполнит должным образом.

Ко всему этому и мы, педагоги, не упускаем возможности подтрунить над ним. Вернее, делаем попытки, хотя часто и неудачные. Леча и сам принадлежит к числу тех людей, кто в карман за словом не лезет.

Ну, а насчет поехать куда, приехать... И тут он, как правило, выполняет роль посыльного. С готовностью слетает на любое расстояние и непременно вернется с каким-нибудь презабавным приключением.

Прежде чем мой попутчик снова заговаривает, я успеваю мысленно перелистать все его забавные проделки. Теперь я жду от него какой-нибудь новый презабавный рассказ, который сократит нашу утомительную дорогу, а он, наконец, выйдет из сонного состояния.

– Ты хотел услышать, откуда у меня это кажущееся безразличие ко всему? – в голосе Лечи вдруг зазвучали грустные, незнакомые мне доселе нотки. – Так вот слушай...

...По прибытии на место нас разместили в старом не то в бараке, не то в производственном цеху, от которого остались лишь стены и прохудившаяся

крыша с множеством дыр и сквозняков. Много народу под одной крышей. Нам с сестрой, оставшимся без родителей (мать перед самым выселением гостила у своих родственников, о ее судьбе мы ничего не знали, отец скончался по пути следования), достался уголок в дальнем конце этого сооружения. И все же там, где много людей, было как-то не так страшно, о неустроенности не думали. Чужие люди, отдавая последнее, заботились о нас, детях-сиротах. Но постепенно люди стали покидать это холодное жилище и обустроиваться, как могли, наспех строили небольшие глиняные мазанки – как-то никак собственное жильё. В конце концов, к следующей зиме в большом бараке мы с сестренкой остались вдвоем. Не знаю, сколько ей тогда было годков. Наверное, пять или шесть. Я был чуть постарше. Может, на год-полтора или два. Кому тогда до этого было дела? Теперь нас мучил не только голод, но и азиатский холод. Единственная, неизвестно откуда доставшаяся рваная ватная телогрейка, служившая одновременно и одежкой и постелью – вот все, чем мы располагали. Я, как старший, всеми силами старался больше укутать сестренку. Но это ей мало помогало. Она постоянно плакала с голода, просила еду.

– Кушать... хочу кушать, – постоянно повторяла она, судорожно обвивая мою шею дрожащими худенькими ручонками. Казалось, что других слов она вообще не знает. Измучившись до хрипоты, прямо на моих руках она тихо закрывала глаза, вздрагивая в чутком усталом сне. А когда широко открывала глаза, мне казалось, что смотрит она меня с мольбой и бесконечным укором. Каждый раз я пытался успокоить ее, пересказывая ей одну и ту же сказку, которую мне рассказывала мама, отправляя ко сну. Но никакая сказка не могла побороть проклятый голод. Будучи сам еще ребенком, мне больно было видеть ее муки и страдания. Она умирала. Я видел смерть в ее гаснущих день ото дня глазах. И от этого страдал не меньше, забыв собственный голод. И однажды на рассвете, уловив момент, когда она заснула, выбившись из сил, я вышел на дорогу. На воровскую, в прямом смысле...

...Рассыпавшись, медленно по проторенным тропам между густоразросшимся кустарником понимается вверх по крутому склону горы небольшое стадо коз и овец. Еще не рассеялся густой туман, что лежит там внизу, в глубоком ущелье. Туман и густой кустарник – мои верные помощники. И пастуха пока еще не видно – он плетется далеко позади, подгоняя рассыпавшееся по всему склону поголовье. Все мое внимание проковано к черному, как уголь, козленку, который игриво вертится вокруг такой же черной козы, что бредет чуть в сторонке от основного стада. Крупная коза меня не интересует, с ней я не справлюсь, истощенных сил не хватит. Я не отдаю отчета своим намерениям. Перед глазами только одна картина – голодная сестра, укутанная в фуфайку, которую я оставил одну, предупредив, чтобы она не сходила с места до моего возвращения. До самой смерти не забуду эту картину: жалобное, похожее на детский плач, бляение этого маленького существа, зовущего мать. Голод побеждает жалость...

На востоке еле заметно пробивается утренний рассвет. Отсюда, сверху, видны огоньки, что горят в окнах сельских домов, лежащих в низине. Вокруг тишина, слышны только наши шаги. Больше я не решаюсь задавать Лече вопросы. Чувствую виноватым за то, что разбередил в нем мучительные воспоминания. Но, похоже, теперь его не остановить. Ему самому хочется излить всю свою боль до конца, коль начал.

...Я отрезал заднюю ножку – больше не смог бы осилить – и поспешил обратно. У меня не было времени заниматься разделкой тушки козленка или думать, как запастись оставшимся мясом. Боялся быть пойманным. Я вначале уже упомянул, что жили мы на холодине, на обжигающих все тело сквозняках. Короче говоря, даже спать нам приходилось на ледяном полу. Рано утром первым делом мне приходилось бежать за кураем (по-казахски – сухая трава), чтобы как-то согреться. С дровами в тех местах было туго. Но трава быстро сгорала. И чтобы огонь не погас, приходилось постоянно подбрасывать

этот самый курай. Но и его не просто было раздобыть. «Самое главное – мы спасены», – думал я, суетясь и приговаривая:

– Я сейчас... Потерпи чуть-чуть...

Я не помню, какое имя ей дали наши родители. Да было ли оно вообще, кто его знает?

Она лежала в той же позе, в которой я оставил, уходя, молча и неподвижно.

Как всегда, первым делом я бросился развести огонь, набрал кое-как охапку курая. Не дожидаясь, пока огонь полностью разгорится, я бросил прямо в огонь отрезанный небольшой кусок мяса. До выселения я видел, как взрослые таким образом иногда жарили мясо на открытом огне.

Но мои усилия оказались напрасны. Напрасной оказалась и моя первая кража. Оказалось, что она слегла навсегда, чтобы больше не встать. Не заговорить и не просить еду. Пробовал согреть. Накормить пробовал недожаренным куском мяса. Бога просил, как мог, как умел. Но она навсегда уснула на моих руках.

Мы с Идрисом (был в селе такой человек, который считался муллой) отнесли крохотное тельце и похоронили на казахском кладбище. Так я остался совсем одиноким на чужбине, без родственной души рядом, без поддержки, без обыкновенного человеческого сочувствия. В каждой семье было свое горе. Поговаривали, что где-то у меня должны быть родственники. Но как мне было их искать?..

Лица своего попутчика я не вижу. Я боюсь заглянуть ему в лицо. Но слышу его дрожащий голос и вижу крупные капли слез, медленно сползающие по его широкому лицу. Я каюсь. Зачем было мне будить в нем горькие воспоминания, лезть в его душу?

...Ночь. Темь. На небе – ни единой звездочки. Вокруг звенящая тишина. И точно такая же, как только что услышанный мной рассказ, темь. Природа словно замерла, боясь встряхнуться ото сна. Но какое ей дело до человеческой боли? Другое дело, если б она могла заговорить. Тогда, может быть, о многом рассказали эти надгробные памятники, что, словно часовые, высятся на кладбище, на самом краю села, или те вершины гор, что, словно сторожевые башни, опоясали лежащее у их подножья древнее вайнахское село, или те деревья и кустарники, что своими крепкими корнями приросли к горным склонам. Я вижу, как между этими деревьями и кустарником крадется маленький мальчик, а в ушах звенит слабый, умирающий голосок:

– Кушать... Хочу кушать...

Ахмет Асхабов**Конь гнедой**

Бьет копытом по земле сухой,
Удила во рту перебирая,
Нетерпенья полон, конь гнедой,
Пену изо рта в траву роняя.

Рвет из рук поводья горячо,
Шею горделиво выгибая,
Так и просит заскочить в седло
Он, ушами острыми прядая.

И лиловым, шаловливым глазом
С укоризной на тебя косит,
Раздувая ноздри, словно жаром
Обдувая, фыркает, храпит.

А под тонкой, шелковистой кожей
Стройное, мускулистое тело
Справиться не может
с нервной дрожью –
Состязанье конское задело.

Всех обскачет, ото всех умчит
Он, стрелой пронзив степную даль –
Лишь успеешь в седло ты заскочить,
Отпустив поводья, волю дай!

Кочевник-казах

На косматом гривастом коне
Мчится древний кочевник-казах,
Что на свет «появился в седле»
И с камчою тяжелой в руках.

Споря с ветром, он пулей летит,
Кровь горячая в жилах играет –
Без коня ведь джигит не джигит,
Степь в восторге на сына взирает.

Бесшабашная удаль его
Тянет в даль на охоту от века,
И сапсан на руке у него –
Друг – в забавах таких человека.

А в юрте, среди широкой степи,
На курпешке*, с домброю в руках,
Аксакал, напевая, сидит,
И печаль затаилась в глазах.

Но встряхнулся акын, и глаза
Заискрились лукавой улыбкой:
Насладиться акыну, печаль,
Этой жизнью дай, краткой и зыбкой!

И, ударив по струнам домбры,
Звонким голосом вдруг он запел.
По велению Аллаха, акын –
И моей души струны задел.

Дастархан** остается не тронут,
Чай в пиалах, дымя, остывает...
Не остался никто не затронут –
Кюй*** акына за сердце хватает.

Льется песня широко в степи,
Глуховато ей вторит домбра.
Жизнь на месте, увы, не стоит...
Но куда же ведет нас она?

Нынче мчится казах по шоссе,
Пересев на сиденье с седла,
Он оседло живет, как и все:
Позабыты юрта и домбра.

Ведь от века отстать не хотим
Мы, теряя «лицо» – как один.
Был казах, был чеченец – теперь
Прорубили в Европу мы «дверь»!

Такалашеву Вахе...

В постели белой, у окна,
Лежит, заботой окружен,
Давно уже – не год, не два...
Параличом разбитый он.

И видит мир лишь из окна
Уже пятнадцать долгих лет,
Но все ж, в глазах у старика
Не меркнет жизни ясный свет.

Хотя пластом лежит давно,
Но полон он душевных сил.
Как жаль, что время то ушло,
Когда он сам себя носил...

Как будто вся из серебра,
На грудь спадает широко
Седой волною борода,
Что красит умное лицо.

Янтарных четок ручеек
Течет меж пальцев не спеша,
И мнится, что старик прилег,
Пока не позовут дела.

Хотя, прикованный к постели,
Не может полноценно жить,
Но устремлен к одной он цели –
Аллаху преданно служить.

И каждый божий день намаз
Свой пятикратный совершает,
Смиренья полон, и наказ
Аллаха верно исполняет.

Не хотят...

Не хотят «пускать» меня в поэты
Те, кто этой «степени» достиг –
Мол, чужие я обул «штиблеты»,
И незванным гостем в дверь проник.

Мол, попасть в созвездие богемы
Только лицам избранным дано:
Если есть с «развитием» проблемы,
«Не пуцать и близко!» решено.

Ладно, с пузом как-то справлюсь я.
Постараюсь быстро нарастить.
Но, вот, двери вуза у меня
Хватит сил, лишь только
чтоб открыть.

Стар уж, в институтов корпусах
Целый день просиживать штаны –
В тронутых «эрозией» мозгах
Знания не держатся, увы!

Крик чайки

Как вопль тоскующей души
Крик чайки, пролетевшей низко,
В вечерней прозвучал тиши...

И сердце приняло так близко
Пронзительно-печальный крик,
И больно дернулось на миг...

Тоскливо сжалось, затянулось
Кручиной горькой, словно желчь...
Неужто может чайки голос
В тоске-печали сердце сжечь?!

Строки мои

Я этой бумаге вверял свои строки
Не для забавы и развлечения –
В тоске по отчизне,
в чужбине далекой
Рождались они –
облегчить чтоб мученья.

Не для придирчивых глаз я писал их,
Скупю роняя слово за словом.
Сердца заметы горькие – в стих
Вылились, строк моих
грубым узором.

В степях Казахстана взяли начало
Они, словно вежи
вдоль пыльной дороги.
Разлука с тоскою рядом шагая,
Трещали мне в уши, словно сороки.

Молчание долгое невыносимо:
Когда переполнилась чаша –
То слово, как капля
из чаши, просилось
Пролиться строкою все чаще...

И я покорялся желанию слова,
Не в силах ему был противиться –
Рождаясь из тяжкого
вздоха со стоном,
С бумагой просилось
оно породниться.

Шамсудди Макалов**Беглец**

повесть

Семья

(Глава из повести)

Лето 1950 года. Седьмой год выселения. К этому времени переселенцы успели прижиться на землях казахов и киргизов. С каждым божьим днем жизнь улучшалась. Дети росли и крепли.

Нанашу исполнилось четырнадцать лет. Эта граница между детством и юностью, похожая на раннюю весну. Он успел сдать экзамены за семь классов и получить свидетельство. В его глазах был еще неузнанный мир, детская наивность и, конечно, вера в жизнь. Он был похож на молодого орла, у которого только-только стали крепнуть крылья.

Семья жила в поселке Иссык, недалеко от Алма-Аты. Жила в нужде в небольшом старом домике в четыре окна, с просторной, светлой клетью, где дети любили спать в летние ночи. В клетке пахло мятой, шиповником и другими травами, которые пучками были развешаны по стенам. Первые два года выселения жили, еле сводя концы с концами. Нанаш до сих пор помнит, как выбирал мерзлую картошку в снежном поле, помнит синева, водянистую кашу, которую он, несмотря на постоянное чувство голода, насильно заставлял себя съедать, а хлеб, полученный на карточки, тут же съедали, и к обеду не оставалось ни крошки. Поэтому часто приходилось пить один чай, откусывая от сахара по маленькому кусочку, как учила мачеха. Но, надо сказать, не так-то часто бывал в их доме сахар.

Спал он в старой избушке, похожей на лесную сторожку. Избушка была тесная, давно небеленая, с небольшим оконцем, недавно застекленным вместо бычьего пузыря. Большую часть избушки занимала русская печь. Она была для него вместо кровати и стола. Там же находились его учебники и тетради. В комнатке все было по-хозяйски прибрано, а на стене висели фотографии отца и матери. Молодой отец был в папахе, а мать, видимо, снималась в ту пору, когда только вышла замуж. Они были сняты в самые счастливые их годы. Говорили, что раньше в этой комнатке жила русская старушка, которую дочь после войны увезла в Россию.

Мать Нанаша умерла еще дома, до нашего выселения. Нанаш смутно помнил, как она лежала в углу на кровати, похожая на скелет, обтянутый желтой кожей, как женщины в черном рвали на себе волосы, горестно причитали...

Спустя шесть месяцев после смерти жены Асхаб, отец Нанаша, женился на вдовушке из соседнего села. У Асхаба, кроме Нанаша, сейчас было еще четверо детей: два мальчика и две девочки. Хотя Каха (так звали мачеху), чтобы уберечь его от дурного глаза, повесила ему нашу бусинку-амулет, между ними часто возникали трения. Нанаш всегда видел в ее глазах льдинки. Она не любила его, как своих детей. Была не воздержана на язык. Ходила по дому, бормоча ругательства. Доводила часто Нанаша до слез. Она выводила из себя даже невозмутимого мужа. Асхаб иногда кричал на нее: «Говорят тебе, заткни глотку! Я тебе руки и ноги переломаяю, трещотка окаянная!» Однако, зная мягкотелость мужа, она не боялась его угроз. И Нанаш, конечно, это знал.

Когда он вспоминал свой первый школьный день, в памяти прежде всего всплывала старая школа и огромный двор: горячая земля, усыпанная ореховой кожурой; его голые подошвы до сих пор сохранили сухой жар нагретой солнцем

земли. А грамоте он научился легко, без надрыва. Он был застенчив и открыт одновременно. На уроках слушал внимательно, в своей избушке выполнял старательно все задания, и учителя всегда хвалили его за прилежность к учению и способности. Он четко, без единой запинки читал стихи. Его удивлял Пушкин простотой и музыкой стиха. Больше всего ему нравились уроки чтения, особенно нравились сказки, мифы и легенды. За один присест он прочитал сказку Ершова «Конек-Горбунок», мифы древней Греции «Герои Эллады». Ему хотелось быть похожим на Геракла и совершать, как и он, подвиги. Он часто смотрел на плакат, висевший в школе «В жизни всегда есть место подвигу». Где оно, это место? И способен ли я на подвиг, думал он.

А затем с возрастом его увлекли рассказы о путешественниках. Он видел себя взрослым, похожим на Миклухо-Маклая, бородатым мужчиной.

Из класса в класс он переходил с хорошими отметками. Хорошо решал и задачи, ученики-лентяи у него всегда списывали. Короче, учеба давалась ему без особого напряжения, и в школу он бежал с радостью. Не хуже казахских детей болтал по-казахски. Однако мачеха не радовалась за него, потому что ее дети учились слабее, хотя Нанаш им помогал готовить уроки. Всегда, если надо, был тут как тут. Когда братишка свалился в тяжелейшей скарлатине, он усердно ухаживал за ним. За два километра бегал за лекарством в единственную аптеку в поселке.

Отец работал в Алма-Ате в какой-то строительной бригаде и мало бывал дома. Приезжая домой, отец привозил иногда чай и сахар, куски ситца и одежку для детей, однако Нанашу из этого мало что перепало. Каха почти все прятала, чтобы после отъезда мужа перепродать. А если в доме пропадало что-нибудь, сразу обвиняла его или его друзей. Нанаш как мог защищал себя и своих друзей. Ему обидно было слушать незаслуженные упреки, но от природы он не был обидчивым и редко жаловался отцу. Перед отцом он робел, почитал его; любить же особо не любил из-за мачехи.

Он очень хотел обзавестись велосипедом, как другие его сверстники. Но зная, что семья существует на небольшие заработки отца, просить не посмел. Нанаш сам решил подзаработать денег хотя бы на одежду, и он стал на период летних каникул работать у знакомого мельника. Работал добросовестно и усердно. Слушал монотонный шум жерновов, как вертится вода под лопастями мельничного колеса. Приятно было видеть, как из желобка тонкой струйкой бежит мука, распространяя пряный запах.

Когда отец в очередной раз приехал домой, семья села ужинать. Каха поставила на стол баранью голову, которую Нанаш днем чистил, готовил к варке. Отец аккуратно изрезал ее длинным ножом и стал раздавать части. Нанаше достался бараний глаз и ухо. Но когда отец вытащил из кармана пиджака чекушку водки, Каха разозлилась на отца и начала ругаться:

– Не пей! Хочешь, вместо того, чтобы вырваться из нищеты, прилипнуть к бутылке! Ты видишь, в доме нет ни хлеба, ни масла, ни денег, чтобы в магазин сходить. А ты, приезжая домой, сидишь в пивной, пока тебя не выгонят. А дети твои голодные, – закричала она и вырвала из рук Асхаба бутылку. Затем взяла за горлышко и с размаху разбила о косяк. На пол брызнули осколки стекла и водка. Асхаб начал бушевать. Он бросил на пол тарелку и яростно топтал ее, словно это был его враг. Каха была права. Дети действительно ходили по соседям, когда в доме есть было нечего. Хорошо, что меньшие двое ходили в детский садик.

Нанаш не выносил ссоры, он не мог слышать, когда при нем мачеха ругает отца. Нанаш, взяв свою долю и кусочек лепешки, ушел в огород, где созревали огурцы. Его тоже тревожило то, что отец стал все чаще прикладываться к рюмке. По-разному, думал он, люди относятся к своим отцовским обязанностям. Иные бегут от них, другие равнодушны, – мол, вырастут, сами о себе позаботятся. А он хотел, чтобы все отцы были образцово-показательны, а детство у детей – безоблачным.

Нанаш был складный парнишка с умными светло-коричневыми глазами,

нос был с легкой горбинкой. По породистому, удлинённому лицу, бледному как мел, струился пот. Голова его с кудрявыми волосами была запрокинута, и он смотрел в небо. Лето было в разгаре. Кругом жужжали пчелы, стрекотали кузнечики, порхали бабочки, шептались о чем-то листья, воздух был наполнен ароматом цветов и цветущей липы. Через некоторое время послышался голос семилетней сестренки Седы:

- Нанаш, иди пить чай. Отец уже успокоился.
- Скажи что не хочу. Сыт по горло, –махнул рукой.
- Вот противный, – произнесла Седа. Так любила говорить и ее мать.

На душе у Нанаша было паршиво, он почувствовал, как что-то подкатывает к горлу. Он зажмурил глаза, прикрыл их ладонями и на какое-то время ушел в прошлое. Он вспомнил о рано усопшей матери. «Мама, мамочка, почему ты так рано оставила меня? Как мне без тебя плохо! Почему смерть разлучила нас? Я знаю, мама, у тебя в сердце были такие слова, которые ты мне хотела сказать, но не сказала, потому что тогда я был несмышлениш. Я помню, перед самой смертью ты хотела меня обнять и подарить конфетку; но не смогла, конфетка выпала из твоих рук, а меня кто-то оттащил от тебя. Помню, кто-то сказал: «У Нанаша больше нет матери. Он потерял одно крыло».

Это была любовь матери к своему единственному ребенку. О, как ничтожен этот тесный темный мир в сравнении с величием материнской души! Своих сводных братьев и сестер Нанаш любил, но они из-за мачехи боялись особо общаться с ним. Отца он жалел. Он был бесхарактерный, слабый духом, боялся жены и потакал ей. А для смелости стал выпивать. Такое положение претило Нанашу. Он стал задумываться над своей жизнью. По какой дороге идти? Куда?

Он так хотел увидеть величавые горы, у которых во время насильственного угона народа были опущены тяжелые ледяные веки – не могли видеть горе своих сородичей. Они запечатлелись в его воображении в основном по рассказам старших. Да и сам он смутно помнил, как выслали в Сибирь. Помнил причитание женщин, плач детей, лай собак, грубые окрики, протяжный вой паровоза и перестук вагонных колес... Целый народ выслали! Вагоны, предназначенные для перевозки скота, были переоборудованы для перевозки людей, но так, что людям было хуже, чем скоту. Они и были скот - пища для Сталина.

Нанашу казалось тогда, что он видит дурной сон, как в углу на заплыванном, загаженном полу кричал новорожденный.

Женщины окружили роженицу. А давно небритые мужчины молча, недвижно, опустив головы, сидели на нарах. Их считали предателями. «Нашла чучмечка время рожать!» – орал конвой.

Нанаш сейчас задавал себе вопрос: почему Сталин не знает, что виновен бывает человек, а не весь народ? Вместо того, чтобы людей разных национальностей превратить в единое целое тело, он без жалости отсекал его части.

Конечно, Нанаш в то время не мог знать, что Сталин был по натуре человеком, лишенным радости дружбы, любви, семьи, был вечно озлобленным, вечно подозревающим, в жизни не узнавшим радости быть верным кому-либо и счастья простить кого-либо.

Почти каждую ночь Нанашу снились горы. Они плакали никогда не замерзающими слезами родников. Он мыслями был с ними, лицом к лицу с голубой заоблачной далью, и гордые орлы вязали над ней тугие петли. Однажды ему приснилось, что собрался в дорогу, берет свою сумку, идет к двери, и вдруг мачеха преграждает ему на пороге путь:

– Куда ты собрался? Что я скажу твоему отцу? Я знаю, где твои мысли. Решил убежать от нас тайком. Знай, дальше мечты дело не пойдет. В жизни часто бывает не так, как мечтается. Разве о такой жизни я мечтала? А ты весь в отца. Он тоже сбежал от нас, хотя работу можно было найти и дома.

Нанаш что-то хочет сказать ей, но язык его не слушается, словно онемел, и

он проснулся. Проснувшись, начал сознавать печальную действительность. На душе кошки заскребли.

На следующее утро Нанаш слышал, как отец, заложив руки за спину, меря шагами комнату, извинительным тоном говорил жене:

– Слушай, жена, – начал он, – отнесись к моим словам посерьезнее. Больше пить не буду. Я обязательно соберусь с силами. Всех одену, всех обую, построим новый дом. Я не хочу, чтобы у детей осталась обо мне плохая память. Вот увидишь, я стану совсем другой. Плохо ты меня еще знаешь.

– Планы хоть куда, – пробурчала Каха, – ничего не скажешь. Но я боюсь, дальше твоих слов дело не пойдет. А пора бы знать меру.

Такие клятвенные заверения Нанаш слышал от отца не раз. Но на сей раз хотелось верить.

В это утро, позавтракав огурцом из огорода и напившись чаю с сушеными ягодами, Нанаш ушел удить рыбу. Ночью он плохо спал, болела голова. Ежась от утреннего холодка, он шел к речке с удочкой и банкой с червями. Какая радость встречать раннее утро, прислушиваться к голосам, к разнообразным звукам просыпающейся земли! Яркое светит солнце, серебрится под ногами роса, над цветами летают бабочки, в кустах поют птицы. Увидев его, трусливая зайка бросилась в кусты.

И вдруг его осенило: а ведь я, да и все мы – часть природы! Часть этого огромного, прекрасного мира с землей и небом, с цветами и деревьями со зверями и птицами. От этой мысли у него появилось ощущение здоровья, перестала болеть голова, возвращая уверенность в своих силах. Даже улетела куда-то грусть, что против воли заползает в душу. По дороге, смотря, как синеют васильки, мелькают полевые астры, с вышины слыша трель голосистого жаворонка, Нанаш подходит к речке, садится на свое заветное место у заводи, насаживает червяка на крючок, закидывает леску в воду и трепетно следит за поплавком. И, о радость! Не прошло и пяти минут, как поплавок дернулся, и первая рыбка трепещет на крючке. Через некоторое время к нему со своими удочками подошли его друзья: сородич Муса и узбек Джубан принесли с собой картофелины. Это были друзья его детства, хорошие верные товарищи. Учились хорошо, были умны и красноречивы. Муса отличался озорными, блестящими глазами, взглянув на него, нельзя было удержаться от улыбки. Он умел потешать ребят, от него все время ждали какой-нибудь выходки. А Джубан умел делать поплавки, вытачивать стрелы для луков, мастерить ловушки; любил петь узбекские песни. А все вместе любили играть в лапту, ловить на поле майских жуков. Они летели, словно истребители на бреющем полете: гудели, вырывались из рук, перебирая лапками, старались раскрыть крылья...

Наловив рыбу, они сварили уху на костре, выкатывали из углей картофелины, купались в речке, переплывали ее на спор, отогревались на солнце; много говорили, играли, смеялись, заражая друг друга весельем. Нанаш и сегодня помнит этот смех, и ему радостно сейчас, через десятки лет, знать, что все это было, они дурачились и потешались, счастливые своей молодостью. Красивая эта была дружба, светлая и неповторимая, как сама юность. Они были разными и в тоже время очень похожими друг на друга. Каждый чем-то выделялся.

Лишь поздно вечером Нанаш с небольшим уловом возвратился домой. В доме было несколько мужчин из соседних домов. Каждый раз, когда отец приезжал на побывку домой, они по вечерам собирались у нас, чтобы услышать последние столичные новости. Беззубый старик в папахе говорил:

– Нас погнали сюда, как гонят с гор отару на зимние пастбища, и половина отары погибла в пути от холода, болезни и бескормицы. Где же правда времени?..

Нанаш внимательно прислушивался к их разговору, который в основном велся о Кавказе. Говорили о родной земле, о могилах предков, не зная, когда придется свидеться, просили Всемогущего Аллаха вернуть их домой. Просили: не дай одолеть нас несправедливости. С верой в Него, они надеялись

на лучшее. И Нанаш тогда понял, что надежда, хотя бы самая неразумная, несбыточная, необходима, как воздух и хлеб.

Соседи скоро разошлись по домам. В этот вечер в смятенной душе Нанаша долго шла жестокая борьба. Не может человек быть счастлив, если у него отняли Родину. Нет, не может! Это остро чувствовал Нанаш, и вся его жизнь преломлялась сквозь призму этого чувства. Это чувство придавало силы и открывало простор мыслям. И у него, наконец, созрел план: скрыв от родных свои намерения, он решил тайно поехать на Кавказ, увидеть родные места и каждое утро первым встречать солнце... Как это прекрасно – увидеть солнце, когда для других оно еще скрыто за горами!.. Хотя трудно было предугадать заранее, что его там ждет. И доедет ли туда вообще. Он не задумывался над этим, а просто стал понемножку копить деньги на дорогу. Он был полон неудержимого стремления увидеть своими глазами Кавказ. Ему присуще было идти на риск, правда, в соответствии с его возрастом к этому примешивалась изрядная доля озорства и романтики. Беспокойная его натура требовала настоящего, серьезного дела. Ему нужны были новые ощущения. К нему еще не пришла расчетливая осмотрительность зрелости. «Хватит с меня, довольно! – сказал он сам себе. – Теперь я не спрошу ни у кого, как мне жить дальше. Сам все решу за себя. Не нужны мне ничьи советы, ничья помощь! Решение мною уже принято!» Только своему близкому другу Мусе он сказал, что хочет драпануть на Кавказ.

В этот вечер он даже написал стишок о домике, что остался в горах. К этому времени относятся и первые пробы пера:

Он был неказистый
Вдали от дорог,
Неприметная крыша
И стертый порог.
В нем сейчас паутину
Вьет, наверно, паук.
На чужбине хозяин
Страдает от мук!

Близилось извержение вулкана. И вот, наконец, он проснулся. Его уже тяготила жизнь в отчем доме. Она представлялась ему помойной ямой. Им овладела жажда путешествий. Ему захотелось увидеть Кавказ, родное Аргунское ущелье, которое до высылки было населено многими родами. А главное, увидеть родное село Чани-Юрт, которое он смутно помнил. Знал, что там течет быстрый Аргун, образуя глубокое ущелье. Он хотел взглянуть на этот домик, где мать его когда-то в люльке качала. И Нанаш стал тайком готовиться к отъезду.

Халидов Супьян**Нене**

Беттан нур дайина,
 Буьйса ю кIоранал Iаьржа.
 Со цкъа а виц цавеш,
 Хъайн дагна кхерамаш туьйсусх

Генах сан цIе йохуш,
 Хийлазза хъуна са даьржа,
 Iожаллин кхолламца
 Лела хьо сан амат къуьйсусх

ЙогIучу суьйренца
 Хьо гIийла ма хила, нана,
 Дог шийла тидамаш
 Ма баха шуьйрачу некъийн

Сайн ирсе бералла
 Дахначу кхочур ву кхана,
 Хьо, езаш, хьостур ю,
 Теозош ховхачу некхе

Наб йоцуш, хийла ахь
 Техкийна сан ховха ага,
 Хьомсарчу кIантана
 Дог айден туьйранаш дуйцуш

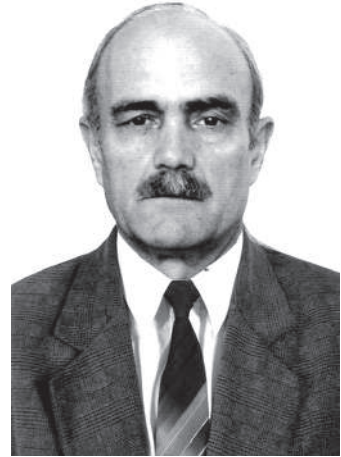
Iамавеш дуьненахь
 Тем боцчу ойланца вага,
 Соьгара дийлина
 ГIалаташ бакъонца хуйцуш

КIантана сагатдеш,
 Хьо гIийла ма хила, нана,
 Ойланца хьоьх ваьлла
 Дуьненахь лелла вац пана

Сайн ирсе бералла
 Дахначу кхочур ву кхана,
 Хьо цунах тешалахь,
 Ас иштта даггара аларх!

Дуьне

– Дуьне, хIун ю хьо?
 – Дуьне ма ду со,
 Лаца тIам боцуш,
 ХIотто бух боцуш!

– Дуьне, хIун ю хьо?
 – Дуьне ма ду со,
 ДIа уьдуш гуонна,
 Диканна, вуонна!

– Дуьне, хIун ю хьо?
 – Дуьне ма ду со,
 Хъал долуш дехаш,
 Массара лобхуш!

– Дуьне, хIун ю хьо?
 – Дуьне ма ду со,
 Жималла Iехош,
 Къаналла чехош!

– Дуьне, хIун ю хьо?
 – Дуьне ма ду со,
 Дала хьо лойтуш,
 Сайн марахь Iойтуш!

– Ма дуьне ду хьо!
 Дуьне ма ду со!
 Дуьне!

Даймахках или

Хуур дац ца ваьллачунна,
 Хьоьгуш, шен Даймахках, ара,
 Мел сагатло генахь цунна,
 Мел сатуьйсу бIаьрга баре!

Некъаш лардеш, коре хуйшу
 Ненах, цо тIевоьхуш шена,
 Йолу дIа мел йолу буьйса,
 Дайма гуш Даймохк гIенах!

Дарба дарх, ца йорзу чевнаш
 Атта ерзайо цо, хьостий,
 Дольлий схьа шен деган кевнаш,
 Гойту лозчу дагна б'аьсте!

Сан Даймехкан лекхчу лаьмнех
 Гийдало шовданащ шийла!
 Сан Даймехкан ц'енчу лаьмнех
 Тайна суьрташ карла дуьйлу!

Ду те кхоьллина хьох хьега,
 Нохчийчох, тхо Везчу Дала,
 Йоцуш хьо бен тхан са тедан,
 Хьо бен йоцуш орцахьяла?!

Нана-Даймохк, сирла безам,
 Бицлур бац, хан-зама яларх!
 Г'елбелла, хьан байна доьзал
 Бьорзурбу ц'а, гечде аьлла!

Маржа са, жолам-я1!

Я знаю, что я
 Ничего не знаю...
 (Сократ)

Вала а велла суо, дуьсур ду аьлча дуьне,
 Бесни т'ехь мелчу хиэ лар юьту нуьцк'ала шен!
 Шал шийла сингаттам боссабой дутк'ачу сиз,
 Хьийзаво, овдетташ, сиха болх бойтуш даге!

Дийцарехь, цхьаволчун садолу, велалуш, атта...
 Х'умма а дог холчу ца х'уттуш, вижна ву моьттуш!
 Маржа-я1! Маржа-я1! Х'ай, вала кхоьллина верг!
 Валар ду лаш, т'емаш даржийна, ирйина церг!

Маржа-я1, кхоллам, хьан!

Хийца йиш яц хьо цхьаннин!

Маржа са, жолам-я1, доьрзур дац юха данни!

Анна Косаревская

Сказки Белого Ворона

Главы из повести

Продолжение. Начало в № 10

7

– У тебя на кухне можно курить?

– Ты еще и куришь?

Он сидел на моем подоконнике – длинный, худой, как кузнецик, облапив руками костлявые колени. Разве ангелы бывают такими? Обычный мальчишка-недокормыш. Длинные светлые волосы собраны в хвост аптечной резинкой. Лишь глаза – те самые, из моей грезы, их никакой конструктор не сможет заменить. Цвет – то как вода, прозрачно-голубой, то непроницаемый черный, словно у арабского феллаха. Всегда разный, в зависимости от того, о чем он думает.

– Я хочу испытать все возможные человеческие удовольствия. Ведь курение приносит вам радость, так?

– Смешной, – слова перекатывались на языке, как сладкие горошины. Каждое имело свой неповторимый привкус. Их было очень много, я боялась дать им волю.

– Ты правда настоящий? Я могу до тебя дотронуться, и ты не исчезнешь?

– Я скажу тебе, – он перешел на шепот, – не только дотронуться, но и много больше.

Он улыбался, как тогда, в моих снах, в зеркальном плену. От улыбки появлялись морщинки, разбегались по лицу, как от брошенного в воду камушка. Исчезал худенький паренек, и видно было, что ему много-много лет, он смертельно устал от собственной памяти, и уже другая клетка держит его вдали от меня.

– Нет, большее пока не надо, еще не время. Как мне звать тебя?

Я помнила про табельный номер, но все же... Он теперь человек, а у человека должно быть имя, так положено. Еще первобытные люди особыми звуками величали своих к семейному костру со скворчащей ногой мамонта.

– Имя – тоже одно из человеческих удовольствий. Допустим, ты Рома. Есть миллионы других мужчин, отзывающихся на это имя. Но когда его произносит твоя любимая женщина – все меняется. Интонация, звучание его – уникальны.

– Хочу быть Ромой, – он спрыгнул с подоконника, потянулся ко мне, обнял.

Так стало. Все шло вековым порядком – родился новый человек, получил имя, постоянную жилплощадь.

Засвистел чайник. Время греть руки кружкой, пахнувшей жасмином и Китаем, где я никогда не была. Он смотрел на дешевое печенье, как на пищу богов. Бедный мой мальчик, сколько же у тебя отняли!

– Расскажи мне про ту девушку, из-за которой тебя наказали. Она была красива?

– Да. Но не так, как ты, по-другому. Мы видим душу, а не тело. Всегда смотри внутрь человека, ты сможешь, этому научиться несложно.

– А я не вижу, что у тебя внутри, ты будто в густой тени стоишь. Только глаза светятся, но там омут, и лучше не смотреть.

– Тогда не надо. Все правильно, у нас ведь нет души. Не пугайся, есть люди без души, к сожалению, ну а мы – душа, лишённая тела. Но тебе эта философия ни к чему. – Он хрустнул печеньем, прислушался к звуку. – Та девушка пекла мне домашнее, химия убивает людей. Химия бывает разная, иная стекает по трубочкам в человеческий организм, даря надежду на чудесное избавление от смерти. Человек корчится от боли, потом все же душа покидает тело, и остается лишь крест на могиле да пара выгоревших веночков. Она умерла красивой, она не страдала. Рак последней стадии, ничего нельзя было сделать.

– Она знала?

– Нет, конечно. Я дал ей тогда все, что мог – море, крыши домов. У нас было гнездо в цветущей сирени, как у птичьей пары. А парень ее сейчас счастлив в семье, растит дочь. Я его тебе покажу потом. Он бы ушел вслед за ней, а я сделал так, что она его предала. Легче было забыть.

Рома жевал печенье, спокойно, будто не о смерти говорил, а рассказывал об обычных рабочих буднях – смена на заводе, зубодробительный день стоматолога, пыльные сумерки архивариуса. У меня же слезы текли прямо в кружку, соленые капли растворялись в жасминовой бурде с запахом китайского рынка.

Слова вдруг закончились. Только что они в неимоверном количестве роились внутри, просились сладко вылиться в голосе, в ласковых звуках. Теперь же их не стало, была лишь мертвенная тишина.

Спас звонок в дверь. Я на всякий случай выставила своего ангела на балкон, задернула шторы – не надо его сейчас показывать людям, еще не успел адаптироваться. Пока похож скорее на пациента дурдома, чем на обычного человека.

За дверью меня ждал собственной персоной старший инспектор Васнецов в трико и серой ветровке. В руках он держал пакет, на котором была нарисована маленькая собака с розовыми прядями в лохматой челке..

– Здравствуйте, мадмуазель. Ничего, что я без приглашения?

Я посторонилась, пропуская ангельского начальника в свою обитель. Необычен был его вид. Очков не было, взгляд мягкий, человечный.

– Я с работы, переодеться не успел, уж простите за небрежность в костюме.

Оставил стоптанные кеды в коридоре, протопал прямо в кухню. Отодвинул шторы, будто наблюдал все, что происходило здесь до этого. А может, и правда, за ним следят, контролируют? Паранойя подкралась неожиданно, выпрыгнула из засады голодным тигром. А ночью тоже все увидят, да?

– Не бойтесь, хорошая моя. – Он провел перед моим лицом ладонью, стирая страх. – Просто связующая нить, ничего более. Позже мы ее уберем, когда все наладится. Мы не лезем в личную жизнь, если это не заходит за определенные рамки.

Он снова стал чинушей в рябом твиде. Законник, строго соблюдающий установленную свыше доктрину. За глоток свободы святая инквизиция отправит тебя на жертвенный костер, во славу небес гореть вечным пламенем. Ходи только по стенке, не лезь на простор, там слишком много непонятого, неизученного, не прописанного правилами земными и ангельскими.

Васнецов шелестел пакетом, выманивая Рому с балкона.

– Я тебе принес кое-что, выходи. Помнишь мультик про Леопольда? Ребята, давайте жить дружно. Я хороший, правда!

Нет, не из подворотни, не со стадиона он пришел, одетый не «по форме». Это опять его паршивый конструктор, попытка войти в доверие. Мы же одной крови... но если Акела промахнется?

– Здесь вещи мужские. Не новые, извини, но тебе пойдет на первое время. Скоро холода, вот курточка кожаная, ботиночки...

Рома стоял белее простыни, вот-вот сбежит обратно на балкон, а там шесть этажей до земли. Вряд ли ему оставили способность летать, но у парня может случится замыкание. И тогда – вниз, на несуществующих крыльях.

– Васнецов! – рывкнула я. Нельзя, наверное, пока правила игры определяет он. Но эта показная, губящая моего мальчика забота, эти сладенькие глазки. – Убирайся из моего дома, вон отсюда!

– Да я так, на минутку, просто поздороваться зашел, чего же ты раскричалась, золотая!

И боком в коридор, к сношенным кроссовкам с замусоленными шнурками.

– А девочка хорошая, береги ее, понял! – голос инспектора был зловеще спокоен. – Если и эту угробишь, я лично тебя порву на перья для подушек.

Удар под дых. Акела промахнулся много лет назад, стая такое не прощает.

Пакет с одеждой полетел с балкона вслед Васнецову. Тот обернулся, поднял кулек, унес его в шахматную россыпь многоэтажек. Запас карман не тянет.

– Ты плачешь! Слезы тоже могут приносить радость, поверь.

Я целовала мокрые соленые глаза, губы, и мне было наплевать, какое кино смотрел старший инспектор Васнецов следующие несколько часов.

Мы проговорили всю ночь. О любви, о жизни земной и небесной, о свойствах некоторых зеркал и их влиянии на материальный мир... А под утро мой ангел сказал своей возлюбленной:

– Знаешь, каково мое искупление? Я должен устроить счастье одной девушки. Твое. Ты вступишь и выйдешь замуж. За другого. А меня восстановят на работе – обычный график, табельный номер. Я перестану быть Ромой. Все.

8

Сухие листья, медленно вальсируя, падали вниз, на металлические крыши жмущихся друг к другу гаражей-ракушек, устилали железную плоскость цветным ковром. День близился к середине, солнце стояло над пятиэтажками, поливая светом двор-колодец, бабушек с вязанием, малышкой в песочнице, алкоголика Петю, пристроившегося с чекушкой на лавочке в благостном отдыхе от сбежавшей к маме супруге.

Под аркой – единственным входом во двор, прошел человек. В одной руке он держал авоську, сквозь веревочную сетку виднелась початая бутылка «Байкала». Другая была занята целлофановым пакетом, плотно набитым тряпьем.

Лицо его имело вид мятой тапочки, такое обычно бывает после бессонной, проведенной в чрезмерных излишествах ночи.

Из дверей крайнего гаража высунулась кудлатая голова.

– Васяныч пришел! – радостный вопль огласил двор, пугая разморившихся на солнце голубей.

В недрах железной коробки завозились, грохнули чем-то, затем показался обладатель головы. Огромный, в линялом тельнике и обильно политых машинным маслом джинсах.

И пошел прямо на знаконца, широко, ловчей сетью расставив руки.

– Ты чего, спортсменом заделался? – спросил он, глядя на одеяние приятеля.

– Да так, вечером работал, потом закурилось, домой не смог заскочить, – отвечал неестественно бодрым тоном Васнецов.

Они сидели втроем на фанерных ящиках – байкер Борис, заросший по самую шею сивой щетиной, хмурый, задумчивый Васнецов и худенький парнишка в полосатой растаманской шапочке на жидких дредах.

Вокруг валялись запчасти от разобранного Борисом железного коня. Колеса, металлическая рогулина рамы, различные винтики, шурупчики и болтики – все это сейчас было сдвинуто к стенам гаража. На большом ящике стояла бутылка с прозрачной жидкостью, блюдце с сохлыми огурчиками, три пластиковых стакана.

Борис откупорил емкость, с аккуратностью профессионального бармена разлил водку в два стакана.

– А может, все-таки... – Он с надеждой посмотрел на инспектора.

– Нет, Боря, не могу, девочке одной обещал, – вздохнул Васнецов.

– Дэвачка? – встрепенулся молодой. – Оу, рашен герлз!

Он улыбнулся, сделал руками два круговых движения, будто лепил снежную бабу.

– Забыл представить. Это Гэрри, американский студент, приехал опытом обмениваться, постигать русскую культуру. Приобщаем, как можем...

Васнецов извлек из веревочного плена бутылку «Байкала», наполнил стакан коричневой пеной.

– Ну, здравы будем! – потянулся к собутыльникам, мягкий пластик хрустнул под напором соседних стаканов.

Борис проглотил огурец, почесал пузо под тельняшкой.

– Анжелка опять в стерву поиграла? – он сочувственно посмотрел на Васнецова.

– Весь день шипит как змея, чтоб ей пусто было, – инспектор схватился руками за голову, лег подбородком на импровизированный стол.

– Не злись на нее, жизнь тяжелая была у тетки. Кому ж понравится, когда на костре жгут, как ведьму!

– Так не я ведь жег, и не этот несчастный мальчик. Кстати, у него теперь имя есть – Роман.

– Завидуешь, бюрократическая морда! – Борис улыбнулся. – У тебя ведь никогда не было ни любящей женщины, ни тем паче имени, ею данного. Ныне и присно и во веки веков ты – Васнецов, им и останешься до скончания дней.

Инспектор скривился, потянулся было к бутылки с алкоголем, волевым усилием остановил руку на полпути.

– Что ты про меня знаешь? Сам завис между ангелом и человеком, определиться не можешь, кто такой!

– Я-то? – хохотнул байкер. – Мне в вашей секте делать нечего, я жить хочу. А то, что мир чувствую не как все люди...

Тут шевельнулся молчавший до поры Гэрри:

– Эээ... товарищи, а кагда будэт мордай в слат?

– Чего? – не понял Васнецов.

Борис рассмеялся широко, показав крупные белые зубы.

– Это я ему пообещал после водки любимое русское развлечение – мордой в салат. Привязался вот, показывай ему местные обычаи!

И повернулся к американцу, растягивая слова, жмурясь от удовольствия:

– Понимаешь, Гарик, для того, чтобы приготовить салат, нужна женщина. Герл, баба, телка... У нас ее нет. Плохая подготовка мероприятия, моя вина.

– Пльохо, – разочарованно промычал студент. Уткнулся в стакан, изучая содержимое.

– Ну его к такой-то матери, – ругнулся байкер. – В общем, не лезь ко мне со своей вербовкой. И так вам помогаю посылно, хватит.

– Да, совсем забыл, для чего пришел, – спохватился инспектор. – Тут вещи мужские, может кто нуждается из твоих подопечных.

– Отлично, – байкер пошарил в пакете, извлек на свет потертую кожанку. – Завтра все равно в рейд собирался по свалкам. Машину поможешь собрать?

Васнецов глянул на железные детали, щедрой рукой разбросанные по гаражу.

– Если твой молодец подключится, – кивнул на хмурого американца.

– А мы сейчас ему плеснем для радости...

Карман Васнецова завибрировал, разразился маршем Мендельсона.

Инспектор вытащил трубку. Телефон у него был черный, с диснеевским гномиком на крышке.

– Да, – и долго слушал бубнеж, отвечая односложно. – Да, все сделаю, не надо кричать. Приеду скоро. Привезу. Все!

– Нет тебе покоя, старший инспектор. Женщины тебя погубят! – Борис пнул ногой близлежащую железку.

– Я быстро управлюсь, – Васнецов поднялся, покругил по квадратному метру свободного пространства гаража, разминая затекшие от сидения ноги.

Байкер вздохнул тоскливо:

– Домой загляни, переоденься! Черти на что похож.

9

Мы сидели под бело-красным полосатым зонтом уличного кафе и смотрели на толпу. Люди шли, осеннее солнышко пригревало, и руки наши были друг у друга в плену.

Мы отмечали день рождения.

– Что ты хочешь в подарок?

– Собаку.

Так просто! Как будто ему восемь лет, и собака станет гармоничным завершением маленькой вселенной, окружающей его.

– У собак тоже есть души, и у кошек. Но от кошки много шерсти, поэтому лучше пес.

– Идет, мы найдем собаку, и она будет жить с нами.

У нас было очень мало времени, и тратить его на поиски собаки было бессмысленно. Особенно, если кое-кто может решить проблему лучше нас. Всего один телефонный звонок.

– Васнецов, нам нужен пес. Маленького формата, чтоб поместился в однокомнатной квартире. Порода не имеет значения. У тебя есть полчаса. Мне плевать, что ты на задании. Действуй, – я назвала адрес кафе и выключила трубку.

Рома округлил глаза, они сейчас были удивительного темно-голубого цвета, с серебряными блестками по радужке. Не страх, скорее удивление моей наглостью.

– Попробуем с ним помириться, это будет полезно. Не бойся, я тебя не дам в обиду.

Всю жизнь мечтала о мужчине-защитнике, и вдруг сама оказалась клохчущей наседкой, расправляющей крылья над испуганным птенчиком. Состояние это было мне приятно, видимо сказывался нереализованный материнский инстинкт. Интересно, у ангелов бывают дети, как вообще они появляются на свет?

Васнецов приехал на мотоцикле неизвестной мне фирмы, дорогом, с блестящими хромированными феньками на колесах. Кожаная тужурка без рукавов была распахнута на загорелой груди, открывая мужественный торс. С инспекторского бицепса взглядом буреветника революции взирал на мир старина Че, синенький, жалкий в своей растиражированности.

Вспомнился его рассказ про бандитские разборки, и я сочла за благо не выяснять, откуда он явился. В корзине за его спиной спокойно сидел рыжий терьер.

– Получите и распишитесь, – сердито буркнул старший инспектор. – Я же говорил, что хороший! Собаку зовут Роджер. Мне теперь экологам магарыч ставить. Одни проблемы из-за вас!

И уехал, урча мотором, на свою такую интересную и в высшей степени опасную разъяренными девушками работу.

Подарок сразу влез на колени к Роме, пуская радостные слюни. Угостился пиццей, вишневым мороженым. Вина мы ему не предложили.

– Блин, ну просила же маленькую. И шерсть от нее будет везде. Она нам всю квартиру разгромит.

– Так давай переедем, будет у собаки своя комната. Деньги не проблема, мне выделили на жизнь. Добрые... – Рома горько усмехнулся.

Собака вьюном прыгала вокруг, требуя внимания. Шаткий пластмассовый столик недолго бы выдержал такой напор концентрированного счастья, и мы решили продолжить праздник дома.

По дороге мы рассуждали, каким должен быть мой потенциальный жених. Все проходящие мимо мужчины подвергались тщательнейшему разбору и строгой критике.

– У этого нос кривой, как у боксера. Зачем же мне боксер, это опасно для жизни!

– В критические моменты защитит. Не то что я, хлюпик.

Рому терзали комплексы. Моя опека тяготила его, как и зависимость от Васнецова, от решений вышестоящего начальства.

– А давай, я выйду замуж фиктивно. Мы дадим этому мужику много денег, поселим его отдельно, и ты будешь прилетать ко мне в свободное от работы время. Как ты мне рассказывал – крыши, море...

– Я не хочу снова табельный номер, мне нравится быть человеком, понимаешь! Я хочу быть с тобой постоянно, ведь теперь нас трое – ты, я и Роджер. Надо купить собачий корм и газету с объявлениями.

Обычная влюбленная парочка, гуляющая с собакой по шумным улицам большого города. Все как у всех, ничего примечательного.

10

- Будь мужиком, уйди сам!
- Нет, я не оставлю ее, не смогу теперь...

Трубы, сложенные штабелем в углу двора – здесь планировалась детская площадка, но остались лишь вкопанные в землю железные штыри да куча стройматериала, потихоньку растаскиваемая рачительными обитателями соседних домов.

На трубах сидели рядышком двое мужчин. Друзья ли, враги – уже не поймешь. Плечом к плечу встречали они закат, глядя на розовые, подсвеченные изнутри облака, обрамленные серо-голубой каймой.

- Скоро Катька с работы придет.
- Зачем тебе все это, ты же ее не любишь, не умеешь этого. Не заложена в нас эта функция, сам знаешь!
- Она меня спасла, вытащила из дерьма. Я ей обязан многим, и отдам долг – как смогу.
- Если не утопишь в том же самом дерьме. Сам гибнешь, и девочку за собой тащишь.

Солнце спускалось все ниже, прячась за крыши многоэтажек. Облака выстроились аркой, и, постоянно меняя цвет, казались радужным мостом в неведомый мир. Под цветным полукругом возникали и тут же таяли, сносимые ветром, очертания замков, башен со шпилями и флюгерами, драконов, всадников, диковинных птиц...

Васнецов показал рукой на призрачный город:

- Помнишь?
- Конечно. Все мы туда стремимся, хотим вернуться.
- Город закрыт нынче, хранители знают свое дело и сторожат ворота.
- Как знать, правила созданы для того, чтобы их нарушать. Эти дивные выющиеся розы... на земле таких нет. И голуби на площади, и колокольня, поющая на ветру...

– Мы, кого люди зовут ангелами, старшие души, добровольно отказались от своего Эдема для служения человечеству. Забыли свою миссию, погрязли в бюрократии, уподобившись земным жителям. Взять мою Анжелу...

– Твою ли? – Роман внимательно поглядел в глаза собрату. – Она никогда не будет чьей-то. У нее очень грустная сказка: жила себе девочка, любила мир, и парня одного тоже любила, собиралась за него замуж. Тот захотел выслужиться, сдал ее святой инквизиции как ведьму. Девочку сожгли, но душа ее, сильная и ярая, осталась висеть между небом и землей. Нам ничего не оставалось, как принять ее в свои ряды, облечь в новое тело. Но, как говорят люди, осадочек-то остался!

Васнецов сгорбился, уронил голову на колени, обхватил ее руками. Роман продолжал, слова его были резкими, рубящими, подобно пистолетному выстрелу:

– Ты ведь любишь ее, да? А сам говоришь мне о функциях, как будто мы бездушная машина, способная лишь исполнять нами же созданные тупые законы – карать либо миловать. Не суди, да не судим будешь, как гласит святая книга!

– Пошел ты со своей философией знаешь куда! Пойми, я просто кусок системы, винтик в чертовом механизме. Ты попытался выйти оттуда, получил по башке. Я хочу жить, если это слово применимо к нам, а не болтаться в вакууме, куда тебя запихнули. И не слова больше про Анжелику, и так на душе тошно. Ничья она, даже себе уже не принадлежит с таким прошлым.

Яркие краски заката тускнели, на улицы опускались сумерки. Радужный город уходил во тьму.

– Мы переехали на новую квартиру, на море собираемся. Катя очень просит, она никогда там не была.

– Придется ее огорчить. Вам поставлен срок – три недели, после тебя распьют на субатомные частицы, как никчемного работника. В нашем деле нет места полумерам, нарушения должны строго караться. Не мое решение, извини.

Васнецов тяжело вздохнул, поднялся, еще раз взглянул на собеседника:

– У тебя есть еще время – шевелись, подари девочке жизнь. Черт, ногу отсидел на этих трубах. Дурные люди, не могли нормальную лавочку поставить.

И пошел куда-то в ночь, слегка прихрамывая.

11

Новая квартира показалась мне огромной. Две комнаты, просторная кухня, лоджия. Хозяйка, бабуля с пегими кудряшками, уезжала к сыну, и очень обрадовалась квартирантам-молодоженам. Собаку от нее скрыли, потому что беспокойный терьер разбил бы бабулины мечты о тихих постояльцах.

Роджеру отвели отдельную комнату, предварительно вытащив оттуда всю мебель. Но пес все равно приходил в спальню, и очень обижался, когда ему деликатно намекали на то, что хозяевам требуется уединение.

Возле нашего нового дома располагался небольшой парк. Каждое утро до работы мы вдвоем с Роджером изображали заядлых спортсменов – бегали кто трусцой, кто мелким галопчиком. Рома к нашим занятиям присоединяться не пожелал, предпочитая роль домохозяйина. Зато после пробежки нас с собакой ждал свежесваренный кофе с блинчиками.

Начало дня было хмурым, прохладным. Моросил мелкий осенний дождь, я натянула на голову капюшон куртки. Собака весело скакала по мокрым кустам, ее бешеный темперамент не смогла усмирить даже осенняя хмарь.

Утренний парк был пуст, безлюден, лишь проехал мимо парень на роликах, в полосатой шапочке, из-под которой торчали засаленные дреды. Он был закутан в зеленый полиэтиленовый дождевик, из тех, что за три копейки продают в метро. При тормозил, оценивающе посмотрел на меня:

– Рашен герлз, оу е! – показал большой палец, покатил дальше.

В конце аллеи мелькнул зонт цвета воронова крыла. Навстречу мне шла женщина лет тридцати пяти. Красивая брюнетка со странным выражением лица, одетая в черный, в тон зонту брючный костюм.

Роджер подошел ко мне, втянул воздух, как гончая, берущая след. Зарычал на незнакомку подозрительно. Встал рядом, словно бы желая заслонить меня от нее.

Брюнетка подошла ближе, махнула мне рукой, останавливая.

– Здравствуйте, вы Екатерина Воронцова?

– Она самая, чем могу помочь?

Женщина мне сразу не понравилась. Похожа на сектантку, вербующую в свои сети новых адептов. А может, какой-нибудь работник собачьей опеки и сейчас будет отбирать у меня терьера за выгул в дождь и раскиданные по парку собачьи кашки.

– Меня зовут Анжелика Владимировна, я коллега вашего знакомого Васнецова. Пришла поговорить насчет Романа.

Вот какая у нее секта, сейчас будет мне рассказывать о добре, зле и ангельском правопорядке. Натравить на нее собаку, что ли?

– Девочка, выслушай меня, пожалуйста. Васнецов с вами нянчится, но его скоро отстранят от дела за невыполнение служебных обязанностей.

Она смотрела на меня не мигая, так змея гипнотизирует жертву. И под этим взглядом я совершенно растерялась, не зная, что ей отвечать. Хотелось включить мимирию, как хамелеон, прикинуться травкой, асфальтом, лишь бы не стоять вот так, пришитой к месту этими бархатными темными глазами. Как будто на мне нет одежды, как будто мысли мои открытым текстом, строчками-рядами ложатся перед этой дамой.

– Ты в курсе, что медового месяца вам осталось две недели, а после твоего ненаглядного уберут.

– Как это – уберут? – пролепетала я.

– Обычно, как несправившегося с заданием, провалившего все, что возможно было. Не будет его, не на том свете, не на этом. И даже в зеркале не найдешь.

Она помолчала, делая эффектную паузу, наслаждаясь моим ступором и попытками понять ситуацию.

– Он, твой Ромочка, между прочим, давно знает, и молчит. Якобы не хочет тебя волновать, бережет. На деле же он эгоист, решил пожить напоследок красиво. Все они такие – и люди, и ангелы.

Ангелица щелкнула зонтом, намекая на то, что разговор окончен. Я не собиралась ее так просто отпускать, не выяснив всей правды. Куда его денут, и что будет со мной и Роджером. Или нам предложат свидания по часам, как в тюрьме?

Парень на роликах ехал мимо нас в обратную сторону. Засмотревшись на Анжелу, бедняга сбился с курса и въехал брюнетке в бок. Раздался вопль, в воздухе мелькнули ноги в черных брюках, и оба они слились в барахтающуюся верещащую кучу.

– Ты кто? Уйди, слезь с меня, – судя по всему, тонкий каблук угодил несчастному в мягкое место пониже спины.

– Ай эм Герри, американ студент, сорри, плиз!

Бедолага пытался выбраться из-под упавшей на него русской красотки, но безуспешно. Роджер прыгал вокруг с сумасшедшим гавом. Я, забыв о неприятностях, безудержно смеялась. Так ей и надо, поделом! Жалко только американца, еще привлекут за оскорбление при исполнении...

Когда пострадавшие наконец распутались и поднялись с асфальта, я, убедившись что все крепко стоят на ногах, тихо ушла кустами. Скорая не требовалась, больше нам с собакой здесь делать было нечего.

12

Если бы Катерина задержалась еще на пять минут, то увидела бы весьма интересную сцену. После того, как Анжелика Владимировна поднялась, отряхнула заграничный дизайнерский костюм и наконец посмотрела на своего оскорбителя, ее пробрала дрожь.

Это лицо... Серые глаза, темная косая челка – такие знакомые, родные. Как будто время повернулось вспять, отмотав назад многие века! Тот, кто предал ее, стоял сейчас напротив, блуждая взглядом по сторонам, лишь бы не смотреть на возмутительницу спокойствия, так некстати встретившуюся на пути. Ролики он снял и держал в руках.

Нет, не он – слишком худ, одет небрежно. Тот, хоть и был из простых, старался во всем подражать аристократии, носил бархатные камзолы и шапочки с пером. И тело его было белым, холеным, умащенным драгоценными цветочными эликсирами.

Как же любила она его, как хотела стать мужней женою, баюкать ребенка с его глазами... Но не суждено было – пришла холера. Глупые, невежественные люди тогда везде искали дьявола. И нашли – в чистой непорочной деве, виновной лишь в том, что ставила на священный камень молоко для лесных фей.

Ее любимый, как сейчас говорят, делал карьеру, и невеста-ведьма ему только мешала. На суде она слышала его голос – холодный, безличный. Да, приворожила заговоренным яблоком, ходила ночью на реку ворожить, виновна в свальном грехе... Хватит вам, или еще рассказать? Ах, достаточно... Тогда он удаляется – будет молится о прощении своей души, ведь виновен в том, что дал себя опутать дьявольскими сетями...

Обошлись без стандартной процедуры пыток – отсоветовал лекарь. Организм слабый, до казни не доживет. Да и не было в городишке своего палача, а везти чужого хлопотно, и не по деньгам.

В ночь перед казнью к ней пришел тюремщик.

– Нет вины на тебе, девка, знаю доподлинно. Прости нас, грешных!

Она молчала, испуганной птицей забившись в угол.

– Дам я тебе дурманного настоя, ничего не почувствуешь. Красивая ты, негоже нелюбленной пропадать, – и стал развязывать шнурок на штанах...

Слово свое он сдержал, принес кувшин с особой водой. Наутро ее нашли без сознания, воткнули в мягкие, ватные от наркотика руки свечку, так и повезли на лобное место.

День был солнечный, теплый. Костер разгорелся сразу – яркий, высокий. Но этого она не видела и не чувствовала.

Очнулась уже в новом теле, которое соткали для нее Хранители. Не плакала, только молилась беспрестанно Богу, в которого все еще верила. И билась о стены в кровь чужими, не своими руками и ногами. Потом привыкла, смирилась.

Были в ее новой жизни мужчины – мимолетные, без страстей и увлечения. Но иногда, в снах видела она того, кто ее предал. Серые глаза, темная челка, губы, которые она так и не поцеловала. Даже за руку брать боялась... И горше горького наутро была ей жизнь, ненавистны казались люди, данные ей под опеку!

А сейчас парень, до жути, до дрожи в коленках похожий на ее первого и единственного возлюбленного, вдруг посмотрел на нее пристально, улыбнулся, подмигнул. Содрал с себя остатки зеленого плащика, накиннул ей на плечи.

– Бесплезно, я уже вся в грязи, – по-русски, забыв, что перед ней иностранец, тихо сказала женщина.

– Ноу, ти простьюдися! – и взял ее за руку.

Ладонь у него была теплая, приятная. Анжелу бил озноб, но от прикосновения она начала согреваться. Что же это – наглый мальчишка держит ее за руку, ведет куда-то, она же и не думает сопротивляться!

– Кофею? – спросил он, по прежнему грея ей пальцы, завладев и второй рукой.

– Нет, нет, – собрав остатки разума, закричала она. – Не трогай меня, уйди, оставь!

И расплакалась, как девочка. А потом вдруг расхохоталась истерически.

– Ты вообще кто, откуда взялся? И почему на него так похож, ты ведь не имеешь на это права, сопляк!

Он мало что понял из ее гневной речи. Потянул за собой к ближайшей лавочке, усадил, раскрыв над женщиной черный зонт. Молча обнял, сжал сильно, изгоняя истерику, как дьявола. Она вздрагивала, икала от слез, маленькая, несчастная женщина, которую никто никогда не любил.

Так они и сидели, сплетясь, как любовники. Вскоре вышло солнце, высушило мокрые дорожки парка.

Анжела сняла туфли, поставила на лавочку. Внимательно изучила ролики.

– Научишь?

Следующие два часа они колесили по аллеям, потом сидели под деревянным грибом уличного кафе. Капучино, пирожные, последняя сигарета на двоих...

После он ушел, не спросив ее номер телефона.

13

Я молча ковырялась в тарелке, кусок не лез в горло. Как же сказать ему про эту не ангельскую, нет – демоническую, непонятно как проникшую в сонм белокрылых хранителей жизни женщину...

И обида – почему не сказал обо всем? Либо берег меня, жалел, либо действительно думает лишь о себе, и плевать ему на мои чувства.

Встала, демонстративно отодвинула чашку с недопитым чаем, стала собираться на работу.

– Катя, что случилось? Скажи, не молчи, я же вижу, – он хвостиком ходил следом, пока я красила губы, перетряхивала содержимое сумки в поисках ключей, обувалась.

Ни слова не сказала я ему. Лишь выходя на лестничную клетку, обмолвилась:

– Помнишь, ты мне тогда показывал домик на морском побережье. Как я хотела туда... с тобой вместе! Видно, не получится теперь, не судьба.

И оставила его, удивленного, в дверях, смотреть мне вслед. Так же, как смотрела я на умирающее зеркало.

На работе я немного забылась, день выдался хлопотный. Невеста – принцесса с белокурыми локонами и дорогущим маникюром, капризно перебирала платья. А нет ли у вас такого же, но кремового. Ах, есть! Но вот розочки здесь явно лишние. И нельзя ли стразики побольше, это сейчас так модно...

– Может, вам еще пуговицы перламутровые пришить? – осведомилась я.

Невеста хлопнула ресницами:

– Что вы себе позволяете? Как вас начальство здесь держит? Хамство, никакого сервиса...

– Абсолютно верно, – я согласно кивнула головой.

Подружки ее закудахтали, замахали на меня кутюрными сумочками.

Я распахнула дверь:

– Дамы, не нравиться обслуживание – прошу на выход!

Пусть жалуются, звонят директору – плевать. Все равно через полгода новую работу искать, если верить Васнецову.

Девушки стайкой выпорхнули на улицу, все еще обсуждая мое поведение. Погрузились в черный джип, уехали искать счастья в элитных бутиках.

Настроение было испорчено окончательно. И даже два проданных после этого платья, и две счастливые, с горящими глазами невесты не смогли меня утешить.

После работы я пошла к подруге. Домой не хотелось, и можно ли назвать это домом – съемная квартира, мужчина, которому я безразлична... Вот только собака! Но и пес – подарок ему на день рождения, значит, мне не принадлежит.

Бутылка коньяка на двоих, задушевный женский разговор... Всех подробностей я подруге, конечно не рассказывала. Знала она, что живу я с парнем, который сирота, без жилья и работы, и хватит с нее!

– Не любит он меня, так, нашел пристанище!

– Сейчас любовь не в моде, дорогая! Есть мужик, и радуйся. Другие и этого лишены. Работу найдет, устанется все у вас. Может, еще и поженитесь, детишек родите! – пыталась утешить меня подруга. Стандартные слова, но про детей зря она...

– Не будет ничего, понимаешь. Скоро его не будет! Навсегда, понимаешь!

– Как это? На Северный полюс уедет, что ли? Или он у тебя неизлечимо больной?

– Нет, не могу тебе объяснить...

– А, поняла! – подруга обрадованно закивала головой. – Он бежал из тюрьмы ради любви к тебе. Как романтично! И теперь должен скрываться от закона.

Эту трепетную речь прервал телефонный звонок, уже двадцатый за вечер. Трубку я не брала, послала сообщение с просьбой меня не искать.

– Видишь, не любил бы – не искал! – подруга выхватила у меня трубку.

– Рома? Да, все нормально с ней. Срочно? Хорошо, скоро будет.

Я уже плохо соображала, коньячные пары сглаживали очертания предметов, делая мир призрачно-легким, невесомым, как стайка облаков.

Подруга посадила мое несчастное тельце в такси, наказав не приставать по дороге к таксисту и позвонить поутру. Когда оно случится у несчастной пьяной девушки.

14

В библиотеке пахло пылью, мышами и обжаренными кофейными зернами.

– Натан Израилевич, дорогой мой, вы все кофеи гоняете? – осведомилась Анжела, устраиваясь поудобнее на табурете.

– А чем еще мне заниматься, старому патриарху! На книги нынче спрос невелик, время их уходит.

Архивариус лукавил, называя себя стариком. Выглядел он не старше сорока. Смуглый, подтянутый, с модной бородкой клинышком – концентрированная мужественность и отрава для дамских сердец.

– Здесь вы не правы, время циклично и все вернется на круги своя. Вам остается лишь ждать...

– И сохранять те немногие крупницы знания, что удалось собрать за мою службу! Так что привело вас в сей храм науки, дражайшая коллега?

Он улыбнулся, сощурил темные глаза.

– Ваше обаяние безмерно, но сегодня я не расположена к интрижкам. А вот горячего напитка испить не мешает!

И пока Натан Израилевич возился с кофеваркой, она излагала суть дела.

– Меня интересуют исторические прецеденты. Случалось ли нашей организации отпускать сотрудников на свободу?

– На вольные хлеба, так скажем? Кофе сегодня хорош, спасибо бразильским коллегам. Передали в качестве гуманитарной помощи!

Архивариус надел для солидности очки в тонкой оправе, зашуршал бумагами, что кипами громоздились на солидном, мореного дерева, рабочем столе.

– Для чего вам это? Кого хотите освободить?

– Не имеет значения, – Анжела махнула рукой, делая жест отрицания. – Рабочие моменты, не более.

– Я вам не верю, дорогуша. Ни капельки, ни на грош. Впрочем, запрос должен быть выполнен.

Он подвинул стул ближе к ней, сел почти вплотную, так что его дыхание касалось ее щеки. Заговорил тихо, интимным будучим полутонком:

– Слушайте! Эта история случилась недавно, несколько лет назад. Странно, что вы о ней не знаете, обсуждалось в каждой курилке.

– Я не посещаю курилки, – Анжела отодвинулась от него на безопасное расстояние. – И не слушаю сплетен.

Архивариус вздохнул грустно:

– Ну что ж. Тогда вот вам легенда о влюбленном дудочнике.

Они встретились давным-давно, несколько тысяч лет назад, на далеком севере. Дудочник в очередной раз взбунтовался против системы и решил вкусить свободы. Сбежал из Города, заплатив за это дорогую цену. Чуть не погиб, его выходила та самая девочка. Приютила, обогрела, решив сделать своим мужчиной.

И плакала потом горячими слезами, потому что от нее он тоже убежал. Не любит малый рутины и повседневности. А может, первобытно-общинное житие не пришлось по вкусу. Не воды тебе горячей, не приличной медицины.

В общем, ушел бродить по миру. Много набедакурил, мы за ним постоянно хвосты чистили. История с Гаммельнским крысоловом – это тоже он. Обиделся на бургеров, за работу не заплатили, гордый какой. Увел детей в Город, выжили единицы. Еще и крысы по улицам стали шнырять, инфекцию разносить. Пришлось изобретать вакцину от чумы и холеры, потом на землю спустили Знание.

Душа северной девочки воплотилась в тело лишь недавно. Дудочник узнал об этом и помчался ее искать. Нашел, конечно, все Отделение Перевоплощений на уши поставил.

Увел с собой по дорогам скитаться. Пытался протащить в Город, мол, на экскурсию. Тут ему, конечно учинили выговор с занесением в личное дело. Сколько можно было, спускали, но баб своих водить в священную обитель мудрых – это уж слишком!

Он и поставил вопрос ребром – или мастерите девочке бессмертное тело, или я ухожу в человеки. К этому времени Хранители так устали от его выходов, что отпустили с миром. Дали небольшую пенсию, чтоб с голода не помер.

Так и стал он смертным, чему очень рад. Бродят по дорогам, теперь уже втроем – сыночка родили недавно. Присматриваем за ними потихоньку, путь чистим от мерзости людской.

Такая вот история о бессмертном, отдавшем все за любовь. Хотя таких девочек у него могли быть сотни...

– Странная история. Нахвтался человеческой глупости – наверное, это заразно. Надо держаться подальше от мирских троп. – Анжела поднялась, давая понять, что разговор окончен.

– Говорят, его видели недавно в наших местах – играл на своей флейте по электричкам. Не советую с ним встречаться, вопросов будет очень много, а ответов мало. Запутаетесь еще больше.

– Не бойтесь, Натан Израилевич, меня не так просто сбить с толку. Что ж, спасибо за информацию, уже поздно, вам пора закрывать лавочку.

– Не хотите составить мне компанию на вечер? Что я говорю, конечно откажетесь, и придется коротать время в обществе безмозглых человеческих девиц. Боже, как они просты – немного музыки, сладкой музыки в нежное ушко и она твоя навеки...

Анжела вышла из библиотеки с каменным лицом, но внутри нее бушевала буря, металось в бешеной тоске по твердой земле цунами.

15

Рома встретил меня у подъезда, доволком до квартиры.

– Не трогай меня, не люблю, не хочу... – вяло отмахивалась я.

– Знаешь все уже, да? Ну прости дурака, не подумал, виноват, – бурчал мой ангел, неся на руках бесценный груз.

Дома пахло тушеной капустой и молоком.

– У нас сюрприз, – он поставил меня на ноги, довел меня до комнаты, где обитал Роджер.

В собачьей обители, как обычно, царил бардак. Разбросанные мячики, старая обувь, пожертвованная нами для собачьих погрызушек, куски печенья. Упрямая собака никак не хотела кушать из миски и растаскивала еду по углам.

Пес стоял среди комнаты, смущенно глядя на меня. Верхом на нем сидел сюрприз – русые кудряшки, огромные синие глаза.

– Лугина София Викторовна, – представилась девочка. – Вы мою маму не видели? Она очень красивая и носит синее пальто.

Девочке было года четыре. Худенькая, грязная, в замусоленной старушечьей кофте, рукава которой висели до пола.

Я так и села на ксгати подвернувшуюся собачью подстилку. Ноги не держали, слишком много всего сегодня произошло. Комната закружилась перед глазами, цветочки на обоях замерцали калейдоскопом, стало трудно дышать, навалилась ватная темнота...

Два голоса звали меня по имени – мужской и детский.

– У тебя нашатырь есть? Еще нужно холодной водой ей лицо обтереть, бабушка всегда так делала, – София Викторовна, судя по удаляющемуся звуку, направлялась на кухню.

Шершавый собачий язык прошелся по моим глазам, щекам, подбородку.

– Роджер, уйди... – ядохнула коньяком на собаку. Пес отшатнулся, ушел в угол.

На лицо брызнула холодная вода. Дождь из ледяных капель... До озноба, до морозных мурашек пробрало меня, мутная пелена начала рассеиваться.

Рома стоял с лейкой для цветов. У его ног сидела девочка и отвинчивала пробку от нашатырной бутылочки.

– Мы уже скорую хотели вызывать. Не пугай так больше, ладно!?

– Ты ребенок хоть накормил, спасатель?

– Мы чипсы купили по дороге. А вообще тебя ждали ужинать, я курицу пожарил.

Я начала трезветь. Алкогольные пары потихоньку покидали меня, уступая место раскаянию.

– Тетя, не надо пить. Папка тоже пьет, и потом ругается нехорошими словами.

– Сонечка, тетя ругаться не будет. Она хорошая вообще-то, это я дурак последний. – Рома помог мне подняться, повел на кухню.

София Викторовна, подставив стульчик, дотянулась до посудного шкафа, достала тарелки. Так уверенно, как будто делала это каждый вечер.

– А теперь рассказывайте! Где ты, милый, взял ребенка? И не забудьте помыть руки перед едой! – Я окончательно вошла в роль матери семейства.

– Я работала, между прочим, у нас с ребятами все посменно, как полагается. А теперь домой без денег приду! Что папа скажет, завтра кушать нечего!

– Так, а кто у нас папа?

Девочка лишь посмотрела злыми синими глазами и промолчала. От куриной ноги в ее тарелке уже ничего не осталось, София Викторовна потянулась за добавкой.

– Работала она... Бутылки собирала, такая работка у малышки. – Рома печально вздохнул. – Папа у нас алкоголик. Это мои грехи, а расплачиваться теперь всем приходится.

– Везде ты наследил! Что же, теперь за каждую неблагополучную семью будешь отвечать? – я нервно рассмеялась.

– Я ее нашел возле пивного ларька. Давно обещал тебе показать, вот и случилось. Это дочь того парня, у которого я увел невесту. Мать у них сбежала, бабушка умерла, отец спился с горя.

– Мама когда уходила, кричала громко, – вставила девочка. – Что папа любит не ее, а другую тетю, с фотографии в черной рамочке. И что она не может делить его с мертвой. А у бабушки инсульт случился. Нервы... Я с ней месяц сидела, потом бабулю на кладбище увезли. Мы вдвоем с папой остались. Он хороший, только грустный очень. Когда выпьет, ему легче.

После еды ребенка разморило, глаза закрывались сами собой. Я загнала ее в ванну, вымыла русые кудри. После закутала в полотенце, отнесла пахнущую мадагаскарской ванилью девочку в кровать. Заснула она мгновенно, как засыпают взрослые, уставшие за долгий рабочий день.

Рома сидел на кухне и курил. Дым вился кольцами, сплываясь в призрачный туман. Как тот, что виделся мне в зеркале в начале их знакомства. Что знала я про своего ангела, что могла понять в мираже параллельных миров?

Я подошла к нему сзади, обняла за шею. Не наладится ничего, и деток не будет. Ну и пусть! Сейчас он здесь, со мной, родной, любимый, виновато глядящий в стену, будто на ней можно было различить очертания грядущего.

– В твоей клетке были еще люди. Я видела тени, много теней. Будто сотни погасших свечей, не было в них не жизни, не смерти. Кто они?

– Это души, за которые никто никогда не молился. Забытые... Каждому дается контрольный срок, за который его могут вспомнить. Если нет – душа идет в переработку, раскладывается на атомы. Таковы правила.

– Значит, если бы я тебя не позвала, ты бы там и остался?

– Получается, так...

– Не хочу тебя терять! – я поцеловала его в светлую макушку.

– Утро вечера мудренее, так, кажется, говорят в подобных случаях, – вот и все, что сказал он, доставая плед из шкафа. И ушел спать на собачий диван.

Я легла вместе с девочкой, и всю ночь прислушивалась к ее дыханию. Спала малышка плохо, то и дело ворочалась и звала маму.

16

– Боря, собирай команду. Нужно будет эвакуировать из города хороших людей.
– Погони, перестрелки... Вестерн! – Борис захохотал, оскалив крупные белые зубы. – И впереди – Анжелка с пулеметом! Главное, правильный хеппи-энд, как в американском кино.

– Не ерничай! – Васнецов нервно прижимал к себе бутылку с «Байкалом», глаз его дергался. – Она последнее время сама на себя не похожа. Недавно попросила свозить в магазин, ролики себе выбирала. Рассеянная такая, на работу опаздывает постоянно.

– Что с бабой творится! Может, влюбилась?

Они сидели в байкерском гараже. Мотоцикл – собранный, начищенный, стоял

на улице, поблескивая металлом на осеннем солнышке. Герри кружил над ним, усердно начищая тряпочкой и без того зеркальные детали.

– Старается студент, – одобрительно сказал Борис. – Гоню его на родину – не хочет. Говорит, там водка невкусная!

– Сопьется он у тебя.

– Не-а. Я его к своему бизнесу приспособил. Руки у парня откуда надо растут.

Бизнес у Бориса был прост. На любой помойке можно найти множество приятных вещей – от черно-белого телевизора до буфетика довоенных времен. И починить-отреставрировать потом, и продать за хорошую цену. Но чаще подобное добро уходило малоимущим бабушкам и многодетным страдальцам.

Был Борис у Васнецова осведомителем по погорельцам и бомжам. От награды отказывался, отговариваясь бессеребреничеством и тягой к помощи ближним.

– Ты ей цветы пошли... Или шоколадку хорошую. Телки это любят.

– Да не примет она. Разве что анонимно, не подписываясь, – старший инспектор задумался, глазки его мечтательно устремились к небу.

– Правильно. Сразу не пошлет, а потом потихоньку намекаешь, может и растет. Слушай старших, у меня по этой части опыт хороший.

– Да кто тут старший! Мне знаешь сколько веков? Не спрашивай лучше, – сказал Васнецов наставительно.

– Вот, столько живешь, а телок клеить не научился. Они же внутри все одинаковые, что на небесах, что на земле. Кстати, у вас там девчонок хороших нету? Надо моего американца пристроить, чтоб стабильность у него в жизни была. А то попадетсЯ какая тварь, погубит мальчонку!

– Боря, ты кроме баб о чем-нибудь думаешь?

Байкер хитро посмотрел на друга:

– Конечно! О мотоциклах, о выпивке, о работе своей – чинить-паять. Вот недавно надыбал радиолу, думаю теперь, где к ней запчасти достать.

– Это не проблема, поможем. Но и с тебя обещание – через две недели надо увозить эту парочку из города. Белых платочков и прощания славянки не будет. Готовься к худшему.

– Да понял я, понял. Будет сделано, шеф! Все подготовим в лучшем виде.

Он позвал Герри, привычным жестом вынул из стенного шкафчика бутылку темного ячменного. Хлебушек, огурец, отобранная у Васнецова безалкогольная емкость...

– Насчет студента я подумаю, просчитаю вероятности. А то отдашь вам хорошую девчонку, вы и ее спойте, – вздохнул Васнецов, присаживаясь за столик.

17

На работу я не пошла – надо было разбираться с девочкой. Позвонила начальнику и умирающим голосом отпросилась на день. Мол, больная, встать с кровати не могу, но буду упорно лечиться, чтоб завтра приступить к обязанностям брачной феи-крестной.

Виктор Лугин жил на втором этаже старой хрущовки. Стучать долго не пришлось, открыли сразу. Лугин был небрит, под глазами у него залегли синюшные мешки. От него пахло застарелым перегаром, но взгляд был абсолютно трезв.

– Папа, – рванулась к нему Соня. – Нету денежки, папуль. Опять у бабы Таи просить придется, а мы еще предыдущее не отдали.

– Девочка моя, где же ты была! Папа уже все милиции и морги обзвонил. С деньгами перебежесЯ как-нибудь, главное что нашлась, – он сжал дочь в объятиях.

Мы с Романом смущенно стояли поодаль. Наконец, папаша обратил на нас внимание:

– Это вы ее нашли? Заходите, правда, у нас не убрано.

Дверь распахнулась, нашим взглядам предстала практически пустая квартира. Видимо, запойный Лугин вынес оттуда все, что позволила совесть. Остались лишь две старых кушетки, кресло с вылезшими пружинами и пара кухонных шкафов.

– Дочь, у нас где-то оставался чай. Извините, это все, что могу предложить, – смущенно забегал Лугин вокруг спасителей дочери.

– Пап, а у них собака, я тоже такую хочу, – щебетала Софья, наполняя чайник.

– Виктор, ты... – Рома хотел что-то сказать, но передумал, опустил глаза. Лугин не узнал его в этом обличье, оно и к лучшему. Нечего растревлять старые раны, и так уже столько дел наворотили, что всему отделу ангельских правонарушений работы надолго хватит.

– А знаешь, давай поговорим с тобой по-мужски! Девочки, выйдете на пару часиков погулять.

Во взгляде ангела что-то вспыхнуло, и я вдруг увидела знакомое серебристое мерцание, будто небесная сила вернулась к моему мальчику. Легкий звон пошел по комнате, но слышала его только я. И страхи предыдущего дня ушли, теперь все пойдет на лад.

– Я неправильно воспринимаю своего мужчину. У него другая сущность, и нелепо заставлять его, скажем, забивать гвозди. Не для того он создан, – думала я, раскатывая качели с визжащим от удовольствия ребенком. – Хотя кран починить не мешало бы. Не Васнецова же просить!

– А теперь ты, – потребовала Софья Викторовна, и я послушно влезла на шаткое сиденье, приготовившись получить свою порцию радости.

Потом мы сидели на лавочке и болтали.

– Твой Рома, он вообще кто?

– Ангел! – призналась я. Ребенку можно было открыть эту страшную тайну.

– Нет, ты врешь. Ангелов, Деда Мороза и бабайки не существует, так папа говорит.

– Ничего твой папа в жизни не понимает.

– Это правда, – грустно вздохнула девочка. – Непутевый он у меня, все тетка из черной рамочки виновата. А Рома может найти мою маму? Без нее плохо...

– Это ты у него сама спроси. – Я знала, что возможности моего ангела ничтожны, и едва ли их хватит на воссоединение распавшейся семьи. – А вот и наши мужчины – беги, встречай!

– И о чем же вы говорили? Ну, расскажи, – клянчила я, когда мы наконец остались вдвоем.

– Разговор двух мужчин, девушкам вход воспрещен! – Рома шутливо шелкнул меня по носу. – Не дуйся, все нормально. Пить он больше не будет. Ближайшее время, а там уж...

– Уж не собираешься ли ты мне его сосватать, как требуют Васнецов со своей стервой?

Рома замаялся:

– Почти угадала. Он хороший технарь, моих командировочных хватит открыть ему небольшой автосервис. Но за ним требуется присмотр, поэтому начальствовать над ним будешь ты.

Он победно улыбался.

– Меня не забыл спросить, хочу ли я возиться с бывшим алкоголиком?

– Надо же тебе чем-то заниматься, когда меня не станет!

– Не смей! Пожалей меня, не говори больше об этом. Я не спорю, семье надо помочь, но есть специальные службы.

Сейчас я вралась самой себе. Эта синеглазая девочка уже вкралась в мою жизнь и останется в ней до скончания века, что бы ни было.

– Службы... – Рома задумался. – Хорошо, я скажу своим в конторе, пусть принимают меры. Только это все лажа, они умеют лишь карать и миловать.

– Не понял! – Васнецов сидел на своем месте, на привычном крутящемся стуле морально устаревшего доперестроечного дизайна. Он уткнулся к компьютер, уже в шестой раз отсматривая движение белых линий на экране. Они сплетались, расходились, но в итоге все равно сливались в одну жирную полосу, уходящую в бесконечность.

– Или программа полетела, или я старый дурак и в жизни не разбираюсь вовсе.

Анжела в соседней комнате шуршала фольгой, доедая анонимную шоколадку. Букет красных роз красовался на ее рабочем столе. Все по науке, как опытный друг велел.

– Черт побери, – дальше из уст старшего инспектора вырвались непечатные слова.

– Васнецов, следи за языком, – сказала ангелица, входя в комнату. На лице ее сияла улыбка.

– Коллега, кажется, у нас завелся вирус.

– Васнецов, это у тебя скоро что-то заведется от упорной работы. Смотри, какое солнышко на улице. Бабье лето! – она поправила прическу, мельком взглянула на свое отражение в стеклянной двери стеллажа. Осталась довольна, королевой прошествовала на место.

– А шоколадкой могла бы и поделиться, – тихо буркнул несчастный влюбленный.

Все дело в том, что линии жизни американского студента Герри, пригретого русским байкером, указывали на одну женщину. Главную женщину в его жизни. Женщиной этой была Анжелика Владимировна. И Васнецова это очень огорчало.

– Анжелочка, – спросил он вкрадчиво, – вам случайно молодые мальчики на пути не попадались последнее время?

– Тебе какое дело до моей личной жизни, маленькое ничтожество? – вдруг ощерилась она. – Не имеешь права лезть в Мою Личную Жизнь!

Анжела посмотрела на цветы, на красочную шоколадную обертку, воткнутую в органайзер.

– А в чем это ты там ковыряешься, чучело? – она резким жестом оттеснила его от монитора.

Васнецов в последний момент успел нажать кнопку перезагрузки, монитор потух, заурчал натужно.

– У меня тоже может быть личная жизнь. Дура! – он хлопнул дверью, вышел в коридор, вдохнул кондиционированного воздуха.

– Значит попадались! Молодые мальчики! Да пошло оно все к черту!

Ворвался в кабинет, выхватил из вазы цветы, замахал ими перед лицом ангелицы.

– Вот ты знаешь, откуда это?

Она встала, посмотрела на него пристально.

– Вот знаю!

– Ничего ты не знаешь! Да у этого сопляка денег не хватит на такие подарки. Шоколадка вообще за баксы куплена, я ее по интернету заказывал!

И сгреб ее, остолбеневшую, в охапку, и начал целовать взапас. А когда кончился запас воздуха, отпустил – ошарашенную, с подгибающимися коленями.

– Дура! – повторил он. Потом зашел в отдел кадров и написал заявление на отпуск без содержания.

– По семейным обстоятельствам, – сказал инспектор удивленной кадровичке.

Окончание следует.

Дебют**Рузанна Геворкян**

Родилась в 1985 г. в Баку. Из-за военных действий 1988 года переехала вместе с семьей в город Ростов-на-Дону. Там же окончила среднюю школу и Ростовский финансово-экономический колледж, по специальности «финансист». Пять лет проработала при Министерстве внутренних дел РФ (в Линейном управлении внутренних дел на транспорте в г. Ростов-на-Дону). в настоящее время проживает в Грозном. Стихи пишет со школьных лет. Также пишет песенные тексты.

Молитва о чеченцах

Аллах, храни и счастья дай чеченцам
За добрые и чуткие сердца!
Пусть жизнь их льется звонко,
словно песня!
Спасибо Вам за все, мои друзья.
Чеченский Ваш народ
живет пусть в славе,
Не зная слез, печалей и тревог.
Пусть все плохое просто отступает,
Давая новой жизни полный ход.
Желаю Вам от чистого я сердца,
Чтоб этот век все горести унес;
Храни Аллах, прошу Тебя, чеченцев!
Даруй им небо мирное, без слез...

Осень в ноябре

Золотится осень. Замирая
Над печальной дымкой
прежних дней,
Я сама сейчас стою у края
Необъятной Родины моей.
Листопад кружится над станицей,
Создает иллюзию ковра,
Дождик мутный легкою водицей
Целый вечер льет как из ведра.
По просторам улиц, перекрестков
Скинули одежду тополя,
Грустные и тонкие березы –
Будто ждут начала декабря...

Ты сладкий сон моих воспоминаний,
К тебе любовь я в сердце сберегу:
Ты словно Млечный Путь
моих скитаний,
И без тебя уже я не смогу.

Ты как рассвет, который неизбежен,
Как солнца луч с небесной вышины.
И в этом мире только ты мне нужен –
Но к сожаленью ты сейчас вдали...
Болят моя душа, и сердце плачет
В тот час, когда я вспоминаю о тебе –
Твои глаза, улыбку, руки, губы...
Хочу, чтоб ты вернулся вновь ко мне.
Я помолюсь и попрошу у Бога,
Чтоб ты был счастлив и не одинок,
Чтоб лунной ночью ты,
у своего порога,
Хоть ненадолго вспомнил
обо мне, дружок.
Мне хочется, как прежде,
тебя видеть,

В объятьях раствориться твоих вновь,
Забить и разучиться ненавидеть –
И верить только в светлую любовь.
Но все же где-то ты далеко очень,
Наверно, нам с тобой не по пути.
Однажды ведь
такой же лунной ночью
Ушел ты, лишь сказав
одно «Прости»...

*Всем беженцам из Чеченской
Республики посвящается...*

Сгустились тучи над Чечней,
Пожар войны накрыл всех сразу:
И мы собрались всей семьей
Уехать с милого Кавказа.
Прости, отец, я не смогла
Сдержатъ слезы, идущей с глаза –
Когда вернемся мы домой
Дорогой к милому Кавказу?..

Редактор и юная поэтесса

В тени деревьев, в парке у пруда
 Осталась где-то молодость моя.
 Виски седые, в памяти слеза –
 И где ты бродишь светлая мечта?
 В дали чужой провел я жизнь свою –
 Прости, пойми, и не губи, молю...
 А сердце рвется к вечному, к Тебе –
 Как двадцать лет назад,
 пришел во сне.

Открыла двери, снова предо мной:
 А на лице – улыбка. Боже мой!
 Возможно, не забыла обо мне –
 Мы снова вместе, Ангел... но во сне.

Про нас

Ничто не вечно под луной,
 И мы не вечны – как предметы...
 Плутая в паутине слов,
 Закаты ищем и рассветы...
 Мы словно проблески звезды,
 Такой печальной, отдаленной...
 Смотрящие сквозь призму сны,
 Скользящие во сне в мир оный.
 Мы словно тени под луной,
 Идущие к мечте создания –
 Качаясь в колыбели дней,
 Являясь частью мироздания –
 Мы те, которые в любви
 Купаем дни и ночи словом.
 Мы те, чьим именем любовь
 В веках – горит в душе безмолвно.

Один редактор взял листок
 И, взглядом пробежав лениво,
 Сказал: «Таких печальных строк
 Я не читал!» – и встал учтиво.
 «Послушай, девочка, меня,
 Твои стихи – тоска земная.
 Ну почему же плачешь ты,
 Ведь ты такая молодая?!»
 Привстала поэтесса вдруг,
 Ее ресницы задрожали...
 «Мои стихи с души идут,
 Они мне никогда не лгали!
 Здесь в каждой строчке жизнь моя:
 И горечь слез, и боль страданий...
 История любви большой,
 Предательства и расставаний.
 Все то, о чем писала Вам –
 Я сердцем своим проживала...»
 Редактор опустил глаза,
 А поэтесса продолжала:
 «Бывали времена, когда
 Я о любви земной мечтала,
 Но чувства ранили меня –
 Ушла любовь, я опоздала.
 Когда же строчки эти вдруг
 Пред взором встали, наконец,
 Был мной разорван боли круг»...
 Редактор молвил: «Молодец!» –
 С улыбкой на лице усталой.
 А поэтесса, не спеша, с футляра
 Рукопись достала:
 – А это мой рассказ...
 Про то, как я любила и теряла...

Весь мир – это ты...

Осенняя ночь, осенние сказки...
 Весь мир пред тобою – тревоги и ласки...
 Закрыты глаза мои – радость ли, слезы,
 Весь мир – это ты... Рассветы и грозы.
 Наверно, люблю – а впрочем, не знаю...
 Весь мир отдаю, тебя умиляя.
 Осенний рассвет, жестокий, желанный...
 Ты прежде моим был, судьбою мне данный.
 Капризы судьбы – то не план изначальный...
 С тобой лишь в мечтах я теперь... Как печально!..
 Осенняя ночь, осенние сказки...
 Весь мир пред тобою – тревоги и ласки.
 Закрыты глаза – словно солнце погасло.
 «Весь мир – это ты!» – мне стало вдруг ясно.

Вахид Итаев**Степная баллада**

Рассказ

В Москве царствовал октябрь: на зеленые платья деревьев наносил золотую пыльцу – в синем небе охапками разбрасывал белые облака и иногда кропил крыши домов и тротуары короткими не буйными дождями.

Он вышел от товарища и шел по тротуару, наблюдая редкие опавшие листья. И вдруг увидел ее – знаменитую народную актрису, идущую ему навстречу, и в мгновенной вспышке воображения перенесся в далекое детство, в тот кусочек своего детства, который был связан с ней. Через минуту он и она поравнялись с цветочным магазином.

– Здравствуйте, Анастасия Петровна, – поздоровался он. Она ответила, мельком оглядела его и продолжила путь. Ей, народной актрисе, которую знал каждый в огромной стране, неновы были приветствия на улице.

Но он попросил:

– Анастасия Петровна, будьте добры, помедлите одну минутку.

И когда она улыбнулась и приостановилась, он бросился к цветочному магазину.

– Букет, самый роскошный, – не сказал, а почти прошептал он цветочнице.

– Для нее? – кивнула в сторону актрисы цветочница.

Он молча кивнул.

Цветочница, полная блондинка с голубыми глазами, вручила ему букет гвоздик и вздохнула.

– Спасибо, – проговорила актриса, принимая букет, и внимательно посмотрела ему в глаза. – А теперь проводите меня, это недалеко.

– Да хоть до Тихого океана, – сказал он.

– Даже так. Ну тем более, идемте. И говорите, с какой вы планеты.

– Планеты игнорирую, моя обитель Солнце, – сказал он.

– А-а, так вы поэт? – поглядела она на него.

– О, нет. Не имею никакого отношения к этому пустейшему племени. Платон, великий мудрец, не зря собирался изгнать их из своего будущего государства. Заражают здоровый люд большими страстями, мешают жить и трудиться.

Она засмеялась.

– Так значит, в вашей обители – Солнце – нет поэтов?

– Нет.

– И кто же там есть?

– Актрисы, рыцари, кони, орлы, ежи, кенгуру и т.д.

Она остановилась, останавливая и его, тронув за рукав.

– Я дальше не делаю и шага, если вы не скажите, кто вы.

– По профессии неинтересно, а по судьбе я тот маленький мальчик, который долго скакал за вами по бесконечным степям Казахстана.

– Что?! – удивилась она. – Маленький мальчик, который скакал за мной. По степям Казахстана. Любопытно.

По лицу ее пробежали тени сомнений. Наверно, она подумала, не имеет ли дело с сумасшедшим. Но это были два-три мгновения. В молодом мужчине, стоящем перед ним, ничего не было от одержимых бесами: карие глаза были не только спокойны, но и чуточку насмешливы.

– А как имя маленькому мальчику?

– Адам.

– Первочеловек, – улыбнулась она.

– Так говорят об Адаме, муже Евы. Но история эта смутная и очень запутанная.

Она засмеялась и еще некоторое время изучала его лицо, потом посмотрела направо на здание. Там было написано: – «Ресторан «Летучая мышь».

– Какие только нынче не дают названия. Вот и ресторан – «Летучая мышь», – сказала она.

– Приглашаю вас в «Летучую мышь». Полнобопытайтесь, куда летает эта мышь, – сделал он жест в сторону ресторана.

Она еще раз долго поглядела на него как бы в сомнении. Потом вдруг улыбнулась и сказала:

– Предупреждаю. Я еще шаловливая девчонка.

Он понял ее намек. Она намекала, что может ему дорого обойтись в ресторане.

– «Летучая мышь» ждет шалости шаловливой девчонки, – сделал он повторный жест в сторону ресторана.

Швейцар распахнул стеклянную дверь и буквально бросился ей на встречу и провожал до гардероба; и гардеробщик, выбежав из-за стенки и растерянно волнуясь, помог ей скинуть плащ. Два официанта тоже бросились ей навстречу, а он провожал в глухой почетный угол зала.

Он подвинул стул, она села, положила букет на край стола, повесила сумочку на угол стула. Он сел напротив, а она сказала официанту, который уже держал на раскрытой ладони блокнот:

– Пятьдесят грамм коньяку, французского, и конфеты, шоколадные, – и обратившись к нему: – Заказывайте себе.

– Закажите еще что-нибудь, – сказал он.

– Пока хватит, – разомкнула она сцепленные пальцы ладоней.

– Мне тоже коньяку, сто грамм, – уточнил он.

– И много актрис и кенгуру на Солнце? – улыбаясь, спросила она. Она уже вошла в символику, которую навязал ей этот странный молодой мужчина.

– Народных актрис мало, прочих много, – ответил он.

– И как им там живется?

– Вы сами увидите, когда через... много лет ваша душа, сбросив темную тяжелую плоть Земли, взлетит на Солнце и получит легкую лучезарную плоть...

– Легкую лучезарную плоть, – вздохнула она. – И долго живут на Солнце?

– Каждый столько, сколько закажет себе жизни.

– Так я могу заказать себе там тысячу лет?

– Да хоть сто тысяч.

– А взлетит ли моя душа на Солнце?

– Все, кто принес радость миллионам на Земле, после будут жить на Солнце.

Она вздохнула и улыбнулась.

Официант принес и расставил графии, рюмки и конфеты. Он налил в ее рюмку, потом налил себе.

– За народных актрис, – поднял рюмку.

– За народных актрис, живущих на Солнце? – спросила она.

– Прежде за народных актрис, не дающих остыть планете Земля.

Она покачала головой с благодарной улыбкой на губах.

– Да, кенгуру, актрисы, ежи, орлы и кони, и насмешливое отношение к поэтам, – улыбнулась она, глядя на него.

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим.
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

– И его изгнали бы вы из своего государства?

– Этот вопрос не ко мне, а к Платону.

- Но Платона нет. Платон умер.
- Да никто не умер и никуда не ушел. Все здесь. Все с нами. Сказано мудрецом: «Кто умер, но не забыт, бессмертен. А кто бессмертен, тот всегда там, где говорят о нем». Платон вот сейчас стоит за вашей спиной.
- Что?! – вырвалось у нее, и она боязливо оглянулась. И поняв шутку, звонко рассмеялась.
- Да вы колдун или гипнотизер.
- И то, и другое, – улыбался он.
- Посмотрела на часы и вскрикнула.
- Ой, как я опоздала, как подвела подругу! Спасибо. Большое спасибо. Все было оригинально, со сказочными мотивами. Ведь иное мгновение больше длинной жизни.
- Да, если оно проросло из вечности, – сказал он.
- Прошли к гардеробу. Гардеробщик бросился к ней, помог надеть плащ. Он хотел дать ему денег, но тот отчаянно и строго глядя на него, отвел руку и сказал:
- Я за честь почитаю ухаживать за Анастасией Петровной.
- Я за себя, – сказал он.
- Вы сегодня с Анастасией Петровной.
- Слава богу, дождь не вернулся, – сказала она, когда вышли из ресторана и заторопились по тротуару.
- И хорошо сделал, что не вернулся, – отозвался он.
- Я иду на старый Арбат, и прилично опоздала, – и тут же: – Вы русский?
- В Москве я русский, а на Солнце чеченец, – улыбаясь, ответил он.
- Ах вы, чеченец. И злой?
- Очень.
- И много на Солнце чеченцев?
- Много. И все злые. Поэтому так яростно и горит Солнце.
- Она засмеялась. Но вдруг остановилась, останавливая и его.
- Но позвольте, я же не разгадала ту загадку, которую задали вы мне. Вы сказали, что вы тот самый маленький мальчик, который скакал за мной по широкой казахской степи. Но ведь я никогда не была в казахских степях.
- Были. Вы забыли, запамятовали.
- Она продолжительнее посмотрела на него.
- Идемте назад, в ресторан, – вдруг решительно проговорила она и, крепко сжав его локоть, повела обратно.
- Опять швейцар, удивленно вскинув густые брови, гардеробщик с восхищенным лицом, долговязый официант и тот же стол.
- Вам что заказать? – спросила она.
- Он отрицательно качал головой. Она заказала себе какое-то китайское блюдо, прозвучавшее на слух то ли бу-чу-чи или пун-чу-чи.
- А теперь расскажите мне про того маленького мальчика, который скакал за мной по широкой казахской степи. Расшифруйте эту символику.
- Вы когда-нибудь видели, как конь пьет яйцо, простое куриное яйцо?
- Нет, – удивленно посмотрела она.
- О, конь пьет яйцо очень интеллигентно. Осторожно зубами давит край скорлупы, берет губами, поднимает, выпивает содержимое и бережно опускает пустую скорлупу. Заметьте, опускает, а не выплевывает.
- Но вы ушли, от моего вопроса.
- Нет, напротив, я вонзаюсь в самое ядро повествования.
- Хорошо, продолжайте, я не буду больше перебивать.
- Мальчик был сирота, он жил с бабушкой в небольшом, из нескольких землянок поселке. Ему не было и семи лет, когда дядя взял его к себе на чабанскую точку, которая стала на долгие годы его домом и гнездом. Кругом была бесконечная степь, богатая зимой лютыми морозами и яростными буранами. Весной нежная, волнующая разнотравьем, седым ковылем, редкими плешинами солончаков, частыми озерами от талых вод и миллионами птиц, слетающих к этим озерам, возвращаясь из теплых стран.

Мальчик был сирота среди людей, но не у неба. Ибо небо подарило ему очень крепкое здоровье и пылкое воображение. Он почти никогда не болел. Зимой ел много снега, а в весеннюю капле лед и сосульки. Летом пил только молоко, ибо вода в колодце была солоноватая, и он не любил пить ее. Мальчик не чурался никакой работы. А работы много там, где много живых существ, зависящих от человека. Мальчик любил живые существа и заботился о них, но фанатично любил лошадей. Можно сказать, что он жил в лошадях. В двенадцать лет он был вполне лихой наездник. Конь, Буян, которого он кормил жареной кукурузой и сахаром, тем советским сахаром, сжатым до синевы и плотности камня, был его закадычным другом. Когда рано утром, проводив отару до места пастбища, он и конь оставались как бы без работы, у них начиналась новая работа – джигитовка. Мальчик потратил много дней, чтобы стать мастером джигитовки. И наконец, в четырнадцать лет свободно стоял на крупе скачущего Буяна, соскакивал на землю и взлетал в седло, не касаясь стремени, на всем скаку поднимал с земли свою фуражку.

А знаете, среди лошадей, как и среди людей, одни бывают глупцами, другие гениями. Буян был гений. Когда ему надоедало озорство мальчика, он ложился как убитый, вытянув ноги. Тогда и мальчик ложился к голове Буяна. И так они лежали долго. Первым не выдерживал Буян. Он вставал, а мальчик продолжал лежать, прикидываясь, что спит. Но Буян знал, что мальчик не спит, а хитрит. Тогда он начинал бить копытом и тихо ржал, то есть говорил на своем языке: хитри, сколько хочешь, но дай мне несколько кусочков из того сахара, что у тебя в правом кармане.

Год назад в восемнадцати километрах от точки, где жил мальчик, колхоз построил поселок и назвал его – Центральный, потому что на разном отдалении от него были по степи раскиданы чабанские точки. Для них, то есть для тех, кто работал на этих точках, он и был построен. Мальчик никогда не бывал там, но знал, что в Центральном есть магазин и склад, в котором было все необходимое для чабанов – хомуты, седла, вилы, лопаты и т.д.

Однажды дядя вернулся из Центрального и привез весть, оглушившая и взволновавшая мальчика. Дядя сказал ему, что из района в Центральное привезли кино и что он может съездить и посмотреть. Он никогда не был в кино, но знал, что оно есть. Дядя рассказывал много раз, как он пацаном, когда еще жил на Кавказе, в Грозном, с друзьями бегал в кино. Да проезжающие, которые иногда ночевали на точке, иногда говорили про кино, особенно про фильм «Чапаев».

Солнцу оставалась до заката саженей десять, когда мальчик заседлал Буяна и поскакал в Центральное. Первый километр, чтобы разогреть Буяна, он скакал не быстро, а потом выпустил во все его лихие ноги. Орел, отдохнувший на невысоком кургане, неуклюже ступнул несколько раз, поворачиваясь к скачущему всаднику, и долго завистливо смотрел на быстрые ноги Буяна, ибо орел всегда мечтает стремительно бегать и по Земле, как он летает по небу.

Когда мальчик прискакал в Центральное, народ, готовый созерцать кино, сидел, кто на бричке, кто на дышлах, кто на днищах опрокинутых бочек. А киномеханик со своим помощником заканчивали приготовления. Мальчик стоял позади всех, держа в поводу Буяна, и не понимал, что к чему и как должно явиться чудо. Наконец, заработал движок, Буян, испуганно задрав голову, потянул мальчика назад. Но вот ударил в экран прожектор, потом явились на экране люди. Потом... да, да, потом явилась она, девушка в длинной юбке, в белой кофте, вся ослепительная. Этот ангел, волшебница пела и плясала, гипнотизируя людей и всю степь.

Фильм закончился, а мальчик все стоял, созерцая девушку или ангела в длинной юбке и белой кофте. И когда скакал на молниеносном Буяне назад, ничего не видел, а созерцал пляшущую и поющую волшебницу.

Прискакав домой, он, расседлал и отпустил Буяна, а сам по приставной лестнице забрался на стог, навзничь бросился в его мягкую перину и уставился в звездное небо. И там, на небе, среди звездных зарослей пела и плясала то ли

ангел, то ли девушка с очаровательной улыбкой. И когда разгорелись Стожары, это мистическое семизвездье, им пела девушка в длинной юбке с осиной талией.

И теперь мальчик каждый вечер, на какую бы чабанскую точку не ехал киномеханик, скакал за ним, то есть скакал за девушкой-волшебницей, которая чаровала его сердце и степь, и звездное небо, и мистические Стожары.

И постепенно маленький мальчик стал мечтать о другой, не чабанской жизни.

Наконец звездное небо пало в сердце маленького мальчика. Детство прошло. Явилась холодная взрослая жизнь со своими проселочными дорогами и туманными перевалами. Но никогда маленький мальчик не забывал те дни, когда он на молниеносном Буяне скакал по широкой казахской степи за девушкой-ангелом в длинной юбке и белой кофте.

Он долго молчал, глядя на край стола. Когда, наконец, он посмотрел на Анастасию Петровну, то увидел на ее ресницах слезы.

– На ваших глазах слезы, Анастасия Петровна, значит, я плохой рассказчик – сказал он с виноватой улыбкой.

– Очень плохой, – согласилась она, достала из сумочки платочек, промокнула слезы, посмотрела на него и сказала: – Нельзя такими когтистыми совами терзать женское сердце, – и быстро встала.

– А бу-чу-чи? – глянул он на нетронутое блюдо.

– Ах, какое тут бу-чу-чи! – нервно и с досадой проговорила она.

Шли по тротуару и все дорогу молчали.

– Я пришла, – сказала она, останавливаясь, у двери многоэтажного дома и долгим взглядом поглядела, на него.

– Вы не просите у меня ни телефона, ни визитной карточки, – сказала она.

– Но вы же знаете, почему.

– Знаю. Этот вечер невозможно повторить. Разве что в прозе. А это было бы неинтересно.

Она позвонила в домофон.

– Кто? – спросили в домофоне.

– Это я, Оля, – ответила она, и посмотрела на него грустно.

– Прощайте, маленький мальчик.

Он наклонил голову, потом взглянул на нее и убежденно сказал:

– Мы встретимся с вами на Солнце, Анастасия Петровна.

– Обязательно, – ответила она дрогнувшим голосом.

Дверь за ней захлопнулась. Там, за дверью, раздались странные звуки. Ему показалось, что там кто-то коротко зарыдал. Он инстинктивно приложил ухо к двери. Но дальше слышал только цоканье каблучков. «Почудилось», – решил он.

Когда скорым шагом он устремился на возвратный путь, глаза его горели и на губах не гасла улыбка. Но, странное дело, он созерцал не нынешний вечер, а далекое детство, молниеносного Буяна и девушку, в белой кофте и длинной юбке пляшущую на небе среди Стожаров.

Навстречу шли две молодые женщины, которых лично он, созерцая царство детства, и не заметил. Одна из них оглянулась на него и сказала:

– Какая счастливая.

– Ты что, это же мужик, – ответила ей подруга.

– Да я о той, к которой он спешит.

– Откуда ты узнала, что он спешит к женщине?

– Улыбка, которая трепетала на его губах, была вызвана образом женщины, которую он созерцал. Какая счастливая, – повторила женщина и вздохнула.

Болтукаева Зараъ

Болтукаева Зараъ (Елизавета) ийна 1979 шарахъ Теркан кӀоштарчу Калаусехъ. 2004 шарахъ чекхъяьккхина Сольжа-ГӀалара хъехархойн колледж. Стихаш нохчийн маттахъ язйо Зараа, уьш ара йийлила кӀоштарчу «Теркайист» цӀе йолчу газетахъ а, ишколан белхалошина леринчу юкьарчу гуларехъ а.

Ирсе ю со

Ӏуьйранна мерзачу набарха йоккхуш
Цу маьлхан зӀаьанарша
юхъ-сибат хьобстуш
Бес-бесар тӀедарчий
сан юхъ тӀе дехкина
Хьаьстина, хазийна тарйи со шех.

Сийначу стигалан басах тардина
Сан бӀаьргийн хъежар а шатайпа ду.
Везачу вай Дала Нохчийчохъ кхийина
Со Нохчо хиларна, со ирсе ю.

Илманан кьайленаш
йовза йиш хиларна
Уьш йовза гӀо деш
сан хъехархой хиларна
Ирсе ю мохъ туххуш
ала йиш хиларна
Сан Нана, Нохчийчохъ, со хьан йоӀ ю!

Нохчийн мотт

Бекалахъ нохчийн мотт
Сан кьоман аз хилий,
Сингаттам бььначохъ
Пондаран мерз хилий!
Сатесча Даймахке
Шовданан чӀуг хилий,
Самукьа даьллачохъ
Мехкарийн йиш хилий!

Ламанийн лакхаллехъ,
Аренийн сеналлехъ,
Нохчийн мотт бекалахъ
Зарзаран мукьамехъ!

Бусулба дин долчохъ
Иманан нур хилий,
Барт боьхна доьзалехъ
Машаран тӀай хилий!
Накьосталла эшначохъ
Кьонахчун дош хилий,

Тешнабехк биначохъ
Болатан суй хилий!

Ненан кьинхетамехъ,
Дас лучу хъехамехъ
Бекалахъ нохчийн мотт,
Даимна бекалахъ!

Нана

*Хеназа кхелхинчу
сай нанна, Асетна лерина*

Йолахьа гӀенаха, сан хьоме Нана,
Хьастахьа эсалчу бӀаьргашца со.
Ас хьобга балхор бара киййрара бала,
Хьайх хьега со юьтуш, дӀаяха хьо.

Мел хьоме хета-кха
дагчохъ хьан амат,
Ма мерза хила-кха ахъ олу дош,
Ма йоца хилла-кха ахъ ехна зама,
ТӀекхьаьчча хӀуьа а хилла-кха ловш.

Ахъ цкъа а ца дора вониг дан хъехар
Нийсачу новкъа тӀе хӀитгадеш тхо.
Ахъ кхий тхан дагчохъ дахаре безам,
Хьох йолу ойланаш кхача ца ло.

Ахъ хийла халонаш эшаеш, Нана
Когаш тӀе хӀиттий тхо кьар а ца луш.
Жимачохъ хеди-кха хьан дахар, Нана
Ехар ю тхан дагчохъ кьан а цалуш.

Лазарца дуьненчохъ текхначу ханна
ДоӀанца ас Деле хьо йобхуш ю:
Я АллахӀ, елахъ ахъ ялсманан хьаша
Хьан дикнех тхо даим тешна ма ду!

Дебют**Ибрагимова Диана**

Ибрагимова Диана йина 1996 шарахь Хьалха-Мартанан кIоштаран Гихчу цIе йолчу юьртахь. Цигахь чекхъяьккхина юкъара ишкол. Карарчу хенахь доьшуш НПУ-хь (актерски отделини).

Гихчу

Хьан исбаьхьа хазалла,
Хьан кьонахийн доьналла,
Хьан мехкарийн сийлалла,
Сан юрт – хьо сан дозалла.

Хьан лаьмнийнл екхалла,
Хьан кьонахийн доьналла,
Хьан аренан сийналла,
Сан Гихчу – хьо сан дозалла.

Ахь дийцина и дешнаш-м,
Лар йоцуш дай.
Кхийти со хир воций,
Хьо даимна сайн.

Вайн хилла и безам,
Човхийна байн.
Цахуьлуш диси вай,
Безаман дай.

Иллешкахь вайн дайша
хестийна доттагIа,
Хестийна майралла, собар а, яхь.
Лекхачу ламанца нисвина кьонах,
Сийдарца даздина кьонахчун эхь.

Кийрара жима дог безамах дузош,
Мехкаршна дийцина и дешнаш шира,
ГIиллакхца-ларамца,
доггаха сий деш,
Яздина безаман могIанаш хийла.

Харачу дечиг тIехь декадеш мерзаш,
Безамца бийцина вайн ненан мотт.
Нохчий шаьш хиларна
дозалла хеташ,
Лерина ла дегIна, эккхийна потт!

Сулиман Мусаев

Краснокожий брат мой

Рассказ

У входа в актовЫй зал я в нерешительности остановился. Предстояла какая-то лекция по экономике, что мне было совсем не интересно. К тому же, устал после мастер-класса. Немного помявшись, поднялся по ступенькам в зимний сад, подошел к прилавку и заказал черный кофе.

Ярко горят лампы, играет, как всегда, музыка. В отдалении двое парней играют в бильярд. Взяв кофе, я направился к столикам. Зал был почти пуст. За одним из столиков сидел смуглый парень лет двадцати семи, с длинными, до плеч, иссиня-черными волосами. Кажется, кубинец. В основном тут собралась пишущая братия из России и стран СНГ – форум, как-никак, авторов произведений на русском языке, – но попадались и иностранцы, творящие на «великом и могучем», – из Чехии, Франции, Австрии. Вчера даже с индийцем познакомился. Вот теперь и этот... как его... Иглесиас, что ли...

Заметив мой взгляд, парень приветливо улыбнулся и помахал рукой. Я подсел к нему, с чувством некоторой досады. О чем мне с ним говорить? О Фиделе Кастро? Или о Хемингуэе, который мне не очень нравился? А может, о базе Гуантанамо?

– Здорово! – протянул я руку.

– Ас-саламу алейкум! – привстав, ответил он на рукопожатие.

Рука сухая, горячая.

– Ва-алейкум ас-салам! Тоже решил лекцию прогулять?

– А! – махнул он рукой. – Всегда одно и то же говорят, – по-русски он говорил чисто, с небольшим, но приятным акцентом.

– Это верно, – ответил я.

Некоторое время сидели молча.

– Сулиман...

Я бросил на него быстрый взгляд. Он понял мое удивление и, улыбнувшись, произнес одно слово:

– Бэйджик!

Я рассмеялся и снова протянул руку:

– Ну, давай знакомиться! Сулиман.

– Хосе. Хосе Гонсалес из Мексики. Хотя при рождении мне дали другое имя...

– Ты мексиканец? – поразился я. – А я думал, кубинец...

– Мексиканец. Цоцил, – добавил Хосе.

– Цо... Кто?

– Индеец из племени цоцил.

– Индеец? – он не переставал меня удивлять. – Вот это да! Первый раз живого индейца вижу!

– А где мертвого видел? – мы расхохотались.

Знакомство взбудоражило меня. Я словно вернулся в детство, передо мной встали образы из прочитанных тогда книг, которыми я буквально грезил: Оцеола, Текумсе, Понтиак, Тачунко Витко, Татанка Йатанка... Индейский писатель Сат-Ок

с повестями «Таинственные следы» и «Земля Соленых скал»... Ирокезы, апачи, дакота... Прерия, мустанги, томагавки... Фильмы с Гойко Митич...

– А откуда ты так хорошо знаешь русский?

– Я окончил школу с изучением русского языка. Много читал на русском. Мой отец был буквально влюблен в Советский Союз. Переживал распад СССР как свою личную трагедию. Представляешь, у нас дома было столько советской символики, что даже в вашей стране, наверное, ни у кого столько не было – вымпелы всякие, значки, календари... Мать даже ругалась с ним часто, – улыбнулся он своим воспоминаниям. – Знаешь, какое он мне имя дал при рождении?

– Какое?

– Ильич! Хоть сам и не был коммунистом.

Я окинул «Ильича» критическим взглядом с головы до ног и не смог удержаться от улыбки, настолько имя не подходило ему.

– Потом, когда я подрос, мы переехали из штата Чьяпос в Мехико, чтобы я смог учиться в русской школе. Вернулись с матерью на родину уже после смерти отца. И имя сменил на более привычное, которым с детства называли меня соседские ребята. Да и Ильичом меня никто, кроме отца и учителей в школе, не называл. Скоро и это имя сменю... – на какое-то время он замолчал.

Я слушал его, не перебивая,

– Я благодарен отцу, что дал возможность учиться в Мехико, не смотря на материальное положение нашей семьи, – продолжал он. – Я познакомился с русской литературой. У меня дома очень много книг – Пушкин, Тургенев, Толстой, но больше всего мне нравятся стихи Бунина... Пойду, закажу еще американо. Тебе что-нибудь принести? – встал Хосе.

– Нет, спасибо.

Скоро он вернулся.

– Тебя уже обсуждали? – задал он дежурный вопрос.

Мы с ним были в разных мастер-классах.

– Да.

– Ну и как?

– Да нормально вроде. А тебя?

– Завтра. Волнуюсь немного, – смущенно улыбнулся он. – Я первый раз на таком форуме...

– А что ты пишешь?

– Стихи, – совсем смутился мексиканец. – Надеюсь, что это стихи... Знаешь, бывает, сидишь, задумаешься, становится отчего-то так грустно, что заноеет сердце, и в голове рождаются строки... Я на испанском пишу, узнал в интернете про этот конкурс фонда Филатова, перевел несколько своих стихов, и отправил, и вот... – замялся он.

– Да не переживай ты так, все будет нормально, – попытался я его успокоить. – Вот увидишь. Кстати, – вспомнил я. – Ты говорил что-то насчет перемены имени. Теперь тебя и Хосе не устраивает?

– Хосе, может, и хорошее имя, – не принял он моей шутки. – Да вот, понимаешь, в чем дело... Месяц назад я принял ислам и хочу взять имя Абдуллах, раб Аллаха.

– Ты? Принял ислам?

– Да. Когда мы с матерью вернулись в Чьяпос, я узнал, что мой лучший друг детства Хуан стал мусульманином. Теперь его звали не Хуан, а Осман. Признаюсь, мне это очень не понравилось. Хуан стал Османом! Ведь кто такие были мусульмане в моем представлении? Террористы, варвары, не создавшие за свою историю ничего, способные только крушить все вокруг и взрывать. Я разругался с Хуаном, разругался, как думал, навсегда. Просто выставил за дверь! Чуть не избил. Но, к удивлению, Осман не озлобился на меня, при встрече всегда здоровался, несмотря

на то, что я даже не смотрел в его сторону. Да, в детстве мы были лучшими друзьями, но теперь я его презирал. Потом, к своему изумлению, я узнал, что в нашем округе многие приняли ислам, встречались даже женщины в хиджабе...

Мусульмане в Мексике? Мусульмане-индейцы? Это не укладывалось в моей голове.

– Постой, постой... Как это – многие приняли ислам? Да, сегодня ислам распространяется по всему миру, но его, как правило, принимают, в первую очередь, люди образованные, после долгих духовных поисков... Знаменитости разные...

– Пока я отсутствовал в Мехико, к нам прибыл испанец-мусульманин Эмир Мустафа. Прежде его звали Ауреланио Перес. Он развернул у нас бурную миссионерскую деятельность. Основал общество Марабутин, как некогда мавры в испанской Андалусии. Теперь у нас есть исламский культурный центр, мечети, медресе. Немало таких, которые совершили хадж в Мекку. Так вот, я стал задумываться над поступком Османа. Как-то на рынке я сам первым подошел к нему и поздоровался. Он ответил мне с приветливой улыбкой.

– Расскажи мне о своей религии, – попросил я его сразу.

Он оглянулся по сторонам. Недалеко был небольшой ресторанчик.

– Может, зайдем, посидим? – посмотрел он на меня вопросительно.

В ресторане я заказал ром, но Осман неожиданно отказался:

– Нет, мне кока-колу.

В тот вечер он рассказал мне о временах джахилии в Аравии, о ниспослании Корана, о праведных халифах. Мы стали чаще встречаться. Как-то я зашел к нему домой, и мы сидели в его комнате на кровати, Он потянулся к полке, прибитой под потолком, взял какую-то книгу, раскрыл ее и торжественно произнес:

– Вот оно, последнее послание Аллаха! Я уже и читать могу, вот с переводом пока не очень... Но скоро научусь и этому.

Я осторожно взял ее и стал всматриваться в непонятные строки. Чем больше я вглядывался, тем сильнее охватывало меня какое-то необычное волнение, которое, зародившись в глубинах души, нарастало, устремляясь в мозг, уже готовый, казалось, вот-вот взорваться... И вдруг... Вдруг я вспомнил... Вспомнил легенду, рассказанную еще в детстве дедушкой. Я медленно поднял глаза на Османа.

– Что с тобой? – испугался он. – С тобой все в порядке?

– Да... – пробормотал я. – Да...

Тем временем закончилась лекция, и участники форума начали выходить из актового зала. Многие стали подниматься в зимний сад. Поднялся шум, смех, крики. Я допил свой уже остывший кофе. Через десять минут должен был начаться спектакль, на который думал сходить.

– Ты пойдешь на спектакль? – спросил я Хосе.

– Нет, – он, достав из кармана телефон, посмотрел время. – Да и молиться пора.

Мне стало неловко, что о намазе напомнил мне он, и я предложил: – Пойдем ко мне. Совершим джаммаат-намаз.

После намаза, пока я перебирал четки, он рассматривал журналы, что я привез из Чечни.

– Можешь подарить мне пару номеров? – спросил он, когда я закончил.

– Конечно. Я буду гордиться, что наш журнал читают даже в далекой Мексике! – пошутил я.

Потом взял из холодильника двухлитровую «Фанту», печенье из тумбочки, придвинул столик к дивану и, разлив напиток, сел.

– О какой легенде ты говорил? – мне не терпелось дослушать его историю.

Хосе, задумчиво глядя в окно, неторопливо сделал пару глотков и лишь потом заговорил:

– Дедушка очень любил меня. В детстве я всегда спал с ним. Лежа на циновке под открытым небом, я задавал ему бесчисленные вопросы: «А почему звезд днем не видно?» – «А куда уходит ночью солнце?» – «А бабочки разговаривать умеют?» На каждый мой вопрос дедушка рассказывал сказочную историю, которую, скорее, сам и придумывал. Это был мудрый старик. Как-то ночью началась буря, и мы перебрались в его комнату. Погода неистовствовала, на море бушевал шторм, и рокот волн доносился до нашего поселка, а у дедушки было уютно и совсем не страшно. В тот день я был с отцом в соседнем городке и видел негра, что очень взволновало меня. И теперь я спросил у дедушки:

– А почему у одних людей кожа коричневая, у других белая, а сегодня я видел дядьку, он был весь черный?

Дед долго молчал, посасывая трубку, потом заговорил:

– Много разных народов живет на свете, много, – дедушка опять надолго затих, так что я подумал, что он уже уснул, как вдруг он кашлянул и присел в кровати. – А вот послушай одну историю... Давным-давно, задолго до испанцев, когда в наших краях жили лишь цоцил, цельталь, чоли и другие индейские народы, здесь появились невиданные ранее пришельцы. Они прибыли на трех кораблях. Когда эти корабли появились на горизонте, люди приняли их за чудовищ и спрятались в лесах. Корабли пристали к берегу, и с них высадились люди, изможденные, оборванные, некоторые сразу попадали на землю. Люди несколько осмелели и, таясь за деревьями, стали подбираться к ним ближе. Пришельцы, шатаясь от усталости, голода и жажды, скоро собрались вместе, образовали ряды и стали совершать какое-то действие, опускаясь одновременно на колени, падая ниц. Видя бедственное положение иноземцев, местные жители подошли к ним, неся еду, воду, которые те с благодарностью приняли. Их было человек двести. Через пару дней, несколько окрепнув, они начали чинить свои корабли. Местные, с которыми у них наладились дружеские отношения, помогали им по мере сил. Один из пришельцев часто взбирался на высокое дерево и, приложив трубу к глазу, долго смотрел в сторону моря – видно, они еще кого-то ждали. С починкой кораблей у них не все ладилось, они ходили хмурые, наконец, посоветовавшись, стали перетаскивать какие-то части с одного корабля на два других.

Буря на улице утихла, дед стал набивать трубку табаком, и скоро вновь мерно зажурчала его речь. Он, казалось, про меня совсем забыл и рассказывал эту историю себе:

– Наконец, они закончили работу и в один из дней, оставив один корабль и человек пятьдесят своих спутников, уплыли на север. Перед уходом они одарили местных жителей дарами, среди которых был порошок, который, если поднести к нему огонь, взрывался небесным громом. Оставшиеся соорудили себе хижины и стали жить, часто с тоской вглядываясь в морскую даль. Но за ними никто так и не явился, и они остались здесь навсегда. Кто знает, может их товарищи утонули... Пришельцы же многому научили местных, они стали проповедовать им о Едином Боге. Некоторые последовали за ними, начали молиться, как они... Научились общаться с говорящими листьями – читать их книги. Прошли годы. Много лет. И вот однажды в море показались корабли. Из тех, что раньше прибыл сюда, уже давно никого не было в живых, и из их детей тоже, но многие знали по рассказам стариков про тех, первых пришельцев. На этот раз на кораблях прибыли испанцы. Сначала они относились к местным благосклонно, но, окрепнув, стали вести себя грубо. Им нужно было золото. С ними были и священники, говорившие о спасении души. Потомки первых пришельцев показали им книги, но это только озлобило их, хотя они тоже говорили о Едином Боге. Испанцы стали сжигать эти книги, а местных за малейшее неповиновение убивать...

При этих словах я вспомнил одну книгу, которую читал несколько лет назад. В ней рассказывалось, как испанские монахи собрали священные книги майя и начали изучать их. «В книгах тех описывались такие жестокости, боги майя оказались столь кровожадными, что испанцы пришли в неопишуемый ужас и тотчас велели сжечь все книги...» В неопишуемый ужас... Меня эти слова еще тогда заставили скептически улыбнуться. Священники, явившиеся в Новый Свет, оставив за плечами в Испании еще неостывший пепел инквизиции, уничтожавшие без капли жалости индейцев Америки – и вдруг пришли в «неопишуемый ужас»... Теперь кое-что начало проясняться...

– Некоторые приняли их веру, другие убежали в леса. Наш далекий прадед тоже принял веру испанцев. Когда сжигали книги, несколько листов уцелело, и он подобрал один... Подожди-ка, – дедушка полез под кровать, достал старый чемодан, из него деревянную шкатулку, порылся в ней и, распрямив, показал мне пожелтевший листок с обгоревшими краями. Я взял его и стал рассматривать, повернув к свечке.

– Мне эту историю рассказал отец, ему – его отец, и так эта невидимая живая цепь соединила меня с моим далеким предком. Я рассказал ее твоему отцу, но ему она и сегодня не интересна. Вот, поведал теперь тебе, хоть ты и мал – неизвестно ведь, когда Господь приберет меня к себе, – не знаю, прервется ли эта цепь на тебе... Не хотелось бы...

Дедушки – его звали Мигель – не стало через месяц... Так вот, вязь Корана, который показал мне Хуан, напоминала ту, что была на листке, представленном мне дедушкой. Я уже успел позабыть ту историю, а тот листок, когда я кинулся домой искать, уже не нашел – видно, отец сжег с другими вещами дедушки после его смерти...

Дальше я уже не слышал, что говорил Хосе. Сотни мыслей, перебирал друг друга, роем закружили в голове...

...Вспомнился кабинет главного редактора. В прошлом году, когда мы собрались у него, разговор зашел о диких племенах Новой Гвинеи. Я выразил мнение, виноваты ли папуасы в своей дикости, невежестве, ведь мусульманские миссионеры не дошли до них. «Нет, ты не прав, – возразил Муса Ахмадов, – Аллах говорит в священном Коране: «Мы послали пророков ко всем народам». Вспомни, сколько всего пророков было?» Я задумался. Вспомнил, как старики говорят: «Б1е эзар, ткъо эзар, виь эзар пайхамар ваитина Сийлахъчу Дала дин хъеха» («Бог послал проповедовать религию сто тысяч, двадцать тысяч, четыре тысячи пророков»). «Сто двадцать четыре тысячи», – ответил я. «Правильно. Он дал шанс спасти души всем народом». Неужели... Нет-нет, ведь Мухаммед – «печать пророков», то есть последний пророк... А если это наследие одного из предыдущих пророков? Тоже нет, Аллах не передал бы послание на непонятном для народа языке. Да и Хосе о чужестранцах говорил... У меня голова уже кругом пошла...

...Я вспомнил легенду, которую читал: Тарик ибн Заед, арабский полководец, покорив Северно-Западную Африку и дойдя на территории современного Марокко до берегов Атлантического океана, упал на колени и взмолился: «О Аллах! Я поклялся распространить Твое Слово по всей земле, но этот океан остановил меня! Прошу Тебя, укажи мне путь!» Тут рассеялся туман, и на севере показались очертания Пиренейского полуострова. Арабо-берберское войско, переплыв пролив, покорило Испанию и Португалию. Кстати, южная оконечность этого полуострова до сих пор носит его имя. Гибралтар – это искаженное от Джибр аль Тахир – гора Тахира. А что, если... Нет, это было еще в начале восьмого века...

Вспомнил про карту турецкого адмирала Пири Райса, которую он преподнес султану Сулейману Великолепному. На ней обозначены довольно точно и Северная Америка, и Южная, и даже Антарктида, открытая много позже. Ведь и Колумб, прежде чем сумел убедить испанского короля в целесообразности снаряжения экспедиции, провел долгое время в Константинополе...

Я высказал свои соображения Хосе.

– Нет, – сказал он. – Это были не арабы и не турки. Дедушка говорил, что у них были небольшие бороды и очень узкие глаза.

– Узкие глаза? А кто? Малайцы?

– Не знаю, – Хосе немного задумался и спросил: – Ты слышал про Ма Чжэн Хэ?

– Что-то смутно припоминаю, – соврал я, боясь показаться невежественным.

Я уже устал удивляться и решил просто слушать.

– Чжэн Хэ – великий китайский мореплаватель. Он жил в эпоху Минской династии, на рубеже четырнадцатого – пятнадцатого веков. Ма в его имени означает Мухаммед. Это имя тогда носили многие китайские мусульмане. По приказу императора он во главе огромного флота совершил семь экспедиции в Юго-Западную Азию и Восточную Африку. Так как эти регионы в основном мусульманские, то и команда Ма Чжэн Хэ состояла большей частью из китайских мусульман. Я подумал: а вдруг была еще одна экспедиция, пока не известная нам...

Открылась дверь, и зашел мой сосед по номеру, Влад из Барнаула. Он был выпивший и сразу лег спать.

– Хочу выучить китайский, чтобы попытаться найти какой-нибудь след в китайских источниках. Правда, язык очень сложный...

Распрощались мы с ним далеко за полночь.

– Ну, спокойной ночи, – обнял я Хосе-Абдуллаха.

– Ассаламу алейкум!

– Ва-алейкум ас-салам, краснокожий брат мой! – пошутил я.

– До завтра, бледнолицый брат!

– Вообще-то, нас здесь черными зовут! – мы рассмеялись.

– Завтра твоя очередь прийти ко мне в гости.

Я лег, забыв про тексты, которые должен был прочитать к утру, но долго не мог уснуть, моим взорам представлялись корабли, плывущие навстречу солнцу, обветренные лица отважных моряков...

Канат Канака**Гоголь**

Сядятся люди в электрички,
не зная чем занять досуг.
Весь век летит по черевички
кузнец Вакула в Петербург.

Черт дернул черта выкрасть месяц.
И, как покойница, легла,
из «Вия», на глухую местность
досель невиданная мгла.

На керосиновую лампу
надежды не держу уже.
Мерещатся, куда не гляну,
герои Гоголя везде.

Пишу, рифмую бестолково.
Но где-то за моим умом
Манилов вместе с Хлестаковым
в ночи плутают под окном.

Гуляет вьюга в подворотнях,
где совершает свое зло.
Пусть наконец-то скажет кто-то
из них: «К нам едет ревизор!»

Когда, свои дела окончив
на службе, выйдет на крыльцо,
почудится в беззвездной ночи
Башмачкину мое лицо.

Перекрестятся два Ивана,
подастся Чичиков в бега...

В степях бескрайних Казахстана
навряд ли сыщут беглеца.

Лишь Вий посмотрит отрешенно
и удалится с глаз долой.
Обиженный и оскорбленный,
Иван Никифорович мой,

Иван Ивановичу разве,
смешно подумать, не простит
обиду?! Гоголь в казнокрадстве
не станет никого винить!

.....

Останется навеки втайне:
кто он, что по дороге дальней
на санках устремляя взор
в село, свой держит путь, опальный
и нежеланный ревизор?

Как растолкуешь человеку,
не ехать в ушлое село,
покуда ныне много снега,
чем в прошлый месяц, намело?

Доедет ли в метель такую
и ночь, по снегу января,
собой, извозчиком рискуя,
покамест не взойдет заря?!

.....

Кому-то в эту ночь не спится.
Пусть к басурманам устремится,
чтоб побороть в себе тоску.
Не дело с бабами бабиться –
Тарасу Бульбе – казаку.

Исподтишка войной ударит,
хоть старый, но еще удалый,
так не сумеет, никак, заснуть.
В лице изменятся бульвары
и всполошится Петербург.

Такая ночь бывает только
раз в жизни и под Рождество?
Так выстрелит в меня с двустволки
казак и выбросит ружье.

И пуля душу мне остудит,
 моей руки коснется смерть.
 По мне – поэту – затоскует
 казак, и упадет на снег.

Метель отступит, стихнет выюга,
 на небе выглянет луна,
 и длинный луч луны упругий
 коснется моего лица.

Не тронет грусть коня в загоне.
 Покинет черт с зарей село.
 Казак проснется и уронит
 в ладони сонное лицо.

Пушай сельчане колятуют
 всю ночь. Хома испустит дух,
 когда страшая силу злую,
 прокукарекает петух.

Возьми Солоха на поруки
 меня, за тридевять земель,
 на гору, где старуха выюга,
 в пещеру, где живет метель.

Нет у Солохи дилижанса:
 нет ни коляски, ни коня.
 Как долго будет продолжаться
 все это, знаю только я.

Неси по матушке России –
 А-ну, Солоха! – на метле.
 Пойдет покойница из «Вия»
 страшать село в кромешной мгле.

Несусь, как смерть, по городам.
 Живу между землей и небом.
 Кому я век свой передам,
 весь целый мир,
 как кровь над снегом?!

Я видел слезы матерей
 от безысходности, от боли.
 Кто им вернет родных детей;
 единственных, тех сыновей;
 убитых на войне детей?
 Как много в этой жизни крови...

Скорбит со мной моя свеча
 по не вернувшимся ребятам.

Скорбят Россия и Чечня,
 скорбят лежащие в палатах...

Но веку вопреки лечу,
 сквозь зубы веку я кричу:
 – Спаси людей и сохрани!
 Ты видишь, век мой, не хочу!
 О, как я не хочу войны!

Не прячьтесь дети в свой подвал.
 Жизнь нам дана,
 чтоб жить, как люди.
 Пусть солнце будет вам сиять.
 Кричать – я голос свой сорвал.
 Убитых на войне солдат,
 клянемся кровью, не забудем!

Их не забудут никогда
 любимых самых нежных, милых.
 Как светят даты, имена
 и лица их на их могилах.

Роза

Розе Рымбаевой

Пишу, чиню дошкольным языком
 до холодка по коже, до озноба,
 пока темно и дует сквозняком.
 И Муза шлет диковинную розу!

Луну у неба, у людей краду
 и отпускаю ветхую лампадку.
 Зря за нос я перо мое веду
 и мучаю безгрешную тетрадку.

Я пленницу любимицу держу –
 диковинную розу – в старой вазе.
 То ль роза служит мне, то ль я служу
 наложнице – не разобраться сразу.

Но речь о розе. Розы лепестки
 горят, огнем пространство озаряя.
 Бессовестно твою казну – Прости,
 диковинная роза! – разоряю!

Безукоризнен чайной розы вид.
 Когда-нибудь в смирительной рубаше,
 ни слова не сказав, сойду в Аид,
 как в степь ушли кочевники казахи.

Осанка розы, выдержка и статья
дают понять, что из аристократок.
Помиловать вели, вели сослать,
как вшивую последнюю собаку!

Каким это быть надо наглещом –
смотреть в лицо моей любимой розе.
У чайной розы смуглое лицо
и кожа загорелая у розы.

Вдруг голос розы – запах или цвет,
что голову туманит и дурманит –
заслышав незнакомый человек,
шаги приостановит меж домами.

Сам Орион над ней благоволит
и благосклонен к розе
Март с Нептуном.
Слаб мой словарь,
чтоб с розой говорить.
Все это розе кажется безумьем.

Засим морочить голову себе
и розе я диковинной не стану,
и супротив докучливой строке
здесь точку долгожданную поставлю.

Тоскуя по земле грузина,
смотрел в окно, где падал снег
и, где работали мужчины,
примерно восемь человек.

Поплелся в сторону скамейки
усталый, полный грусти – взор,
где бабка в старой телогрейке
сидела, озирая двор.

Гуляла женщина с собакой
понуры до исхода дня.
Сестренку мальчуган на санках
катал по снегу февраля.

Такая теплая погода
стояла нынче во дворе.
И у рабочих шла работа
на лад. В заснеженном окне

на кухне с днем былым простился.
Горячий чай себе налил.

Потосковал я по Тифлису
и по Тбилиси погрузил.

Стол

В пустыне моего стола,
черт знает, что происходило.
Вдруг стала комната мала,
предметы стали в ней незримы.

Дом ждал, что сверху снизойдет,
в ночи беззвездной, милость Бога,
и уцелеет самолет
бумажный, занятый полетом.

Во тьме и вьюге февраля
один, на небо устремленный,
летит, расправив два крыла,
отважный, белый самолетик.

За ним гоняется метель,
не нагнала и упустила,
а самолетик улетел
и точкой стал на небе синем.

Мой брат, бесстрашный самолет
и летчик, друг ума и сердца,
война когда-нибудь пройдет,
когда устанем от злодейства.

Достану, возожгу свечу,
за труд усядусь бесполезный.
Мой самолет, спаси Чечню,
спаси Россию от возмездий.

Когда расправив два крыла
летишь ты далеко-далёко,
в пустыне моего стола
не грустно мне, не одиноко.

Мое перо влачит строку
луны и ночи на рассвете.
Увидимся на берегу
другого, видимо, столетья
с тобой. Наш путь неодолим:
язык от рифмы отказался.
Хоть отмени, хоть отдали
войну от гордого Кавказа!
Восходит день уже в окне
и дома завтракать садятся.

Мой почерк чем-то на коне
напоминает мне кавказца.
Вареной гречкой завтрак сыт.
Со мной стихи не согласятся,
но запятые на усы
похожи все-таки кавказца.
Хозяйка добрая следит,
чтоб в доме был всегда порядок.
Имеют эти лишь стихи
осанку гордую горянок.
Как необычно сложен быт
у дома. С мучимым коварством,
скажи мое перо, как быть
нависшим над седым Кавказом?!
Охотник щурит зоркий глаз
и на курок жмет, с дула пуля
летит в меня, летит в Кавказ,
минуя летний день июля.
Ни упасти, ни уберечь
не смог стихотворенья автор,
но будет жить вовеки речь
в моих стихах витиеватых!

Елабуга

Доселе благовоспитанный стих
держу я от окружающих втайне.
Каждую букву, что держит язык,
как таблетки димедрола глотаю.

Простуженный разум желает спать
и долго спать,
под присмотром больницы.
Забыты стихи, чернила, тетрадь.
Мне Цветаева в Елабуге снится.

Кто я? – кто она? –
перед светлой землей
Елабуги, не пустившая дальше
себя... наградив мне горло петель
и мукой отпустит, если не раньше...

Поскольку голос и разум мой спит
под присмотром сестер и стеарина,
Елабуге здесь полагается быть
и с главной героиней Мариной.

Знакомые лица односельчан
всплывают в поверхность.
Подле природа
Елабужская. Вот старый причал.
– О, как у меня, тебя слишком много!

Падает точка на лист, как звезда.
Поля на тетрадах, словно равнина.
В лужах дорога. Седая изба
встречает гостя, как злая Марина.

Не упрекну ни словом, ни жестом.
Не до и не после. Елабуга спрячь
же меня под Цветаевским текстом,
не то день-высочка
всевидащ и зряч.

Зрачок (и зрачок) заведомо скрыт,
не знавший сиротства,
не материнства.
Вслушиваюсь в каждый
шорох и скрип
верно идущего самоубийства.

Далее будет петля, будет гвоздь.
Далее хуже – не дом, не пещера...
Невольно сопротивляется мозг.
Невольно к веревке тянется шея.

Поступок Марины наивелик,
отдавшей гортань Елабуге нищей.
Елабуга, как прекрасен, твой лик
меня на сей раз во сне посетивший!

Стихотворенье уйдет в монастырь.
Тяжело говорить. Голос простыл.
Над не тронутой страницей блокнота
Ребенок-Луч беспричинно застыл.
– У, как у меня Елабуги много!

Давлетукаев Анзор

Японийн трактор

Дийцар

«Ту-154» хлаваакема цхьанаэшара глэбтира Ленинградехь йолчу Пулково аэропортера. Ппанкъялла, юьзна яра кеман салон. Иэца еза локхалла кемано схьаэцна аьлла кхайкхича, Гиланис глода юкьера доьхка дладаьстира. Иллюминаторехула охьахьажча блэьрго ма-лоццу еаклов аренаш гора бес-бесара беснаш а долуш. Дуткъя некыйн сизаш тлехула хьовьдда йоьлхура машенаш. Иза гонаха дласахьаьжира. Цхьаберш аркъял ситтина наб кхетийта глэрташ лара, вуьйш белакъежаш къямелаш деш бара. Хлорш а, хлора а шайн цхьацца бала, глуллакх эцна боьлхуш хир бу-кх, оила хилира цуьнан.

ЛГУ-н журналистикин факультет чеххьяккхина цла воглучу Гиланин коьрте жигара ойланаш хыйзара. Муха хир ду-те кхин дладолу дахар, хлун хьобжу – те цлахь, Нохчийчохь? Башха, самукъане студентийн дахар дладели, кхин цкъя а юха доглур доцуш. Мел хаза хан, хаза дуьне дара иза. Гобаккхина хаза мехкарий, кегий нах, мичча хенахь хан яйфа меттиг, тлалам боцу мур. Цо хлинца дуьххьара оила йора дладаьлчун. Цкъя цхьа кьиза хийтира дахар. Пхеа шарахь воьлла доттаглий, накъостий... Цкъя а юхадоглур доцуш дладели, дладай, мацах цкъя гина хаза глан санна.

«Везин дела, хлун кечдина лаш ву-те суна, хлун лелор-те, хлун гур-те, ловр-те, нислур а дуй-те адамех терра дахар?» – хьесапийн вай хыйзара коьртехь. Карлабевлачу дагалецямийн йийсарехь, холчахь хыйзачу синтемо и вуьгура кеманан цхьанаэшарчу гловганца мархаш юккъехула паналле санна, гуш йоцучу анайисте. Арахьа гучу йист йоцучу стиглано гуттар а кларгйора сахьйзон ойланаш. Цунна цкъя дагадеара Ленинградехь виса. Накъоста Рамзана ала маэлира:

– Цлахь глодан стаг вуй хьан?

– Вац, – жоп делира цо.

– Вацахь, со Лена ялош ву, цуьнан доттаг! Люда хьуна ерзор ю вай, иштта атта хир ду хьуна карьера ян. Реза вуй хьо!

– И далур дац соьга, дуьненан зовкх бахьан долуш, цлахь да, нана, йиша-ваша дац, гласкхи хилла муха лелар ву, валар-висар дац тлехь, – жоп делира цо.

– Тола-м хьайга бохург дича тоьлура хьуна! – аьлла, Рамзан студентийн юкъяраойлехь той-тайпа хлоттийна, Леница Москва длавахара.

Шен токхона дуьхьа лелориг хир дара и, вуьшта, нохчийн шайн гиллакхаш, глуллакхаш ма ду...

Кема «б1у-у-в» деш шен лалашоне длаглэрта. Дагахь а доцуш тлехлоьтинчу стюардессо деана хи мелча, легашкара цхьа шад бешча санна, парглатвелира Гилани. Хлокхунна юххехь верг дуьненна кьинтлэра ваьлча санна, «хурца» набьеш вара. Лерина цуьнга хьаьжна, шен дагахь, «Ирс я1-кх, соьгара бала-х баций хьобгахь», – хьаьгира и цунах. Кема хьаьдда доьдура, тлехьадуьсуш санна. Дена-нанна, йиша-вешина муьтлахь вара Гилани. Царна дика дан хлүьу хало дан кийча вара. Амма тахана мархашлахь тлома яьллачу ойламо карзах бохура кхетам. Цунна дагадеара университетан юкъяраойлехь тетя Валяс дийцинар. Уьш дара тлеман буьрса шераш. Немцоша голаьцна инзара лазапе лэьцнера Ленинград. Бахархошна дийнахь-буса лушдерг бле грамм лэьржа бепиг бен дацара. Мацаллой, шелоной, мангало буц санна, хьокхуш дара адам. Цийндас шен дакъя дукхах дерг клантана Олегана лора. Хлокхо дехар дира:

– Витек, хьайна даахь хьайн дакъя, бераш доьг1на делахь, дала кхин а лур ма ду вайшина.

Майрачуьнга шен сих даьллачу сих ца даккхаделира рицкъя. Эххар майра, шелоной, мацаллой клелвитина, кхелхира. Делан кьинхетамца фашисташ

иэшийра, советски эскарша толамца парглат якхира глала. Хlетахь немцоша чу баьхкина глала сьха ца якхарх цецйуьлура иза. Хlунда аьлча, адаман гладдайнера, хазанеха санна. Тахана Олег шен доьзал болуш вехаш ву.

– Бакьду, – соцунгла хилла элира цо, – Со йолчу-м ца вогу и нагахь а. Хlумма а дац, уьш ирсе хилчаьхана, – тlетуьхира.

Соьга и дийцина дукха хан ялале кхелхира тетя Валя. Студенташна дукхаезара и кьинхетаме йоккхастаг.

Гиланина дуюьхьал хlоьгтира ненан Ибантан а, де Мохьмадан а юьхь-сибат. Цара а ма лайнера ленинградхоша санна кьиза бала. Церан бала бахбелира кхойтта шаре. Мацалла, шелонна, дийнна доьзалш леш, уьш дlабохка де доцуш, халла лаьттах тaлийнарш жlаьлеша а бууш. Вуьшта, муха тосура ду дlа ша вина, кхиййна да-нана?! Делакь а, адамаш биэ-биэ ду-кх, – йист йоккура цо.

Оцу ойланех юкьах ваькхира: «Кечам биэ, кема охьахаарна, масех минотехь лайнер охьахуур ду «Грозный» аэропортехь», – аьлла, бинчу хаамо. Трап тlехула охьавуссуш дегле зуз даййтира дуюьхьал хьаькхначу хlоно. Шиь сахьт даьлча Гилани шайн цlахь вара. Цlаверзар. казахетарш дlадирзинчул тlаьхьа Гилани диплом эцна обкоме вахара. Шуьйрачу хаамийн гlирсаш курироватъ деш вара хlара тlеэцна инструктор. Гена ламанан районан газетехь бен болх цахилар билгалдаькхира иструкторо, куьзганаш тlехула сийна ши бlаьрг а кьарзина.

Шолгlачу lуьйранна хlара тlехь волу можа автобус Органа чlажахула хьалагlертара шен гlора ма-дду. Цкьа а ламанца хилла воцучу кхуьнан бlаьра хьалха хlоьтира lаламан инзара сурт: стигала бахьаш гlоргийн баьццара лаьмнаш, кlоргачу линца хаддаза, маьхьарца хьаьдда доьду Орга, вовшашна гена-гена, олхазарийн баннаш санна, лаьмнех летта цlенош. Гуттар и цец ваьккхинарг, гlаролаш санна, ирх яхана лаьтта бlаьвнаш яра. Хlетахь цунна дуюьхьара дагатесиара, хlара меттиг ю-кха Дала шен кхоллараллин ойланаш кхочуш ян кхоллина, аьлла.

Балха хlоьгтина редакци еа чобнах лаьтгара. Коьрта редактор Зармаев Саl дулла кхузткьа шаре ваьлла стаг вара. Цуьнан куьзганаш, хlунда делакь а, даима меран буюьхьехь хуьлура, сихбинна тlехула дlасаидош сийна бlаьргаш а болуш. Тхуна массарна казахетара кьона бухгалтер Зарема. lаьржачу аматахь елахь а, товш яра иза. Цуьнан хазалла кхуллург цуьнан догдика амал хетара. Фотокор Рамзан вара дика стаг. Гуттар а цуьнга кьа-бала елхайойтург доьзалхо цахилар дара.

Корреспонденташ – Гилани, Мадда, Удди - цхьана lаш бара. лаьцначу квартирехь. Хlорш lачуьра дlахьаьжча, кераюккьехь санна гора райцентр. Кхузахь хlора а вовшийн вевзаш вара.

Бахархошна юккьехь ша тайпа дакьа дара райкоман, райисполкоман белхалой. Дукха хан йоцуш охьара зуда яийтинера обкоме ламчу райкоман хьалхара сикиртар. Дукха хьие ца луш и дlаяьккхира. Ламарошна гуттара кьа хетара хьалхарчу сикиртаро шена тlевалийначу артистах. Хlинца ваха хии-кх ша аьллачу хенахь, иза даржах йоьхча, бен боьхна олхазарш санна, дlасакьаьстира хьалхара сикиртар а, илланча а. Ша ламчуьра охьа воьдуш ирсе ца хилар ду шениг, шен бала балхийнера илланчас культуран белхалочуьнга Куьйрига. Хlан-хlа, аьллера Куьйрас накьосте, и мареш массарна нислуш дац, доттагl. Важа-м, кхин вист ца хуьлуш дlавахнера. Суьйранна партийни элитех эладитта дуьйцуш самукьа долура Маддин. Цунна шел лекханиг, хьийкьинарг, кьаьстина дика языййриг ца везара. Уддина ша хlора языйна хlума кlорггера хетара, шен похlманах, шен зудчухчул а чlогlа тешна вара иза. Цхьана дийнахь летучкехь коьргачу редакторо, хlокхо языйнчу «Боккхачу доьзалан нана» заметкехь, и «Бераш дас дина я нанас?» – шега аьлча, сихвелла, шиммо дина, аьллера цо. Хlетахь дуьйна хьийзавора Удди массара. Бакьду, шена халахетакь а, дагара-м ца хоуьйтура цо. Иштта дара ламчохь дахар.

Гилани lедал дара хlора lуьйранна ша балха вахале уьйтlара дlахьаьжча ломах летта гучу бlовне хьожуш. Бlешераш хьалха еа гlаттах лаьттинчу бlовх хаьрцина ах гергга бен ца йиснера. Балхара цlа веача, самукьадолура цуьнан оцу бlовга хьожуш. «Цхьана наха кьахьегна-кх и еш, муьлш хилла-те, Ворхl йишин бlов хlунда олу-те цунах?» – тlаьхьа ца кхуьу ойланаш йора. Дагалецамаша,

ойланаша длавуьгий, и вехха лара цуьнга хьобжуш. Блаьвнна гонаха, буобераш санна, локкура цхьана заманахь дайша генара гулдина тлулгаш.

– Беза. бовза хьайн мохк. Зуьйш вуй хьо и? – белш тле куьг дуьллуш улло охьалахвелира Мадда.

– Вайн истории ю-кха хлара, – блаьвнхьа куьг хьажийра Гиланис.

– Дера ю, цхьана заманахь дайша тлаьхье ирсе, маьрша яхийта дитина весет санна лаьтгаш. Бакьду, – соцунгла хилира Мадда, – тлаьхьенаша махо, малхо лобкхуш шайн хлолламаш длатесна буьтур бу аьлла, дага деана-м хир дац царна, дуй?

– Тедало дола дан дезаш ма ду историн хлоллабийн. Кхечу мехкашкахь хьовса туристаш а обьхуш, ларьеш лаьтгаш ма ю иштта хазнаш. Хлорш вайн пирамидаш, Пизанан, Эйфелан блаьвнаш ма ю. Нохчийчох аьлча, блаьвнаш дагайоьгу, кьоман дозалла ма ду хлорш, кхетий хьо?

– Иштта-м ду иза, – тлетайра, ладоьглуш йийна, Мадда. – Олуш ма-хиллара, кьонахий бахьана долуш лаьтгаш ду дуьне, кьонаха эвляьгал веза лаа лаьрра ма-вац бусулба динехь. Хлара блаьвнаш шен заманахь тедало йина ма яц. Цийнан наха валарний-висарний юкьахь йина, шайн тлаьхьенийн дуьхьа. Вай ца дашахь а, Европехь кьонахаша идея бахьан долуш шашь цларгахь багабайтина, ирх охкийтина. Бахьанаш мела а карор ду, гуьллакх даро бен кхачор дац. Цундела, сан предложени ю, Ворхл йишин блов, вай ваьш белхий а беш, метта хлотто еза, хабарех хьолтам хир бац, аьлла-кх суьйлично, – олуш, дерзийра Гиланис шен кьамел.

Гондла тийналла хлоьттира. Хлетгахь тевеана Удди пелгашца бецан хелиг а хьийзош лара.

– Делахь, догах лиьча, дан-м лур дара иза, – йийна, тлетайра Мадда.

– Тлаккха, Даламукьлахь, нигат, члагло а ю-кх вайн и гуш йолу блов тоян, – хлоьттина тийналла йохийра Гиланис, – барт хилин вайн?

– Даламукьлахь, Даламукьлахь, – тлетайра ши накьост.

Хлетгахь накьостий бехха йийра баьцарчу бацалахь аглор а бевлла, хлораммо шайн-шайн ойланаш а еш. Хезаш юхехула охьадоьдучу Органан а, олхазарийн а тамехь эшарш а яра.

– Даламукьлахь, Нохчийчохь дуьхьара цхьа блов тойийр ю вай, – олуш, Гилани хьалаглаьттира, – хлора клиранде оцу беркатечу балхана длаьтур ду вай, барт хиллий вай? – накьосташкахьа воьрзуш сецира иза цлехьхана, накьостий зуьйш.

– Даламукьлахь, – цхьанаэшшара жоп делира шина накьоста.

Клиранде текхаьчча, Маддас ша цаторруш цлахь хила везаш ву элира. Уддина, и ца веача, ван ца лиира. Шозлагчу клирандийнахь Удди тезета ваха везаш хилира. Цхьацца бахьанаш хлуьттуш бутт белира бина барт цхьаммо а ца хьахош. Гиланис хлора шоьга дийнахь:

– Вай хлун до, доьлхий вай? – дагадоуьйтура.

– Даламукьлахь, гуьр ду вай, – жоп лора тлеххий, хьалхий шина накьосто.

Цхьана гуьйранна, даима санна, балха вахале блаьвне блаьрг тоха беша ваьлча, ламаца дур декош шурула клайн трактор гира цунна. Гонаха хьийзаш адамаш, кхин цхьацца техника а яра.

– Мадда, – кхайкхира и накьосте, – и долораниш хлун деш бу-те, нефть лобхуш-м хирг хира бац уьш, кхуза лаьмнашкахь?

– Оьй, цигахь некь ма бац техника лела, лаа-м бац хьуна уьш. Балхахь хуур дара иза-м, длагло вай? – Мадда кетлахь волавелира.

Даима санна, массарал хьалха балха а веана, мера буьхьхе куьзганиш а озьна, цхьаь яз деш вара коьрта редактор Зармаев Садулла. Уддис могаш-парглат хаттале хьалха юкьа а иккхина:

– Ва Садулла, и хлун техника ю эцца вайн Ворхл йишин бловна улло гулийнарг? – хаьттира.

– Уьш, шуна Дала дика дарш, Москвара бахкийтина специалисташ бу-кх, вайн ламчу некь баккха.

– Некь болуш бац вайн, лам тлехь хлунда бокху цара и? – юкьа иккхира Удди.

– Дала хьуна диканиг хьехарг, яьлла цле санна сиха вай хьо-м. Горбачевс

перестройка йолийчахъана вай долчоьхь белхан меттигаш клезга хиларна Гуьмсеьхь биохимзавод юьллун ю, Хьалха-Мартантлехь швейни фабрика, Шелахь аккумуляторни завод, вай долчоьхь Органтлехь пхий гидроэлектрстанци, кхийтин шу? – Садулла шен балха тлевирзира, юа цлехъана хъала а таьлна: – Вай нефтах тешна Гийна девр ма дац, керла предприятиеш ян еза. «Коммунизм – это вся власть – Советам, земля – крестьянам, заводы, фабрики – рабочим, плюс электрофикация всей страны», аьлла Ленинан дешнаш дагадоглий шуна?

Даима санна, мерачухула «хлухл» – аьлла мох тоьхна, кехаташна тевуьйлира иза.

– Кхин цхьаь ду, Удди, – элира цо хъала а таьлна, – тахханехь тле аглой интервью эца церан куьйгалхочуьнгара. Глалахь, Гуьмсеьхь и заводаш яхь, Нохчийчоьхь зкологица кьематан де хир ду бохуш, и заводаш ца яйта араьяьлла тоба ю боху, хьалхаваьлла клайн корта болу Бисултанов Хож-Бауди бохуш цхьа «ягайт» а ву боху, гласностах пайда оьцуш, митинге нах кхойкхуш лелаш. Вариьлаш, уьш цхьана ницкьо ахца делла араьяьхна жоьлгаш ю шуна. Эзарнашкахь Казахстане, Россех доьзалшца балха оьхучу вайн кьомана доккха хлума ду шуна и заводаш вай долчоьхь яхкар, – Садуллас юа а мерчухула мох туьйхира. – Делахь а, и хьехор дац вай, вайн нохчий бу бохуш лелаш бу-кх уьш. Москохара баьхкинчу говзанчаша дийриг нохчийн кьоманна доккха хлума дуй хоуьйтуш, чулацаме хила еза материал. Кхетий хьо?

– Члогла кхета!

Клентий цхьани арабевлира кабинет чуьра.

Оцу дийнахь Мадда, Гилани балхара цлавоглуш, царна автобусни социьлехь ги рюкзакаш йоьхкина ши стаг вайра. Тлехьаьжна гуш дара и шиь нохчо ца хилар.

Маддас тлехилла:

Какими судьбами, ребята? – хаттар дира.

– Из Грузия ходили, – жоп делира шиннах зобрталчо.

– Кто вы, откуда? – тлевирзира Мадда.

– Из ФРГ, Германия, турист.

– Да, но как там, высоко в горах?

– Э-э, сказка, сказка, очен красиво, вы счастливи люди, – кьежира немцо.

– Может, вам помочь?

– Найн, нет, ми сегодня должен бить в Грозни, завтра на хаус, – тховна сурт хлоттош, ши куьг лецира ондачу немчочо.

– Ну, давайте, счастливо доехать до хауса, – немчочун белш тле дай куьг тоьхна, ши накьост цлехьа вирзира.

Шозлаглчу дийнахь Уддин «Да будет свет!» цле а йолуш гласкийн маттахь статья араелира районни газета тлехь, ламанца некь буьллуш болчу белхалойх лаьцна. Аглонтлехь японийн «Камацу» шурула клайн, нана-йоккхачу тракторан сурт дара тоьхна. Оцу буса Маддас:

– Клентий, сан цхьа предложени ю, – элира, клегар а хууш, «Ленинан тлаьхье» газета хъала а ойьуш: – Вайн Нана-Нохчийчоьхь цхьаь мукьане нохчийн маттахь дика районни газет дан деза вай, вай бокьал а нохчий делахь. Эхь ма ду и оцула шен мотт цаларар. Вайн луларчу суьйлаша тассовски материалаш а гоч йо, хлираша, глебартоша ах хъала-охьа шайн ненан маттахь хуьлуьйту материалаш, вайн цаьрца яхь хила ма-езара, диэ вай цхьаь мукьане нохчийн газет?!

– Тхуна ишколехь нохчийн мотт ца ламийна, соьга язлур яц нохчийн маттахь, – вист хилира Удди.

– Хьажахьа, цхьана французо Египтехь хилла пирлунаша кхо эзар шо хьалха язийна пергаменташ ешна, и мотт белла болушехь. Латински маттахь, и дуьненчохь буьйцуш боццухехь, Гилманан белхаш язбина дуккха а Гилманчаша, цхьана поляко кхоьллина эсперанто мотт хууш ду адамиш. Хьайн чохь, араьхь буьйцуш болчу маттахь язлур яц бохург кьамел дац!

– Мадда, аса хьобьга гласкийн маттахь язье ца бах, французийн маттахь язье ца бах, со лад а витий, хьайна луьучу маттахь язьехьа, – аьлла Удди маьнги тле аглор велира.

– Хьо санначара х1аллак деш ма ду къам, истори, культура, институтехь х1инцалера нохчийн мотт, фольклор луш волу ши профессор волчу дахча церан берашна нохчийн мотт ца хаар-кха. Х1ора мотт Делан беркат ду, Дала динчу диканна пусар ца дийриг стаг, я бусулба вац! – аьлла, Маддас шен карара книга г1ор ма-дду стол т1е туйхира.

– Хьайна г1азкхийн матгахь язйан хаахьара, ахьа язйийра яра цу матгахь, кочара валахьа!

– 1алелай, шу х1умнаш муха кхуьу-те? Ма нах а яц шу!

– Хьо х1ун ала г1ерташ ву? – хьалаиккхира Удди. – Сан стогалла зиэ г1ерта хьо?

Эцца хьалаиккхинчу Гиланис д1асаваякхира ши накьост, бехк баьккхина, халла куьйге вахийтира.

Ши к1ира даьлча Маддин «Сильнее камня», Гиланин «Одержимость» ц1ераш йолу ши статья араелира г1азкхийн матгахь.

– Удди, схьавоьл цкъа! – кхайкхира Мадда. – Хьажал х1окху балхе, х1орш цхьана шина шарахьлера подшивкаш ю хьуна вайн газетан. Кхарна юкьехь охашимма санна васт кхуллуш, идея, чулацам болуш, хьайн цхьаь статья гайтал! Ахьа гойгура яц, х1унда аьлча, хьан и йоцу дела, кхийтин хьо?! Яз-м, хьаха, язлора тхьогга, вуьшта, тхо бакьдолу нохчий ду, я и нохчалалла сов елла тхуна. Д1авало! Хьо кхеттий хаь суна. Х1ора стаг волчу стагана ша мила ву хаь дезара, я хайтай дезара, да валарг, т1аккха к1иллох кьонахий хир бацара, адамнаш юкьехь сий-ларам хир бара. Яхь йоцучу стагах-м летга вала везарий! Вайна юкьахь х1ун башхалла ю хьуна аьлча, – мерк1ел вахара Мадда Уддина, – тхуна тхайн дай, б1аьвнаш, мотт, г1иллакхаш деза. Хьо системан лай ву! Дьохнарг шу саннарш Нохчийчохь дукха дебар ду, гулделла-кх шу чоконна гонаха мозий санна. И ду новкьадерг. Аша цхьа карчам ма хилли, хьалха а лелхий, Делан, пайхамарийн, устазийн ц1ерш йохуш, шайн гайнаш хьалха а йохий, даима а къам 1инах кхуссу. Д1авало!

Мадда юха вирзина ара велира, Удди дуьхьала вист а ца хилира.

Оцу буса накьостий вовшашка бист хуьлуш бацара. Мадда цхьаь язйан г1ертара, шина куьйга корта лаьцна. Муьлха х1ума дан а ницкъ беза-кх, цхьа дистина дог1уча кино, дайний хьуна Гилани, шена дуьхьала мел долу х1ума охьа хьох? Эххар а йочана сецча седанах хьаьий серладолу-кх и хи аьлла, «аьх1» дина, д1авижара иза. Удди, вехха книга йоьшуш а 1ийна, аг1орвелира. Гиланис хьала а г1аьттина чиркх д1абайира.

Чохь тийналла х1оьттира. Ца хазарна кхоьруш санна Органо йо г1овг1а бен, хезаш х1умма а дацара. Наггахь накьосташа ха хорцуш «къаззат» дойтура аьчган маьнгин сеткане. Гиланина наб кхета ца тигара. Г1еххьа корах ара хьоьжуш а 1ийна, иза ара велира. Вехха беттасинехь лепачу б1аьвне хьежа х1оьттира. Бодашкахь цунна ша и б1ов санна цхьалха хийтира. Мохь тоха дага деара: «Шек д1а ма яьллахь, дайн ч1аг1о, аса меттах1оттора бу хьуна хьан хаьрцина бохь! Хьан кура бохь хьоьжура бу хьуна нохчийн лаьмнашка. Б1ешерашкахь лаьмнийн синтеман закьалт санна хьо гинарг хьох хьоьгуш, воккхавеш зама йог1ур ю хьуна! Хьо лаьттар ю х1окху лаьмнийн паччахь, 1у хилла, хьох б1аьрг кхеттарг хьох хьоьгуш. Шен махкахь да ца хилларг, кхечу махкахочунна чух1отта г1ур ву, и дуьненан г1иллакх ду. Дала деллачун пусар ца дечех яйна т1аьхье олу, борз цхьаь бен ца хуьлу, амма цо дийна рема д1аюьгу. Аса йийр ю хьох лаьмнийн г1опехь ловзу байракх, Даламуькляхь! Далла а, халкъана а гергахь хьан оьзда дег1 нисдина аса юьтур ю дуьненчохь лар. Теша сох, теша! Со хьуна хьалха юьхь1аьржа ву хьан не1саг1е сих-сиха ца х1иттарна. Х1ора Делан денна цхьацца-шишша т1улг т1ек1ел буьллуш, хьуна орцах ца вийларна. Дайн изсан дуьхьа со вер ву хьуна орцах! 1одика йойла хьан, бохь лекха нохчийн б1ов!»

Гилани мелчу моханна мор баржийна д1ах1оьттира. Органан шабарца б1ов шега цхьаь дуьйцуш, кхойкхуш санна хетара. Цуьнан б1аьргех лаамаза хи делира. «Цхьаьллига цхьанна а бала ца хилча, суна стенна оьшу х1ара?» – дагатесира. «Массо а биздоцуш хилча, дуьненчохь кьонахий хир а бацара! 1ад1е, шайт1а, со кьарлур вац хьогга! – мохь туйхира цо, Органан боьра а бекош.

Кепекан дуьхьа х1умма дийра дацара олу, д1а ладоьг1ча, массо а и кепек якха г1ерташ, са мере кхаьчна, ведда лелаш ву. И кепек йоцург дош а ца хета. Дуьне ду-кх, дуьне, харц дуьне. Далла дика хуур ду-кх. Ц1еххьана юха а вирзина чувахара Гилани. Эххар а, шина накьостаца яхье ваьлча санна, хур деш наб кхийтира цунна.

Туьйранна массарал хьалха самавелира Гилани. Даим санна, уьйт1а ваьлла, кийра буззош чу х1аваь а оьзна, б1ов йолчу аг1ор дуьйг1ира б1аьрса. Х1ора 1уьйранна ша хьобжуш, ша ларвеш санна хетара б1оьвно. 1уьйккьана схьакхетгачу маьлхан з1аьнаршна ца кьарлуш мархаш яра ломах хьерчаш. Лерина кура лаьтгачу б1овга хьажа г1оьртича, цхьа к1айн б1арлаг1а бен гуш х1ума а дацара. Ши б1аьрг хьакхийна, беш чекхийолучу аг1ор хьаьжча, б1ов лаьттинчохь, малхехь «лап» аьлла, кьегина лепаш японийн трактор яра. Гилани мел б1аьрса ирдина хьежарх, б1ов гуш яцара. И цкьа а цигахь ца лаьттича санна, т1епаза яйнера. Эххара, и к1айдарг метгах хьайра, т1ехула лаьржа к1ур а тосуш, цхьа мор т1улгаш 1ин чу а харцош.

– Остопируллах1, остопируллах1! Во Мадда, во Удди! – шегара 1а ма-йоллу, мохь туьйхира накьосташка.

– Ахьа х1ун до, гай яьт1ча санна, мохь хьобкхуш? – реза боцуш, хьалха Мадда волуш, араикхира ши накьост.

Макхвелла, б1ов йолчахьа куьг хьажийна, 1адийна Гилани вайча:

– Ой, ой, б1ов, остопируллах1! – Йоха ца йина цара и?! – олуш, лаьтгах ши куьг г1ортош ша волчу охьахира Мадда.

– Б1ов йохо бакьо ма-яцара церан некь бахьанехь, историн х1оллам ма бара иза, законехь зулам ма-ду иза, – элира шен рог1ехь Уддис. Маддин шалго топ санна т1ебоглабелла ши б1аьрг байча кхин вист ца хилира иза.

Гилани накьосташка ца хьобжуш балха вара. Х1ара чохьхьа ваьлча, Са1дулла даим санна централни газеташ доьшуш вара.

– Хьуьхьвоьлла ма ву хьо, накьосташа экхийна-м ца валийна хьо? – куьзганаш т1ехула сийна ши б1аьрг кьарзийра коьртгачу редакторо.

– Са1дулла, х1окху т1е куьг т1адахьа, – хьалха д1ахьедар охьадиллира Гиланис.

– Сихвеллий-те хьо? – лерина деша дешна, Гиланига хьаьжира иза.

– Сан ондда бахьана ду, тахханехь д1а ца вахча ца волу со.

– Гилани, деллахь...

– Аса боккьал а боху, цаторруш хьал х1оьттина суна. Ахьа куьг яздахь а, ца яздахь а, д1а ца вахча цаволу со, – юкьах ваьккхира и Гиланис.

– Ой, х1ун дийр ду хьуна, дика д1аволавелла ма-вара хьо, цхьа бахьана хирг хир ду-кх хьан, – д1ахьедарна т1е куьг яздина, лерина Гиланига хьаьжира Са1дулла.

– Дела реза хуьлда, 1одика йойла, Дала диканехь вовших деттийла вай, – аьлла, Гилани аравелира.

Лам чурьа Соьлжа-Г1ала кхаччалц г1ентан г1овли т1ера корта хьала ца айбира цо, шофоро белш т1е куьг тоьхна: «Накьост, вай схьакхаьчна», – аьлла, ша метгах ваккхалц.

Автостанцин майданехь шортта адам дара, цхьаберш ларчанаш йовдийна хьийзара, жима зуда оцу г1овганехь бер тедаг г1ертара, цхьаь: «Хьажахь, т1аьхьа висна-кх со автобусна», – бохуш, холча х1оьттина вара.

«Д1айоьду автобус Бердк1ел», – кхайкхийра диспетчеро.

Дехьо ваьлча, майда 1адийна звукозапись чохь хелхаран йиш екара. Цхьа г1еметта х1оьттина стаг ша шена хелха сетгара, дикка кеп йолуш. Т1ехволчарех цхьаццаволчо: «Вой, гора меттиг я1-кх, ма д1акхоьхьу вай!» – олий, мохь тухура. Цунах ч1ог1а самукьадаьлла еха муштукх буьххьехь сигаьрка а йолуш, ян а йоцу ши церг гажийна воккхастаг 1ара, самукьадаьлла, г1ад а вахана, наггахь холхазан куй а нисбеш.

Гилани г1аш г1алин юкье д1аволавелира. Х1етахь цунна ша стенга воьду а ца хаьара.

Фатима Джабраилова**Я пришла**

Я пришла, чтобы вновь проститься,
Превратив твою жизнь в цветы,
Я пришла, но опять ложится
Белый снег на моем пути.

Я пришла – не спешу влюбиться,
Пусть пройдут холода, дожди.
В небо синее смелой птицей
Полечу, только ты дождись.

Я пришла, чтобы быть с тобою,
Без тебя мои дни – пусты.
Стану солнцем твоим, луною,
Только дай мне прощусь, уйти.

Я пришла, чтобы вновь проститься,
Превратив твою жизнь в цветы,
Я пришла, но опять ложится
Белый снег на моем пути...

Зачем мне?

Зачем мне пустые слова,
Глаза нелюбимые, злые,
Ведь я не сходила с ума
От счастья ни разу. Отныне

Я радуюсь солнцу, луне...
Вот звезды в ночи хороводят...
Пусть с ними сверкать и не мне –
Пусть лучшие годы проходят.

Но жизнь для чего-то дана,
И надо мне ею гордиться.
Нет, я никому не должна,
За то, что посмела влюбиться.

За то, что всегда одинока?
И в сердце тоска и печаль?
Что в мире большом и жестоком,
Не стала холодной, как сталь?

Зачем мне пустые слова,
Глаза нелюбимые, злые,
Ведь я не сходила с ума,
Ни разу от счастья. Отныне

Мне хочется верить в себя.
И в то, чем сегодня болею,
Поверьте, несчастлива я,
Поверьте, о многом жалею...

Уйду

В море лет своих уйду я,
Поднимусь я к облакам,
Ветер, солнце чередуя,
По полям пойду, лугам.

В даль далекую мне надо,
Счастье, чтоб найти свое,
Холод, вьюга – не преграда,
Быть должна с тобой вдвоем.

Знаю, ждешь меня ты где-то,
Веришь так же, как и я,
Что вернемся в наше лето,
Друг без друга нам нельзя.

...В море лет своих уйду я,
Поднимусь я к облакам,
Ветер, солнце чередуя,
По полям пойду, лугам.

Верила

Вновь пройду по осени любимой,
Легкими шагами по листве...
Как же я мечтала стать счастливой,
Верила, что счастье – на земле.

Верила, что все придет когда-то,
 Что любовь заглянет в жизнь мою.
 Ничего мне более не надо,
 Все стихи о правде раздаю:

Пусть они приносят людям радость,
 Хоть в них мало света, признаю.
 Признаю, слагая, не смеялась –
 Разве не о ней сама пою?

Вновь пройду по осени любимой,
 Легкими шагами по листве,
 Как же я мечтала стать счастливой,
 Верила, что счастье – на земле.

О, сон...

Мне снился сон:
 весна вдруг наступила,
 Дышалось так легко в твоём саду,
 Я верила в тебя, тебя любила –
 На счастье, а быть может, на беду...

Был светел день,
 а ночь так долгожданна,
 Единственной, любимой называл,
 Все было незнакомо, странно,
 А страсть...казалось, вечность ждал.

О сон, хочу ли я проснуться?
 Хочу ли я в толпу уйти опять?
 Нет, страшно мне, боюсь вернуться,
 В мир суеты, где некому понять.

Мне снился сон...
 весна вдруг наступила,
 Дышалось так легко в твоём саду,
 Я верила в тебя, тебя любила,
 На счастье, а быть может на беду...

Не поверишь

Мои сны, мои мысли, стихи о тебе...
 Почему так случилось, не знаю.
 Ничего я не знаю, но верю судьбе –
 Лишь она меня любит, прощает.

Все проходит, и зиму сменяет весна,
 А сердце, как лед, и не тает.
 Только ты, только ты
 понимаешь меня,
 И тебя я судьбой называю.

Моя грусть, мои слезы – все это ты,
 Дни разлуки теперь я считаю,
 Испарились другие желанья, мечты,
 Не поверишь... но я умираю.

Прощай

Мне больно, но скажу «прощай» –
 Так хочется быть сильной мне порою.
 Уходит в плач моя душа,
 Уходит от тебя с любовью.

О Боже, как же я слаба,
 Согласна, жить и жить тобою,
 Сегодня я глупа, слепа,
 Хочу ли стать другою?

Наверное, схожу с ума,
 Но, кто поможет горю?
 Никто не в силах, лишь сама
 В мечту пути закрою...

Мне больно, но скажу «прощай» –
 Так хочется быть сильной мне порою.
 Уходит в плач моя душа,
 Уходит от тебя, с любовью...

Вахит Акаев

Национальная идентичность россиян: движение от особенного к общему

Ведение

Процесс формирования российской идентичности, национальной идентичности граждан Российской Федерации – ключевая задача консолидации многонационального российского народа. Эта важнейшая политическая задача, нацеленная на единение полиэтнического, поликонфессионального общества, имеющего длительную историю становления, развития и взаимодействия его составляющих сторон. Российская национальная идентичность – это более высокий уровень идентичности. По формальным признакам она шире, чем этническая идентичность и имеет преимущественно выраженную политическую и культурную нагрузку, которую следует использовать для консолидации многонационального российского народа.

Но сам этот процесс далеко неоднозначен, требующий серьезных научных разработок и практических действий. Необходима разработанная концепция понимания общероссийской идентичности, которая должна опираться на локальные (местные), этнические, региональные, этноконфессиональные, не противоречащие формированию более высокого уровня – гражданской идентичности россиян. Более того, необходимо разработать конкретный механизм ее формирования, а здесь важно использовать практический опыт, накопленный в регионах и в целом страны.

1. Этническое многообразие россиян

Бытует несколько подходов в теоретическом осмыслении национальной идентичности россиян, предлагаются и соответствующие меры практической реализации. Одни исследователи полагают, что достижение национальной идентичности в России возможно посредством преодоления многообразия различных идентичностей, бытующих в стране, придавая им общий смысл, сопряженный с политической, экономической и культурной интеграцией российских народов. Иные высказывают мысль о том, что нужно игнорировать этнокультурное многообразие российских народов, их историческое прошлое и формировать национальную идентичность по американской модели. Этот подход предполагает формировать идентичность путем навязывания сверху на основе артикулированных общечеловеческих ценностей в их либерально-демократической интерпретации и исполнении.

Но Россия – это реальная множественность: этническое, религиозное и лингвистическое многообразие, в котором каждый этнос имеет свою историю и настоящее. При изучении этого многообразия предполагается классификация, систематизация, иерархизация идентичностей. Но стержневой формой многообразия идентичностей в России является этническая идентичность с ее важнейшими элементами: языком, религией, моральными ценностями, диалектами, фольклором, территориальными привязанностями, родо-племенными константами, набором этнических символов и пр. Все это в своей совокупности определяют самосознание того или иного этноса, специфику этнической идентичности.

И все это характерно народам России, объединенным в едином государстве на основе общеконституционных норм, способствующих формированию общей национальной идентичности всех народов страны. Формирование национальной идентичности предполагает выделение общих аспектов для всех

форм этнических идентичностей, скрепляющих этносы, культуры, религии, языки. А затем и освоение этих аспектов. Россия – это исторически сложившееся государство, оно не создано искусственно из числа европейских иммигрантов, как, например, США. Она имеет совершенно иной культурно-исторический тип. Она – государство-цивилизация, вобравшая в себя и объединившая различные этносы и конфессии в рамках российского социокультурного, политического пространства.

Исторически сформировались разные концепции осмысления пути развития России, а также понимания ее будущего. Классическими концептами, осмысливающими бытие народов России в общественной мысли страны, являются западничество, славянофильство и евразийство, в них сочетаются элементы консерватизма, неоконсерватизма, коммунитаризма, демократизма. В них находят отражение различные варианты национальной идеи русских, российская самоидентификация, национальная идентичность.

Для современной России, объединившей на огромном пространстве, различные народы, культуры и конфессии адекватной моделью ее развития, с нашей точки зрения, является концепция евразийства. Ее сторонниками являются многие интеллектуалы восточных стран, представители христианства, ислама, буддизма, ламаизма. Евразийская сущность России достаточно подробно обоснована такими отечественными мыслителями, как Ф.Н. Достоевский, Н.С. Трубецкой, П. Савицкий, Л.Н. Гумилев, Р.Г. Абдулатипов, А.Г. Дугини др.

Сегодня особо подчеркивается роль России в евразийской интеграции, создания Евразийского Союза. Это не раз отмечали Н. Назарбаев, А. Лукашенко. А президент государства Казахстан Н. Назарбеу считается автором проекта экономической интеграции этого государства, России и других государств СНГ в рамках евразийского пространства, создания общей валюты и прочного политического союза.

В.В. Путин пишет о необходимости выйти на более высокий уровень интеграции стран СНГ – к Евразийскому союзу. Речь идет о модели мощного наднационального объединения как одного из полюсов современного мира, играющего роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом. По его мнению, «на базе Таможенного союза и ЕЭП необходимо перейти к более тесной координации экономической и валютной политики, создать полноценный экономический союз»¹.

Конечно же, такая интеграционная политика – закладывает основы для формирования более широкой формы идентичности – евразийской. И ее формирование – задача практическая, но как было выше отмечено, теоретическая база для нее заложена евразийцами прошлого и настоящего. А современные интеграционные процессы покажут насколько она окажется адекватной.

2. Иерархия идентичностей

Еще в античности цивилизованные греки каждого, кто говорил на греческом языке, считали эллином, а кто не говорил на нем и придерживался иных обычаев, считали варваром. Сегодня цивилизованный западный мир такой жесткой позиции не придерживается. Но знание европейских языков, особенно английского все-таки – это признак цивилизованности, ориентированности на современность, включенность в открытое западное общество. Вместе с тем, во многих европейских странах в силу развития ситуации мультикультурализма созданы прекрасные условия для иммигрантов («варваров») в плане изучения языка страны пребывания при одновременном изучении родных языков. В таких городах Норвегии, как Осло, Ставангер, Саднес, Калсберг, где приходилось бывать автору этих строк, дети чеченских иммигрантов в норвежских школах изучают родной язык. Для этого школы нанимают учителей чеченской национальности, оказавшихся в иммиграции.

Между тем для России, превратившейся в крупную страну мигрантов и

иммигрантов, этот опыт был бы полезен, его следовало бы тщательно изучить и применить. Изучение русского языка и литературы, истории и культуры, основ российского государства и права жизненно важно для иммигрантов, ибо данный процесс при его основательном осуществлении способствует интеграции иноэтнического, инокультурного элемента в социокультурное пространство страны. В стране на это должно быть уделено большее внимание, ибо иммиграционный поток в Россию не будут уменьшаться. И это показывают современные политические процессы, протекающие на Украине, меняющиеся вокруг страны геополитические контуры, формирование новой украинской ментальности и идентичности.

Необходимость изучения русского языка, отечественной истории и культуры сегодня масштабно возросла, что требует и осуществления соответствующих практических мер. Здесь требуется основательная работа от улучшения качества преподавания русского языка, истории и культуры во всех школах страны до разработки оригинальных, новых учебников для школьников, методических пособий для учителей с соответствующим информационным обеспечением.

Вместе с тем вызывает удивление тот факт, что Минобрнауки России сокращает преподавание родных языков в некоторых субъектах страны – республиках. Такая языковая политика ошибочна, она непременно повлечет за собой негативные последствия вплоть до этнических возмущений, недовольств.

Так, в Чеченской Республике, например, все меньше выделяются часы на изучение чеченского языка. В образовательных стандартах школ ликвидированы часы для изучения истории края, республики, постепенно устранен так называемый региональный компонент. Если это - эксперимент, то он откровенно неудачный.

Образование федеральных округов и отнесение к ним различных областей, краев, республик страны приводит к формированию в общественном сознании людей региональной формы идентичности. Можно выстраивать такую иерархию идентичностей: локальную (местную), региональную и общероссийскую. Можно предложить и такую связку: национальную, субнациональную и наднациональную формы идентичностей. При этом следует учитывать и то, что в формировании различных типов идентичностей, самосознания человека, группы людей, этноса важная роль принадлежит религии. Этническая идентичность – это совокупность различных уровней идентичностей и эти уровни должны поглощаться общероссийской идентичностью как осознание принадлежности граждан к общему государству, развитым патриотизмом.

3. Формирование российской идентичности

Формирование российской идентичности предполагает наличие и осознание этнической, групповой, региональной форм идентичностей. Сам этот процесс многоуровневый и на базе этих форм, реального их закрепления, как нам представляется, следует ее формировать. Механизм формирования общероссийской идентичности предполагает движение от локальных, этнических, региональных форм идентичностей до осмысления и закрепления общероссийских ценностей, формирующих национальную идентичность страны.

Российская идентичность – это те скрепы, которые удерживают народы, нации страны в общей орбите, определяющие государственную, геополитическую идентификацию, разрушение которой непременно влечет за собой государственный распад и образование ряда мелких государств, имеющих разные векторы политического развития. Российская идентичность сопряжена с отстаиванием государственной целостности, формированием национальной идеи, как главенствующей среди прочих форм идентичностей.

И для США проблема формирование американской национальной идентичности сегодня приобретает очень серьезное значение. Об этом

подробно пишет известный американский политолог С. Хантингтон в своей книге «Кто мы?». Он заявляет о падении осознания американцами собственной идентичности и существовании угрозы замены ее субнациональными, двунациональными и транснациональными формами идентичностей². В своей книге он доказывает тезис о том, что США постепенно превращается в испаноговорящую страну³.

Учет этнического компонента при формировании российской идентичности обязателен, без чего она лишается своей опоры, корней, истории. Американский вариант формирования идентичности, сконструированной на основе «плавильного котла ассимиляции» для России неприемлем. Ибо Россия совершенное иное этнотерриториальное, политическое, культурное, поликонфессиональное образование. Важная роль в формировании российской идентичности должна сыграть религия, в частности, православие, ислам, ламаизм и т.д.

На примере США С. Хантингтон выделил четыре основных элемента американской идентичности – этнический, расовый, культурный и политический – и показал их меняющуюся значимость⁴. По его мнению, «именно англо-протестантская культура переселенцев оказала наибольшее влияние на формирование американской культуры, американского пути и американской идентичности»⁵.

Бытуют ли среди россиян такие формы идентичностей? Думаю, что да, но не так выражено, как это имеет место в американском обществе. Их проникновение, осознание – результат воздействия на россиян демократической культуры, либеральной идеологии. Но эти ценности не пустили глубоких корней в России, хотя охватили примерно 10 % населения. Прежде всего, к ним относятся носители идей Болотной площади и всех других, кто с ними солидарен.

Успех в формировании российской национальной идентичности во многом зависит от основательной теоретической и практической деятельности. Для этого необходимо выявить такие ценности, освоение которых способствовало бы единению многонационального российского народа. В свое время, находясь в иммиграции, на это обращал внимание русский философ И. Ильин. Он утверждает, что русский народ «создал правопорядок для ста шестидесяти различных племен – различных и разновременных меньшинств, столетиями проявляя благодушную гибкость и миролюбивую уживчивость...»⁶ Для него идея родины и чувство патриотизма неизбежны для исторического развития народов, они имеют государственное значение и культурную продуктивность, кроме того они сакральны, то есть священны⁷. Еще одна глубокая мысль И. Ильина: «Тот, кто говорит о родине, разумеет духовное единство своего народа»⁸. Идея родины, любовь к ней, патриотизм относятся к ядровым компонентам национальной идентичности русских, а также любого народа.

Каждый народ, находясь в составе общего государства, должен иметь широкие возможности для развития своей культуры. В свое время на это обращал внимание ученый-языковед, основатель теории евразийства Николай Трубецкой. Он пишет: «В своей национальной культуре каждый народ должен ярко выявить всю свою индивидуальность, притом так, чтобы все элементы этой культуры гармонировали друг с другом, будучи окрашены в один общий национальный тон»⁹.

По мнению Н. Трубецкого, одинаковая для всех общечеловеческая культура невозможна. Поясняя свою позицию, он утверждает: «При пестром многообразии национальных характер и психических типов такая «общечеловеческая культура» свелась бы либо к удовлетворению чисто материальных потребностей при полном игнорировании потребностей духовных, либо навязало бы всем народам формы жизни, вытекающие из национального характера какой-нибудь одной этнографической особи»¹⁰. Но такая «общечеловеческая культура», по его мнению, истинного счастья никому не дала бы.

4. Искусственное конструирование этничности - путь ошибочный

Мысли Н. Трубецкого, с нашей точки зрения, оказались в определенной мере пророческими, они предвосхитили невозможность создания космополитической культуры, на основе которой можно построить универсальные общечеловеческие отношения, чего в свое время добивались большевики, сегодня добиваются и представители либерально-демократической теории, признающие возможность конструирования этносов, наций, а в перспективе и космополитического сообщества.

Несмотря на очевидные теоретические и практические провалы либералов их идеи в российской общественной мысли сохраняются и даже продуцируются. Одним из российских авторов, сторонников конструирования этносов, наций по американскому образцу является В.А. Тишков. В своих публикациях он предлагает «забыть нации», объявляет некоторые российские этносы, например, чеченцев ворами и антисемитами, раскрывает механизм сконструирования чеченцев «на основе этнографического мусора»¹¹, предлагает исполнить «реквием по этносам»¹².

В очередной своей книге «Российский народ» В.А. Тишков высказывает не менее сомнительное утверждение, что «Россия существовало как национальное государство со времени поздних Романовых, было таковым в период существования СССР и, без сомнения, является национальным государством в содружестве объединенных наций, принципиально не отличаясь от остальных государств»¹³.

Комментируя это высказывание, нельзя не признать, что все-таки при Романовых Россия не существовала как «национальное государство», его не было и при СССР, представляющим «союз социалистических республик», устанавливающий совершенно иные экономические, политические порядки. Сомнительно и то, что Россия является «национальным государством в содружестве объединенных наций». И как же это высказывание коррелируется с конституционным утверждением: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...»?

Разве Россия как государство не отличается от Франции, Британии, США? До сих пор все известные отечественные историки в один голос заявляли о разительных отличиях российского государства от западных и восточных государств, теперь предлагается утверждение об отсутствии принципиального отличия между ними.

Вряд ли эти этнологические «новшества» приближают к научной истине, приводят к когнитивному позитиву, дают новые знания, работают на этнополитическую стабильность в стране.

В стране, чтобы добиться единения народов, консолидации наций принципиально важно преодолеть идеологические, психологические стереотипы их противопоставляющие. Не иначе как провокацией не назовешь откровенные высказывания в адрес кавказцев некоторых облаченных властью российских мужей. Имеются в виду антикавказская позиция губернатора Краснодарского края А. Ткачева и депутата Госдумы В. Жириновского. Так, в А. Ткачев представляет северокавказцев как неких агрессоров, разрушающих межнациональное единство в крае. И для противодействия им он создал милицию из казаков в одну тысячу человек. Их цель – не допустить северокавказцев в Краснодарский край, а тех, кто пробрался, хотя они и граждане России, – выдвинуть¹⁴.

Многие политики в последние несколько лет почувствовали рост националистических настроений в России и пытаются поднять свой рейтинг, противопоставляя и сталкивая народы. Неподражаемым образцом такой позиции в России является Владимир Жириновский. В 1992 года, когда он посетил Чечню и встретился с Джохаром Дудаевым, находясь в хорошем подпитье, он изрек, что в мире есть трое мужчин: Саддам Хусейн, Джохар

Дудаев и он – Жириновский. Но вернувшись в Москву, стал призывать власть решить «чеченский вопрос» силовыми средствами. Во время военных действий в 1995 году он предлагал решить этот же вопрос нанесением ядерного удара по территории Чечни.

В октябре 2013 года в телепередаче «Поединок» он предлагал Российскому государству обнести колючей проволокой Северный Кавказ и принять закон, ограничивающий рождаемость в кавказских семьях. Жириновский заявлял, что главная проблема для России – это Москва, Северный Кавказ, кавказцы, чеченцы, грабящие Россию. После таких его заявлений в разных городах России совершаются марши, митинги с лозунгами: «Долой кавказцев», «Мигранты – это оккупанты», «Хватит кормить Кавказ», «Кавказцы – враги России», «Россия – не Кавказ», «Россия без чурок, кавказцев и турок» и т.д.

Жириновский возглавляет оппозиционную партию в России, поэтому он волен в своих высказываниях, но эта вольность разжигает межнациональную рознь. Нередко за проявлением такой вольности следует убийства на улицах крупных городов страны кавказцев, азиатов, иностранцев от рук фашиствующих элементов.

Совершенно иная позиция на проблемы межнациональных отношений у В.В. Путина, которая в системной форме отражена в ее статье «Россия: национальный вопрос». Он пишет, что «мы являемся многонациональным обществом, но единым народом», подвергает осуждению национализм, национальную вражду, ненависть к людям иной культуры и иной веры¹⁵. Раскрывая историю становления сложной и противоречивой российской государственности, единения народов, он подчеркивает наличие общих скрепов, ценностей их объединяющих, выделяет русскую культурную доминанту, признает необходимость стратегии государственной национальной политики, основанной на гражданском патриотизме. На основе этого В.В. Путин, заявляет, что «любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности»¹⁶. Быть гражданином России и гордиться этим, признание законов государства и подчинение им национальных и религиозных особенностей, учет этих особенностей российскими законами – основа патриотизма, российской национальной идентичности.

Многонациональность, многообразие, как не раз акцентирует свое внимание В.В. Путин, исторически сложились в России, это ее преимущество и сила. А в чем же проявляется общность, единство этого многообразия? И это глубоко выражено в мыслях И. Ильина, процитированных в статье В.В. Путина: «Не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь, не задушить иноплеменную и инославную жизнь, а дать всем дыхание и великую Родину... всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство»¹⁷.

В этих примечательных словах заложен механизм формирования общероссийской идентичности, а их современное осмысление позволяет сформировать соответствующую концепцию. В стране создано немало условий для формирования общероссийской идентичности, что сопряжено с деятельностью государства по этнокультурному развитию народов страны, при этом каждый народ трудится развивается по-своему, в рамках общей государственной национальной стратегии, преодолевается межэтническая вражда, лучшие представители народов привлекаются в государственное, культурное, образовательное, научное строительство.

Вместе с тем в общероссийской политике формирования национальной идентичности имеются огрехи: далеко не всегда лучшие представители этносов попадают на федеральный уровень, если и попадают, то через коррупционные схемы; наблюдается клановость, семейственность в подборе и расстановке кадров и прочее. Эти негативные социальные явления ослабляют процесс прочного формирования общероссийской гражданской идентичности. Их преодоление, отбор достойных представителей российских этносов для

работы в различных структурах регионального и федерального уровней, развитие гражданского самосознания будут направлены на консолидацию многонационального российского народа и формированию общероссийской национальной идентичности.

Заключение

Проблемы многообразия идентичностей, их сосуществования и взаимодействия, пути перехода этнической идентичности к гражданской форме идентичности предполагают основательную теоретическую проработку, создание практических условий, осуществление пристального мониторинга над межнациональными отношениями, обобщение его результатов. Эта работа, нацеленная на координацию усилий теоретиков и практиков. Для успешной реализации этой важнейшей государственной задачи, как нам представляется, следовало бы создать особое учреждение.

Полагаю, что давно назрело время воссоздания в России Министерства по национальной политике, которое было бы ориентировано на решение круга старых и новых задач, сопряженных с этнополитическими, этнокофессиональными и миграционными проблемами, сегодня выпукло обозначившихся в стране. Нет сомнения в том, что события на Украине и вокруг нее вполне могут негативно воздействовать на межнациональные отношения в России.

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. – 2011. – 3 октября.

² Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. – М.: 2004. – С. 15.

³ Там же. – С. 32.

⁴ Там же. – С. 73.

⁵ Там же. – С. 74.

⁶ Ильин И.А. Почему мы верим в Россию: Сочинения. – М.: Эксмо, 2006. – С. 9.

⁷ Там же. – С. 284.

⁸ Там же. – С. 285.

⁹ Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. – М.: Эксмо, 2007. – С. 170.

¹⁰ Там же.

¹¹ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука, 2001. – С. 193, С. 412-413.

¹² См.: Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003.

¹³ Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. – М.: Наука, 2013. – С. 7.

¹⁴ Акаев В. Странное заявление губернатора // <http://rukavkaz.ru/articles/comments/2461/>

¹⁵ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2013. – 22 января.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Цит.: Там же.

Абдулла Гапаев

Режиссер Батукаев Гарун Махмудович (1914-1990)

Трудно рассказывать о художнике, располагая о нем минимумом информации. Один из таких – Гарун Махмудович Батукаев – патриарх чеченского театрального искусства, первый национальный режиссер. У меня нет полных и достоверных биографических сведений о нем. Даже в дате об окончании им ГИТИС есть разночтения.

После депортации чеченцев Гарун Махмудович Батукаев, режиссер с высшим образованием, по фантазии подручных Сталина оказался на самой восточной окраине Казахстана, и хлеб зарабатывал чернорабочим угольной шахты в Лениногорске. В 1946 году он собрал нескольких чеченских актеров и любителей театра, оказавшихся поблизости, и поставил на чеченском языке музыкальный спектакль «Аршин мал алан» по пьесе Гаджибекова. В главных ролях музыкальной комедии выступили Есита Ганукаева, Андарбек Садыков, сам Батукаев. Самодеятельные актеры, которых привлек к постановке Батукаев, не пели, потому профессиональным актерам, приходилось играть по две-три роли. Спектакль имел успех: картины Кавказа, задорная танцевальная музыка, узнаваемые персонажи комедии покорили зрителя. Постановку оперетты чеченскими актерами заметили власти, ее пришлось поставить на русском и казахском языках. Нашлись даже деньги для этого. После этого и отправили Батукаева в Дзямбул создавать областной театр русской драмы.

«Храбрый Кикила» (1938 год)

Это был дипломный спектакль выпускника ГИТИСа. И тут, как мне кажется, будет справедливо, если, чуть отредактировав, приведу подлинные документы той эпохи. Через них у нас есть возможность услышать время, прочувствовать его особенности, проследить за тем, как готовились к работе над драматическим произведением и готовили артистов.

В те годы в культурных центрах было принято составлять письменные документы о своей работе, для чего подробно записывали репетиции и даже спектакли театра. Мы публикуем краткую экспликацию Гаруна Батукаева к спектаклю «Храбрый Кикила». Экспликация или разъяснение режиссером (подробное или краткое) своего замысла в те времена был непременно документом каждой постановки, каждый уважающий себя театр имел в штате или приглашал стенографистов, которые вели полные записи репетиций, на которых режиссер, артисты тщательно анализировали пьесу, разбирали ее по деталям; исходя из авторской концепции, сочиняли подробные биографии персонажей, чтобы создать на сцене полноценный, объемный спектакль с емкими образами героев. Так составлялся ценный исторический документ, который служил еще и учебным материалом. Именно из них и свидетельство современников мы узнаем о важных событиях творческих коллективов. Письменные материалы репетиций еще служили бесценным документом для истории театра и его творческих поисков. Для чеченского театра следовало бы восстановить эту практику.

Спектакль «Храбрый Кикила» для дипломанта Г. Батукаева оформил художник Э.А. Бернгард, блестящую музыку написал композитор А.И. Александров, который долго и плодотворно работал в Чечено-Ингушетии, песню Кикилы, которую впоследствии распевала вся республика, написал поэт Арби Мамакаев.

Итак, 1938 год.

Гарун Батукаев

«Экспликация к постановке спектакля «Сказка о храбром Кикиле» (авторы Г. Нахуциришвили и Б. Гамрекели)

Старая эпоха представляла собой смесь разных народов. Некогда Грузия была в составе Арабского халифата. В 13-14 веке здесь господствуют монгольские ханы, в 17 веке в Грузии господствует Персия. Все эти нашествия племен и народов оставили отпечатки на культуре и быте грузинского народа, но войны razорили страну, сократили ее население. После падения халифата в Грузии образуется несколько царств во главе с грузинскими царьками.

Молодые авторы свою сказку построили на основе народных сказок, взяв эпоху, когда Грузия была поделена между отдельными царьками. Действие происходит 400-500 лет назад.

«Сказка о храбром Кикиле» – является драматическим произведением братского народа, у которого народные сказания, сказки близки чеченскому и ингушскому народам, ибо взятые авторами в основу своего произведения сказки, есть и у чеченцев и ингушей.

Чеченский и ингушский зритель любит веселый и задорный смех. Этот смех нашему зрителю может дать эта пьеса, помимо этого она имеет воспитательное значение, построена на столь явных контрастах бедняков и богачей, которые эксплуатируют народные массы. (Дом богача Иосона и дом бедняка Тома). Цель сказки – это показать народную мудрость.

Сказка эта разрешается в форме комедии-шутки, ибо условия сценической коробки театра не дают возможности полного разрешения сказки, из-за чего выбрасывается одна из картин, где заняты страшные чудовища. Чудовищ заменили разбойниками, что чуть снижает сказочность пьесы. Пьеса решается реалистически, оправдывая каждое явление и момент в спектакле.

Не соблюдается подлинная историчность в оформлении и костюмах, ибо в Грузии за время ее существования побывало много народов, и они оставили отпечатки на костюмах и быте грузинского народа.

Идея, которая должна проходить через весь спектакль – народная пословица: «И сила уму уступает, когда она с ним в бой вступает».

В пьесе существует два противоположных лагеря.

Положительные персонажи: Кикила, Тома, Марта, Тамро, Гио, рабыня-танцовщица.

Отрицательные персонажи: Царь, Визирь, Свита, Гонцы, Дамы, Иосон, Майко, Вахушти, Судья, разбойники.

Характеристика действующих лиц:

Кикила – 37 лет, из бедной крестьянской семьи, в детстве любил слушать народные сказки и сказания, был способен слушать, не двигаясь с места, несколько часов, ковыряя палочкой землю. Эта привычка сохранилась на всю его жизнь. Работать не любил, а ходил, слушал и сам рассказывал все это якобы с ним случившиеся вещи и о своих похождениях, главными его слушателями были дети. Любит очень сильно поесть, большой лентяй. Лоб широкий, глаза умные, подбородок длинный, худой, не соответствует лбу. Худой, одет в рваные одежды. Взгляд внимательный, моментально выходит из любого положения. Походка: ходит мелким шагом, согблен, благодаря вечному наклону туловища, ноги смотрят в разные стороны, в коленях сближены, на них держится очень крепко.

Иосон – 43 года, из богатой грузинской семьи, в детстве начал приучаться

к коммерции и наживе за чужой счет. При женитьбе отец отделил его от себя и выделил часть накопленного богатства, на котором, путем дачи займа крестьянам, разбогател. Ради того, чтобы устроить свои дела и нажить капитал, готов на все. Очень упитан с большим животом, ходит, широко расставляя ноги. Голос грубый, глаза красные, нос длинный с горбинкой, ходит медленно с поднятой головой полного величия. Взгляд блуждающий как бы где и что взять, нажить, кого бы обмануть.

Царь Дахтингур – 60 лет, толстый, с большим животом, маленькой головой, тонкими руками и ногами. Движения короткие, сидит с вечно подтянутыми руками и ногами, похож на пузатого паука.

В спектакль-комедию «О храброе Кикиле» вводится ряд мимических и текстовых сцен. Вводится специально написанная песенка Кикила, в основе которой лежит идея спектакля «И сила уму уступает, когда она с ним в бой вступает». Эта песенка проходит через всю пьесу лейтмотивом.

Пьеса начинается с пролога от театра с текстом, который вводит зрителя в спектакль, в прологе введен хор, который поет песенку Кикила.

3-я картина разрешена в интермедии, ибо в этой картине важно только то, что Марта снова выгоняет Кикилу из дома.

В 4-ю картину введена массовая сцена пробуждения царя, колыбельная песня, танец рабыни и т. д.

Введены танцы грузинок и Кикилы в момент провозглашения Кикилы визирем. Весь четвертый акт проходит в присутствии всей массы.

5-я и 6-я картина объединены и проходят в лесу, вместо девок, здесь действуют разбойники. В эту картину введены пир разбойников и бои на кинжалах.

В пьесу введен проход Кикилы перед картинами, то с веселыми танцами, то с грустным пением.

Пьеса кончается эпилогом, все действующие лица группами выходят на сцену с пением песенки Кикилы и на последнем куплете снимают грим и парики, что возвращает зрителя к действительности.

В спектакле много музыки, каждый акт начинается музыкой, каждый танец и песню сопровождает музыка.

г. Грозный, 1938 год.
Г.М. Батукаев».

Профессиональный чеченский театр возник на богатой почве народного творчества. Еще в конце XIX века те из чеченцев, которые через российские учебные заведения смогли приобщиться к культуре, по примеру студенчества организовывали любительские театральные группы, ставили одноактные пьесы, скетчи на чеченские темы, которые писали сами. Кружки художественной самодеятельности вызвали к жизни национальную драматургию и национальную режиссуру.

Наконец, в Чеченский театр пришел первый профессиональный чеченский режиссер Гарун Батукаев, окончивший перед самой войной, в 1938 году, ГИТИС – государственный институт театрального искусства им. Луначарского. Гарун в качестве дипломной работы выбрал грузинскую пьесу-сказку «Храбрый Кикила». Этот выбор был не случайным. Молодой режиссер знал, что неискушенному в театральных тонкостях чеченскому зрителю, подходит именно такая пьеса с незатейливым сказочным сюжетом. Кроме того, в ней был, так ценный чеченцами, юмор, который давал возможность для устройства на сцене красочной феерии, праздника. Г. Нахуцришвили и Б. Гамрекели написали пьесу в стиле народной комедии, что позволяло подавать ее образы в гипертрофированном виде, использовать народные театральные элементы и персонажей – джуругов (ряженных).

Сюжет таков: по виду простак Кикила обладает изобретательным народным умом. Он живет в семье брата, развлекает его детей (да и себя) сказками,

волшебными историями о своих подвигах. В сущности Кикила ленивый бездельник, он не хочет ходить даже за дровами. Его брата Тома обманул богач Иосон: нанял его на работу с условием – тот заплатит 1000 рублей, кто первым обидится. Иосон мучает Тому непосильной работой и издевательствами, что тот не выдерживает. Кикила нанимается к Иосону – условия те же, но сумма удвоена. Кикила все делает наоборот: вместо мытья, бьет посуду, вместо взбивания сметаны, бьет жену хозяина, вместо уборки, поджигает хлебные амбары. В дальнейших похождениях попадает во дворец царя Дахтингура, излечивает его от икоты и переедания, за что тот Кикилу делает визирем. Далее Кикила побеждает разбойников и возвращается домой богатым, где окончательно расправляется с богачом Иосоном и жадным судьей.

«Храбрый Кикила» навсегда вошел в репертуар театра, занял в нем совершенно особое место. Что же способствовало такой популярности? «Перед всепобеждающей мудростью народного ума ничто не может устоять», – писал в те дни рецензент. Динамичная по острым сценическим положениям, пьеса позволяла развернуть потенциальные силы театра, служила хорошим материалом для режиссерской фантазии. По разнообразию мест действия открывала большие возможности художнику. Также обилие песен и танцев давало возможность композитору создать оригинальную музыку. Острые характеры персонажей позволяли актерам играть раскованно, не стесняясь даже конструктивных отсебятин. Такую установку и волю дал режиссер, и они «дурачились» на сцене, как могли. Не случайно критика и руководство считали

«Храбрый Кикила» 1958 года в постановке Гаруна Батукаева. Иосон – Абдулла Хамидов, Кикила – Альви Дениев, Вахушти – Яраги Зубайраев.

спектакль огромным шагом вперед в жизни Чеченского драматического театра, заключающегося в том, что коллектив режиссера, художника, композитора и актеров создал красочный синтетический спектакль полнокровных сценических образов в народном стиле. Ими являются в первую очередь образы богача Иосона в исполнении заслуженного артиста республики Ибрагимова Ильяса, дурачка Вахушти в исполнении заслуженного артиста республики Зубайраева Яраги. Однако особое место в спектакле занимает блестящая игра заслуженного артиста республики Мовжди Бадиева в роли главного героя Кикилы, который тончайшей игрой создал замечательный образ на вид простоватого, но в сущности человека наделенного народной мудростью, помогающей ему побеждать врагов – богача, царя, разбойников и несправедного судью. В целом этот спектакль явился той удачей театра, которая может быть только при полном ансамбле и согласованности всех

компонентов. Он стал любимым и популярнейшим спектаклем зрителей Чеченского театра, многие из которых смотрели его десятки раз. А песня Кикилы, слова которой написал поэт Арби Мамакаев, стала народной, ее пели повсеместно. Масса слов и выражений из спектакля стали крылатыми фразами, вошли в лексикон народа.

Премьера спектакля «Храбрый Кикила» состоялась 2 марта 1939 года, и шел он вплоть до выселения чеченцев в 1944 году. Через 20 лет, в 1958 году Гарун поставит его еще раз, и выяснится, что страшные беды войны и депортации не смогли стереть из памяти яркие образы того спектакля из 1939 года. Народ снова с восторгом пришел на полюбившийся спектакль. Зритель помнил даже мудрые слова песни Кикилы и запел вместе с героем: «Ницкьо а некъ быту хьекъална, дов дола делча» (сила уступает уму, когда в бой с ним вступает).

При защите дипломной работы Гаруном Батукаевым (спектакль «Храбрый Кикила») оппонентом по поручению руководства ГИТИС выступил критик Матвей Левин. Он дал спектаклю блестящую оценку, и Государственная комиссия под председательством заслуженного деятеля искусств РСФСР Б. Захавы приняла работу с оценкой «отлично».

В журнале «Театр» (№ 8, 1940 год) тот же критик Матвей Левин писал: «Приезжая в Грозный, неожиданно увлекаешься блистательным спектаклем «Храбрый Кикила» в Чечено-Ингушском национальном театре. Спектакль, поставленный молодым режиссером Гарун-аль-Рашид Батукаевым, пленяет, как красивая песенка и недаром он так популярен далеко за пределами города, в горных аулах республики». Гарун-аль-Рашид! Это прозвище Харон Батукаев получил в институте, из-за созвучия своего имени с именем знаменитого багдадского халифа, покровителя искусств и героя сказок «Тысячи и одной ночи».

«Совдат и Дауд» (премьера 9 сентября 1959 года)

В пьесе Абдуллы Хамидова «Совдат и Дауд» дана социальная панорама жизни чеченского общества начала XX века, она как бы просвечена рентгеновскими лучами. Создавая правдивый портрет общественного устройства чеченского народа, автор показывает и источник зла – это отдельные корыстолюбивые светские заправилы села, лицемерные духовные отцы, которые вступили в сговор с царской администрацией с целью угнетения и грабежа простых людей. Власть всегда маскирует свои истинные цели, бессовестно и цинично использует обычаи, религию народа. Сколько не прошло времени, природа власти не меняются. Ее личные материальные интересы становятся превыше всего. Власть без стыда пройдет по трупам, чтобы сохранить себя, для нее нет моральных границ, она всегда двулична.

Обычай кровной мести был у всех народов. Многие народы сохраняют его до сегодняшнего дня. И чеченцы в том числе. Меняются люди, меняются времена, обновились многие правила и традиции, но этот обычай все еще остается.

Премьера спектакля «Совдат и Дауд» в постановке Батукаева состоялась 9 мая 1959 года. У Батукаева тема кровной мести, если и не отодвигалась на второй план, но она не стала главной, хотя многие утверждали, что написана пьеса ради нее. А если учесть, что драма выросла из монолога кровника Дауда в четвертой картине, который автор сочинил для уроков сценической речи, когда учился на актерском факультете ГИТИС, то так и получается. Как любое полноценное художественное произведение пьеса Хамидова все же разрабатывает две основные, жизненно важные и взаимосвязанные темы: тяжелое положение народа, который находится под двойным гнетом – национальной верхушки и царской администрации. Вторая – реакционная сущность кровной мести, которую местные так называемые уважаемые люди и власти часто используют в корыстных целях, мешая примирению сторон, готовых на это.

Нормы поведения кровника наложили отпечаток на композицию пьесы,

кровнику Дауду достается меньше места. Поэтому сюжетная линия Совдат кажется главной, хотя внимательный взгляд увидит ее зависимость от линии Дауда. Это сугубо постановочная проблема, но она предоставляет режиссеру выбор. Гарун Батукаев делает Совдат центральным персонажем, поскольку реальные события разворачиваются вокруг нее. Молодая девушка выросла без матери и сестер, то есть без необходимого внимания, она очень скромна. Человек с большим и добрым сердцем, она, сталкивается с похотливым стариком, потом с бездушием предвзятого суда, нужное решение которого оплатил этот старик.

Полночный час – время черных сил. Во всем ауле бодрствует один Умалт, местный богач, человек почтенного возраста, который решил, во что бы то ни стало, жениться на молодой красавице Совдат. Он не раз сватался к ней, она отказывала, заявляя, что будет принадлежать только Дауду – другу ее детства и возлюбленному. Об этом Умалт узнает от Жабала – известного пьяницы, которого он решил использовать в своих целях.

Умалт принимает решение погубить Дауда. Готовясь жестоко отомстить Совдат за непокорность, он использует тот обычай, который вынудил Дауда скрываться и от людей, и от власти. Поэтому автор спектакля и исполнители не пожалели красок. Положительные и отрицательные герои в драме поданы однозначно и четко разграничены, более того, автор вкладывает в уста отрицательных героев изобличающий их самих текст. Для тогдашней чеченской публики, еще не театральной, такое разделение, возможно, было необходимо. Потому первая же картина заставляет напряженно следить за мечущимся по сцене героем. Его играет Яраги Зубайраев. Актер точно передает вороватые движения, нервное состояние своего героя, зрителю передается холодная дрожь человека, готовящего преступление. Здесь же появляется Дауд. Он тоже в силу своего положения вынужден оглядываться, но это разные состояния. Потому пластическое решение они получают разное. Дауд спасает жизнь, теперь его враги не только кровники, но и разыгравшаяся стихия, и лесной дикий зверь, и ядовитое насекомое. А Умалт хочет украсть чужую жизнь.

Самое продолжительное пребывание Дауда на сцене – его монолог в четвертой картине. У Султана Гулиева мало времени, чтобы раскрыть сложный образ своего героя. Наделенный автором большой долей романтики, Дауд остро чувствует ложь, неискренность и несправедливость, даже подозрителен. Понимая, что обычаи его многострадального народа во многих случаях трагичны, он сам стгоряча может им поддаться. Когда узнает, что Совдат, оклеветанная Умалтом, находится в руках шариатских судей, он поверил в

1959 год. Сцена из спектакля «Совдат и Дауд» по одноименной драме Абдуллы Хамидова, в постановке Гаруна Батукаева. В роли Совдат Тамара Алиева.

ее вину и первая мысль, которая приходит ему в голову – это месть девушке. Но он отбрасывает ее, слишком велико его чувство к Совдат и доверие к ней. Именно таким, как писали газеты, играл его актер Гулиев. Его герой молод, горяч. Особенно Султану, говорят, удавалась сцена прощения в четвертой картине: в белом саване, с длинной бородой и длинными волосами Дауд Гулиева производил впечатление на зрителя. Эту сцену Батукаев считал самой важной в роли Дауда, и уделил ей серьезное внимание, снова и снова репетировал ее с актером. Чтобы вызвать у зрителя значительно большее, чем просто сочувствие или симпатию – образ нужно поднять над прозой. Дауд говорит не только о себе, это – собирательный образ всех, кто находится в его положении. Автор вложил в его слова более глубокий смысл, он винит обычай, который перешел границы, положенные ему – месть падает только на того, от чьей руки погиб человек, да и то, если убийство совершено намеренно. Отец Дауда убил отца Кахима случайно. Но сила обычая отторгла Дауда от друзей, от общества. Чем больше теплоты и доброты будет исходить от Дауда, тем больше симпатий будет на его стороне. Говорят, воздействие монолога на публику было очень сильным. Женщины не сдерживали слез.

Другая тема пьесы, тесно связанная с темой кровной мести – социальное положение народа вообще и женщины в частности. Оклеветать Совдат, когда роль женщины в обществе значительно принижена, Умалту легко. Подкупленная верхушка шариатского суда, которой доверяют на селе, поможет ему в осуществлении цели. Умалт ведет смертельную борьбу, в случае неудачи кровная месть может обрушиться на него самого. Поэтому его уловкам нет конца. И он идет на все. Его подручный Жабала (Альви Дениев) тоже чувствует это. Чем дальше идет Умалт, тем больше растет протест Жабалы. Увидев, что Дауда не простили по навету Умалта, он спрашивает себя: «А верно ли поступаю я? Ведь Умалт своими руками сейчас зарезал Дауда».

Третья картина, сцена суда над Совдат. Яраги Зубайраев дополнительно характеризует своего героя. Излагая вчерашнее обвинение, Умалт в начале был спокоен. Но потом постепенно из-за страха быть разоблаченным, его речь переходит в истерику.

А Совдат, чистая, как слеза, романтическая натура, сирота, живущая в ожидании своего счастья, обвинена в страшном преступлении против закона и обычаев. На суд она является с наивными иллюзиями. Совдат-Алиева считала, что произошло недоразумение, оно прояснится и кошмар пройдет. Иллюзии рассеиваются. Тогда реплики Совдат постепенно приобретают обличительный характер. Актриса понимает социальную значимость своей героини, условия, в которых она ведет борьбу. В эту минуту она не только одна, но и одинока. Извечное недоверие к женщине заложило уши судей. В этом конфликте Совдат побеждает. Если бы даже была казнена судом, она выиграла бы своей душевной красотой, правдивостью. Именно такой играла ее артистка Алиева. В те времена непросто было чеченской девушке защитить себя. Совдат-Алиева, как Дауд-Гулиев, защищала не одну себя, но всех подруг. Защитить справедливость, соблюдая обычай чеченского народа в то время – это больше, чем героизм. И Совдат понятна всем ее сестрам.

Два брата простили Дауда, ждут решения старшего брата. Но Умалт успел нашептать Кахиму, что в ту ночь с Совдат был именно Дауд. А это серьезное нарушение обычая. И все – Кахим с гневом прогоняет просителей. Кровник опять не прощен. И, конечно, Дауд не может помочь любимой, как бы того ни хотел. Единственно правильное решение приходит к Дауду – бежать с Совдат подальше от этих проклятых Богом мест, уехать туда, где не будет ни адата, ни шариата.

Люди доверяют тем, кто занял какое-то положение – богатством, властью, духовным саном. В деле с кровниками Дауд просил помощи у Умалта, но тот его предал. Совдат ждала справедливости от судей, а они встали на сторону ложного обвинения.

Обещав помочь, Умалт решает расстроить примирение, и тем убрать

соперника, и наводит кровников на след Дауда.

Наконец, Умалт разоблачен. Совдат оправдана, прощен Дауд.

Финал спектакля – пафос борьбы против мракобесия, угнетающего народ: «Случай с Совдат и Даудом еще один урок нашей классовой вражды с богачами», – говорит бывший рабочий нефтепромыслов Сула. Он призывает народ вести беспощадную борьбу с богачами, чтобы больше не повторилось подобное несчастье, последствия которого могут быть более трагичными.

«Петимат»

(преьера 20 февраля 1960 года)

Преьера спектакля по пьесе Саида Бадиева должна была состояться еще в 1938 году, но внезапный арест автора сорвал все планы. Но, изменились времена, пришел день талантливого драматурга. И вот 20 февраля 1960 года состоялось новое рождение «Петимат». Три года назад восстановлена республика, год работает театр, и он не знает пустого кресла в зале. У залитого светом подьезда постоянно толпятся люди. В театре звучит чеченская и ингушская речь. Здесь пожилые женщины и юные девушки, разные люди с рабочими руками, интеллигенция, студенты...

Для обычного города обычная картина. Но она приобретает окраску удивительного, если только что зритель волею театра побывал там, где не было, не могло быть ничего подобного – в дореволюционной Чечено-Ингушетии. В том диком, нищем краю, в одном из его аулов, где счастье не знало дороги в убогий дом труженика, где слово царского пристава и муллы решало судьбу, где хозяева земли прятались в пещерах с клеймом воров и разбойников.

Пьеса Саида Бадиева, написанная почти четверть века назад, повествует о делах, давно минувших, но звучит и сегодня, как песня мужеству, свободолобию, достоинству людей. В центре событий стоит образ Петимат. Мы могли ждать необычную повесть о крепкой любви между этой красавицей и абреком Мусостом. Но увидели другую, горькую повесть.

До прихода Нелли Хаджиевой место первой актрисы чеченского театра безраздельно принадлежало Тамаре Алиевой. Никогда не вставал вопрос, кому поручить роль героини. Тамара уже носила почетное звание заслуженной артистки Чечено-Ингушской АССР. Тамара и играла Петимат. Несмотря на отсутствие образования Алиева была одаренной актрисой. По свидетельству рецензентов в лучших ролях она достигала правды чувствования и естественности поведения на сцене. Тамара была обаятельным человеком и покоряла сердца зрителей. Такой была ее Петимат. Або Мальсагов писал: «Петимат-Алиева, словно ребенок, простодушна в сценах с муллой, пока не распознала гнусной подоплеки его «благословения». Она обаятельно нежна со своим возлюбленным Мусостом. Она бесстрашна, когда посягают на ее достоинство. Но вот Мусост заподозрил ее, по навету муллы, в неверности, – девушка сломлена, она в отчаянии идет к краю пропасти, чтобы кончить с жизнью. И эта же Петимат смогла в конце спектакля хладнокровно расстрелять муллу. Таков круг чувств, которыми драматург наделил героиню. Зритель верит актрисе. Он с волнением следит за судьбой Петимат. Вместе с тем в поведении героини есть налет обреченности. Вряд ли можно считать это верным. Такое толкование образа несколько снижает революционное звучание спектакля».

К сожалению, за отсутствием материала, почти невозможно говорить, чем разнились Совдат и Петимат в исполнении Тамары Алиевой. Однако, зная уровень актерского мастерства актрисы, полагаю, что она не копировала их, хотя во многом они могли быть схожи.

Пьеса Бадиева не просто рассказ об истории любви Петимат и Мусоста. Ее тематика шире. В ней показана борьба народа против иноземного гнета – царской

администрации, против невежественного, своекорыстного духовенства. Эта борьба носит еще стихийный характер, но драма повествует, как чеченский народ еще в предреволюционные годы искал и находил пути единения против общего врага.

Драма Хамидова «Совдат и Дауд», конечно, написана под влиянием «Петимат» Саида Бадужева, и во многом подражает ей. Кстати, ходил даже крамольный слух, что пьесу Хамидова из-за авторитета Бадужева поставили первой, чтобы не сравнивали «Совдат» с «Петимат», и наоборот. Нет ничего плохого в том, что 20-летний юноша находится под влиянием опытного драматурга. Это явление имеет место во всех литературах. Великий Пушкин тоже начинал с подражания. Лично я считаю, что это хоть и похожие, но разные произведения. В драме Хамидова антирелигиозной темы почти нет, и у него злодей не мулла, а мирянин.

Вернемся к «Петимат». При поверхностном прочтении пьесы Бадужева многоплановая тематика драмы, переплетение религиозного, социального и личного могла показаться просто фоном, на котором разворачивается судьба Петимат. Батукаев избежал ошибки, сохранил пропорции, он проецировал на сцену картину дореволюционной чеченской деревни, показал тесное сплетение судеб героев пьесы с общей судьбой народа.

Зритель увидел в спектакле ряд колоритных фигур: многоопытного Халида Мусаева в роли Дуды, отца Петимат, педантичного в деталях актера Абдул-Вахаба Джабраилова в роли Чернобородого. Полнокровный, самобытный образ лукавого Калы создал точный в каждом движении народный артист Чечено-Ингушетии Мовжди Бадуев.

К спектаклю были и претензии. Роль абрека Мусоста, возлюбленного Петимат, играл Султан Ильясов. По мнению критики, актер создал образ искусственного горца, которого рвали в клочья страсти. Ему не хватало благородной сдержанности и чувства меры. Говорили, что такого человека не могла полюбить чуткая Петимат.

А в работе Мовлади Албастова в роли офицера Хабиба отметили много холодного разума и мало чувства. Критика сказала: чтобы спектакль зажил на сцене, режиссер должен помочь им создать полнокровные образы.

Также критика выразила сожаление, что на сцене не хватает образа современника. Претензии относились к репертуару театра и драматургии вместе, которые в этом смысле остаются в долгу перед зрителем.

«Мекхаш-Мирза»

(премьера 25 марта 1961 года)

Так же короток рассказ о другом спектакле Гаруна Батукаева. Веселая музыкальная комедия «Мекхаш-Мирза» в Чеченском театре имени Ханпаши Нурадилова заслуженно пользовалась успехом у зрителей. Написанная в духе народной сатиры со всеми присущими этому жанру особенностями, она блещет метким, остроумным словом, избилует пословицами, поговорками, народными песнями, танцами. Впервые эта комедия была поставлена на сцене театра еще до войны и прошла проверку временем. И сейчас комедия Музаева и Вайнштейна звучит жизненно и правдиво. Секрет жизненности этой музыкальной комедии в том, что она построена на фольклорном материале, который никогда не ветшает и близок народу.

Бедный крестьянин Мекхаш-Мирза – выразитель народной мудрости, красочно обрисован драматургами. Мирза сродни таким персонажам классической драматургии, как Фигаро или Скапен. Мирза так же, как и они, умен, хитер, энергичен и весел, и если иногда плутует, то лишь для того, чтобы наказать тех, кто обманывает, разными путями грабит простых людей. В роли Мирзы, как всегда, блистал Альви Дениев. Его Мирза – подлинный

сын народа. Простые люди понимают его каждый взгляд, каждый жест, всегда весело поддерживают его озорные шутки. Особенность игры этого даровитого актера в том, что он шутил, сохраняя на лице полное равнодушие, и даже суровость. От этого шутки Мирзы становились еще более смешными и доходчивыми. Но когда Дениев смеялся или улыбался сам, то делал это так заразительно, что зрительный зал смеялся вслед за ним.

Выразительно рисовал образ богача Хараби артист Ильясов. Его мимика и жесты были так убедительны, что им верили, даже тогда, когда он утверждал, что его арба... родила жеребенка. Султан показывал Хараби злым человеком. Главное в его жизни – деньги.

Цельный, характерный образ муллы Хилланбека создал народный артист ЧИАССР Яраги Зубайраев. Внешне это был важный и мудрый старик, но, если лучше разобраться, главные черты Хилланбека – его двуличность и алчность. И эти черты Хилланбека артисту удалось раскрыть ярко.

Ниже своих возможностей, как писала одна из газет, играл в спектакле Харон Нудушев в роли купца Аршин-Хаджи. Аршин-Хаджи получился малоинтересным персонажем. В какой-то мере это вина авторов пьесы, которые дали актеру немного материала для работы. Но и сам Нудушев не нашел нужных черт, которые оживили бы образ, сделали его ярким, хотя комедия, как пьесы Гоцци давала простор для импровизации.

Как мягкую, солнечную и веселую отметили игру народной артистки Тамары Алиевой в роли Кочусет, жены Мирзы.

Режиссер спектакля Батукаев имел опыт постановки подобных спектаклей («Храбрый Кикила»), он хорошо чувствовал стиль пьесы и проявил много творческой выдумки. Этим и объясняли, что зрители бурно реагировали на протяжении всего спектакля, часто прерывая его аплодисментами и громким смехом. Особенно выразительными были массовые сцены, которые поставил режиссер, эпизоды свидания Хараби с Цахпату, преследования воров. Композитор Александров написал к спектаклю веселую музыку, умело используя народные мотивы.

Некоторые претензии предъявляли художнику Александру Белову. Он тщательно передал бытовые особенности национальной обстановки, но не учел жанр спектакля, его близость к водевилю: оформление было тусклым, маловыразительным. Даже восточный базар однокрасочен.

«Петимат». Сцена из спектакля.

«Тропою грома»
(премьера 3 октября 1963 года)

Кто не зачитывался романом «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу, повестью «Потерянная родина» Виллиса Лациса или «Тропою грома» Питера Абрахамса? Видели фильм армянских кинематографистов по этой повести с Вадимом Медведевым в главной роли. Советские люди, воспитанные на идеях интернационализма, жадно читали такие книги, забыв о себе, о своем положении, которое было не многим лучше, чем у негров, интересовались всем остальным миром, страдали за испанских крестьян, обливались слезами над судьбами угнетенных негров Америки и Африки. Мы считали, что наше государство самое справедливое, самое народное, потому служит, должно служить светочем, примером, надеждой для всех остальных народов мира. И во всех остальных отношениях наша страна тоже являемся самым, самым, самым... Коммунизм – будущее всего земного шара, и даже дальше. Мы следили за изменениями на политической карте мира, и особенно на «черном континенте». Все новые и новые страны Африки становились свободными и независимыми. Однако «кое-где еще властвовал доживающий свой век колониализм и загнивающий империализм». Поэтому актуально звучал спектакль театра Ханпаши Нурадилова «Тропою грома» в постановке Гаруна Батукаева. Многие поклонники Чеченского театра, говорят, были удивлены смелостью коллектива, взявшегося поставить спектакль по пьесе Мюфке на сюжет книги «Тропою грома».

Молодой мулат Вилли Сварц, выходец из нищей африканской деревни, единственный из своих односельчан получил университетское образование, и его назначили учителем. Ведь даже здешний пастор Коттон, такой же «цветной», как и его прихожане, не знает ни единой буквы и вместо росписи ставит крест. Старая Ханна Сварц радуется сыном и гордится им. Нежность, обожание и робость светятся в глазах матери, встречающей сына. Артистка Асет Исаева выразительно показала чувства, которые владели ее героиней.

Постановщик спектакля внимательно изучил все, что можно было достать в Грозном об Африке вообще, об апартеиде в ЮАР в частности. Все это необходимо было, чтобы верно показать характеры, образ мышления героев и атмосферу, где они живут и действуют. Как-то в одной частной беседе Гарун признался, что о бурской войне он узнал только, работая над пьесой «Тропою грома». Тогда режиссер определил для себя общую концепцию пьесы – основой должен стать мотив национальной свободы и личного достоинства. Там, где власть принадлежит белым эксплуататорам, темнокожий человек не имеет права на радость. С первых шагов по родной земле Вилли чувствует это и постепенно понимает: за счастье надо бороться. Не только события, развертывающиеся вокруг молодого учителя, но и пламенные слова кафра Мако из соседней деревни подсказывают ему такой вывод. И если в начале спектакля мы видели Вилли Сварца человеком, в общем-то, далеким от политики, то расставались уже с убежденным борцом, сознательно вступившим на «тропу грома».

Батукаев знал, почему он решил обратиться к этой пьесе и какое значение он придавал ей. Пьеса «Тропою грома» не только и не столько о страданиях униженного человека, сколько о стойкости и мужестве поработенных народов, гимн их пробуждающейся силе, страстный призыв к борьбе против иностранных захватчиков. В ней действуют сильные характеры, в ней много эмоциональных моментов, остросюжетных поворотов.

На этот раз Гаруну Махмудовичу надо было работать практически с новой труппой – это недавние выпускники Ленинградского театрального института. Но работать с ними просто приятно – молоды, образованны и уже опытные актеры, за плечами полудюжина спектаклей вошедших в репертуар театра: «Два цвета», «Ромео и Джульетта», «Хозяйка гостиницы», «День рождения Терезы», «Тысяча вторая ночь». Поэтому профессионализм новой постановки приятно обрадовал зрителя.

Центральную роль Вильямса Сварца играет Юсуп Идаев. Артист выразительно лепил своего героя. Характер молодого учителя развивается от картины к картине.

Юсуп Идаев показывает, как жизнь заставляет Вилли искать и находить ответы на все новые вопросы. Священника в пьесе по его сущности можно квалифицировать как коллаборациониста. Он похож на многих своих собратьев в других частях света. Может, в этом кроется боязнь крови. Но и с ним Вилли Сварцу приходится вести борьбу. Такова сцена, где пастор раскрывает Вилли тайну его рождения. Смирненное поведение Коттона (артист Абдул-Вахаб Джабраилов), верного цветного слуги белых поработителей не назовешь иначе как ханжеским. Оказывается Вилли – незаконнорожденный сын белого колонизатора. Опозоренная в глазах сына, мать Вилли в отчаянии, горит стыдом сам Вили, – все это актеры передавали эмоционально убедительно. Казалось, что краски этих чувств явственно проступали сквозь их густо закрашенные углем черные лица.

Магомед Цицкиев ярко и выразительно сыграл трудную роль Сэма. Сэм, искалеченный белыми физически, и Фиета убитая ими морально привязаны друг к другу и к своему народу. Но выражает эти чувства каждый по-своему. Сэм прячет боль и ненависть к колонизаторам под маской безумца и ждет своего часа. Критика оценила работу артиста как большую удачу.

Фиета Тамары Алиевой – горячий, противоречивый характер. Порывистая и непосредственная женщина пытается бороться за «маленькое счастье» своих чернокожих братьев, хочет уберечь их от бед, которые, по ее мнению, несет образование. Тогда, рассуждает она, черные поймут, что белые ничем не лучше их. А это опасно... приведет к кровопролитию.

Мутелип Давлетмирзаев, пожалуй, впервые играл на сцене роль такой мощной и колоритной фигуры, как Герт Вильер. За его самодурством, жестокостью и внешним пренебрежением ко всем угадывается страх колонизатора перед пробуждающимся сознанием черных, которые, по его убеждению, могут быть только рабами белых. Он лепит своего героя рельефно, крупными мазками: уверенная поступь, звучный голос, приказы, не терпящие возражений или протемлений. Он прочно стоит на ногах, и все же Давлетмирзаев на доли секунды притормаживая своего героя, показывал его неуверенность в завтрашнем дне.

Очень тепло с большим лиризмом раскрыла духовное богатство Сары Вильер артистка Нелли Хаджиева. Ей удалось показать сложный путь Сары от первого разговора с Вилли, когда в ее сердце вскипают растерянность, досада и гнев на «цветного», осмелившегося держаться с ней, как с равной, до трагической гибели во имя любви к нему. Каждый шаг на этом пути она обозначала точно. Но журналистка из газеты «Комсомольское племя» Чечено-Ингушского обкома комсомола Тамара Алиева писала, что Нелли Хаджиева в первом акте не смогла стать достойной партнершей Идаева, прежде всего потому, что спешит сказать обо всем сразу. Любовь к Сварцу застигла ее врасплох. Сара в смятении, она и сама не поймет, как это могло случиться. Зато в последнем акте, где от нее потребовался большой темперамент и страсть, Хаджиева сыграла безукоризненно.

К спектаклю были претензии. Писали, что в целом эмоциональном настрое спектакля диссонансом были Адам Хучиев в роли Брюса и Таибат Саиева в роли Селии, которые не сумели вдохнуть жизнь в своих героев.

Это была одна из лучших работ режиссера. Но почему-то за Гаруном Батукаевым укрепилось мнение, что он режиссер сугубо бытовых спектаклей.

Другие спектакли Гаруна Батукаева:

- «Самые дорогие» Музаева. Премьера 21 февраля 1959 года,
- «Женихи» Токаева. Премьера 4 июля 1959 года,
- «Честь семьи» Мухтарова. Премьера 24 октября 1959 года,
- «Свадьба Кайсара» Курбанова. Премьера 29 июля 1960 года,
- «Волны Терека» Мусаева. 5 ноября 1960 года,
- «Путь Султана» Баташова. Премьера 1 октября 1961 года,
- «Тростник на ветру» Бердзенишвили. Премьера 17 марта 1962 года,
- «Ахмар-Хаджи». Ошаева. Премьера 19 мая 1962 года,
- «В одном ауле» Мусаева. Премьера 10 ноября 1964 года

Спектакль «Свадьба Кайсара» Амира Курбанова в постановке Гаруна Батукаева. Умма – Тамара Алиева, Кайсар – Харон Нудушев.

¹ Может, таких документов в архиве театра до Великой Отечественной войны было много, но архивы после выселения чеченцев и ингушей были уничтожены. Этот документ у его автора сохранился случайно.

² А. Мальсагов. «Петимат». «Грозненский рабочий» от 5 марта 1960 года.

³ А. Мальсагов. «Петимат». «Грозненский рабочий» от 5 марта 1960 года.

⁴ А. Магоматов. «Тамара». «Грозненский рабочий» от 22 июня 1960 года.

⁵ А. Магоматов. «Тамара». «Грозненский рабочий» от 22 июня 1960 года.

⁶ В рецензиях встречается разночтение звания Батукаева. В программе этого спектакля он заслуженный артист.

⁷ А. Магоматов. «Тамара». «Грозненский рабочий» от 22 июня 1960 года.

⁸ Т. Алиева. «Тропою грома». «Комсомольское племя» от 8 октября 1963 года.

⁹ Т. Алиева. «Тропою грома». «Комсомольское племя» от 8 октября 1963 года.

¹⁰ О. Майорова. ...И грянет буря. «Грозненский рабочий» от 9 октября 1963 года.

Идрис Булатбиев

Несколько слов о ненаучном подходе к науке

К сожалению, в науке не редко наблюдаются примеры, когда выстраиваются научные конструкции по принципу – «претендуй на чужую территорию, для оберегания своей». Историография и языкознание наиболее уязвимы перед «вирусом» такого принципа. К примеру, оспаривая происхождение того или иного слова специалисты по языкознанию (тюркологи, иранисты, арабисты) могут опираться на одни и те же источники или данные, имея при этом совершенно противоположное мнение. Впрочем, в этом нет ничего особенного. Как говорится, «каждый кулик хвалит свое болото».

Между ними могут происходить споры по поводу происхождения языкового материала, имеющего хождение в указанных языках. Однако, когда дело касается вопроса о происхождении какого-нибудь слова из чеченского языка, также имеющего хождение в этих языках, указанные специалисты всех мастей, как правило и не задумываются над тем, что оно не может быть не заимствовано с одного из какого-нибудь этих языков. По их глубокому убеждению, слова из чеченского языка, которые наличествуют в каком-либо из указанных трех языков должны быть в любом случае заимствованы. С другой стороны, винить особо в чем-то других также не стоит. Самому нужно следить за своим «хозяйством».

Никто не отрицает наличия в чеченском языке арабизмов, иранизмов и тюркизмов. Языковые заимствования являются закономерным результатом исторического процесса, в ходе которого между этносами складывались разного рода взаимоотношения – торговые, культурные, и т.д. Но вопрос даже не в этом. Вопрос в самой сложившейся ситуации, позволяющей так поверхностно относиться к чеченскому языку и истории, которую мы вкратце рассмотрим на некоторых примерах.

Наиболее ярким примером из ряда «заимствований», на наш взгляд является чеченское слово **гIала** – «дворец, замок, крепость, город», считающееся заимствованием из тюркского языка. Действительно, данное слово присутствует и в тюркских языках в форме - **кала**, с тем же значением. А все тюркские заимствования начинающиеся на - «к» в чеченском языке как правило вначале получают гортанное - «гI», например, каравул – **гIарол**, кумган – **гIуммагI**, кумык – **гIумки**, и т.п. Исходя из этого правила, тюркологи считают, что происхождение чеченского слова **гIала** также берет свое начало от кумыкского - **къальа**. Однако, у арабистов свое мнение по этому поводу, которые считают, что основой данного слова как в чеченском, так и в тюркских языках является арабское - **къала'а** (قلاعة) «крепость, цитадель».

Откуда же это слово появилось в чеченском языке, от тюрков или арабов? Судя по данным источников обе указанные версии не выдерживают критики. Древнейшая фиксация этого слова уводит нас в эпоху шумеров, на языке которых - **GALLA** * [Поэзия и проза Древнего Востока. с.106. прим.155.] означало «большой дом, дворец», и которому, как мы можем заметить, соответствует чеченское **гIала** (**гIа:ла**). Версия о его заимствовании из какого-то другого языка и вовсе теряет свое основание, когда мы обнаруживаем, что родственные чеченцам хурриты (урартийцы), использовали шумерское **GALLA** в качестве детерминатива в том же значении, в форме - **E.GAL** - «крепость» (**GAL**) * [Меликишвили Г.А. «Урартские клинообразные надписи».М., 1960. с.39.].

«Тюркское заимствование» также не находит обоснования и с позиции культурно-исторического прошлого. Башенные комплексы нахов известны арабам еще с 9-го века, то есть, к тому времени они уже были построены. К тому же, ни один из тюркоязычных народов (ни кумыки, ни лезгины, ни тем более ногайцы) не строили и не имели на Кавказе башенных комплексов, чтобы чеченцы могли перенять у них это название. Таким образом, есть твердое основание говорить, что слово **гIала** – это исконно чеченское название, пришедшее с Древнего Ближнего Востока, по всей видимости, вместе с частью предков чеченцев мигрировавших оттуда, и путь миграции которых освящается в чеченских преданиях.

Другим, не менее выделяющимся примером из того же ряда «заимствований», является название чеченского селения Кошкельды, находящегося на востоке республики. И действительно, на первый взгляд данное название звучит несколько необычно для чеченского слуха. Однако тюркологи, без какого либо экскурса в историческое прошлое местной географии, усмотрели в этом названии тюркское значение кошкельды – «*добро пожаловать*», не имеющего никакого обоснования, кроме фонетического созвучия.

По теории В.А. Никонова называемой «*закон ряда*», известно, что возникновение топонимов явление не случайное, а цепь закономерной взаимосвязи. «*Название никогда не возникают в одиночку, они всегда соотносены друг с другом. ... Среди многих признаков географических названий выступает одна общая для всех них главная черта – их сравнительность*» (Никонов В.А «Введение в топонимику», М., 2-е изд. 2011. с.34.). Таким образом, согласно отработанной научной методике тюркское значение («*добро пожаловать*») в названии села Кошкельды должно иметь хотя бы одно схожее с ним по значению сравнительное название. Однако, такого названия нет. Его нет не только по близости, но также и за пределами республики.

Более того, насколько можно судить, даже на территории столь широко в географическом плане распростертого тюркского мира вряд ли можно найти типологический пример (топоним) соответствующий указанному значению. Значение «*добро пожаловать*» само по себе совершенно не типично для населенных пунктов. Но самым убедительным доводом против тюркского происхождения названия Кошкельды является языковое правило замены в тюркских заимствованиях начальной «*к*» на чеченский звук «*гI*», которое мы показали на примерах (**каравул – гIарол, кумган – гIуммагI, кумык – гIумки**, и т.п.). Таким образом, в соответствии с этим правилом, будь название Кошкельды тюркского происхождения оно несомненно звучало бы в форме **гIошкельды**, но такой формы в чеченском языке нет и не было.

Трудно сказать, чем мотивированы подобного рода утверждения специалистов по разным языкам, игнорирующие научную методологию, подменяя ее всего лишь одной фонетикой. Такое ощущение, что тюркофильство будто дамочков меч нависает над чеченским языком, при том не в одиночку.

Далее на очереди название чеченского селения ГIулары, у которого тюркологи также «обнаруживают» тюркский **корень - кулу** («*раб*»), множественное число которого звучит в форме **кулар** («*рабы*»). Данное утверждение «обосновывается» на том, что после нашествия монголо-татар на месте этого селения якобы находился рынок по торговле рабами. Помимо того, что это не подкреплено историческими источниками, и тем более не подкреплено местными преданиями или легендами, тем не менее, оно отстаивается в научных кругах.

Против данного утверждения можно возразить точно также, как и против предыдущего примера. Гипотетически допустим, что какая-то

тюркоязычная масса в средневековье придя на эту территорию, в силу своего влияния «закрепила» за этой местностью название на своем языке, для чего, естественно, потребовалось бы достаточно долгое время их обитания на этой территории. В этом случае возникает резонный вопрос: как же они умудрились не затронуть своим влиянием другие населенные пункты поблизости? Почему же не обнаруживаются рядом и вокруг ни одного тюркского гидронима или топонима? В предполагаемой «обоснованности» тюркское влияние никак не могло бы быть столь избирательным и ограничиваться единичными примерами.

На данный момент говорить что-либо определенно о значении названия ГӀулари, к сожалению, мы не можем. Для твердой основы необходимы исследования этого вопроса. По мнению археолога Арсанукаева Р.Д., эта местность, в силу характеристик своего рельефа, могло получить название ГӀулари от значения **хӀулар**, **хӀулари** – «*скрытый, сокрытый*», (**ХӀулари=ГӀулари** (?)). В любом случае, без должного исследования этого вопроса чеченскими специалистами (языковедами и историками), убедительного ответа на него вряд ли мы получим.

Отношение к чеченской истории и языку как к социалистической собственности заметна не только у тюркологов и тюркофилов. Иранисты и все остальные также могут не утруждая себя «пройтись» и по территории, и по языку чеченцев. Опираясь, по всей видимости, на мнение осетинского ученого-ираниста Абаева В.И., абхазский ученый Анчабадзе Г.З., в своем историческом очерке пишет по поводу происхождения некоторых чеченских названий: «...на Чеченской равнине, недалеко друг от друга текут две реки, Валерик и Мартан, впадающие в Сунжу. Название Валерик (точнее Валарг) переводится с чеченского языка как «река смерти мужчин», а Мартан (Март-дан) на сармато-аланском языке означал «река убийств», «река смерти (мертвых)». (Анчабадзе Г.З. «Вайнахи. Исторический очерк». Тбилиси. 2001. с.20.).

Во-первых, чеченское название реки Валарг (русская транскрипция - Валерик). Опять же не понятно, на каком основании Анчабадзе решил, что Валарг на чеченском языке означает «река смерти мужчин». В какой части этого названия автор исторического очерка обнаружил значение «мужчина» тоже остается загадкой. Ни в одном из чеченских словарей значение данного названия не приводится. И даже в этимологическом словаре чеченского языка (2011 год) Вагапова Арби, его этимология не приводится, потому как вопрос требует должного исследования.

Вероятно, утверждение Анчабадзе основано на стихотворении Лермонтова «Валерик»:

И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.

...

Как месту этому названье?
Он отвечал мне: Валерик,
А перевесь на ваш язык,
Так будет **речка смерти**: верно...

Если это так, то тот маленький ручей, который по выражению Лермонтова «телами запрудили», на котором и произошло сражение между чеченцами и царскими войсками, его уже давным давно нет и в помине, он давно засох. Есть

большая река с одноименным названием **Валарг** (русс. **Валерик**), и это река не имеет отношения к указанному сражению.

«Река смерти» - это всего лишь народная этимология этого названия, по всей видимости, привязанная к созвучию с чеченским **вала** – «*умереть*». Однако нет никаких оснований или данных называть ее «рекой смерти», и тем более «*рекой смерти мужчин*». Чеченское название Валарг состоит из основы /**арг**,), вариации - **арк**, **ахк** - «*река*» (ср. чеч. **Орга** – **Аргун**, **Терк** – **Терек**, и др). А значение начальной части этого названия - **Вал/арг**, насколько известно, пока еще не имеет надежной этимологии у самих чеченских специалистов по языку, и трактуется оно по-разному.

Во-вторых, что касается названия реки **Мартан**. Вызывает удивление то, как маститые ученые могут конструировать свои доводы, опираясь на несуществующие или искаженные названия, в данном случае это **Мартан**. В Чечне нет реки с названием **Мартан**, есть река **Марта** (**Март**), **Мартан** – это русская транскрипция. Марта на чеченском языке означает «*благодать, обильная еда, завтрак, тризна*» (Вагапов А. «Этимологический словарь чеченского языка». Тбилиси. 2011.). В форме Мартан на чеченском это слово звучит лишь в эргативном падеже. Потому утверждать, что Мартан происходит от осетинского **март-дан** (**мар** – «*убийца*», **тан** (**дан**) – «*река*», то есть «*река убийца*» или «*река убийств*»), можно только при очень сильном желании.

При всей очевидной несостоятельности и натянутости приведенных доводов, и при том, что они последовательно отстаиваются можно судить о желании «доказать» и утвердить мысль (пусть даже и необоснованно) об иранцах и тюрках на территории обитания чеченцев.

Существуют еще немало примеров аналогичного подхода к чеченскому языку и истории, но проблема даже не в этом. Проблема не в ошибочности научного подхода, или в предвзятой трактовке материала тем или иным ученым. Проблема заключается в той ситуации, в которой находится наша наука, позволяющая кому не лень, без соблюдения правил, на свое усмотрение разбирать и переделывать «данные в паспорте» языка и истории чеченской научной базы.

Использованная литература:

1. Анчабадзе Г.З. «Вайнахи. Исторический очерк». Тбилиси. 2001.
2. Вагапов А. «Этимологический словарь чеченского языка». Тбилиси. 2011.
3. Меликишвили Г.А. «Урартские клинообразные надписи». М., 1960.
4. Никонов В.А «Введение в топонимику», М., 2-е изд. 2011.
5. Поэзия и проза Древнего Востока.с.106. прим.155.

К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова

Мохмад-Салах Селяхов

Очарованный Кавказом

(эссе о Лермонтове)

Начиная с детских впечатлений от первой встречи и до конца своей жизни, поэт сам не свой – он заворочен величественной красотой Кавказа. Это чувство заполняет все существо гения, накладывая своеобразный отпечаток на его судьбу и творчество. Пожалуй не будет преувеличением, если сказать, что ни один представитель русской и зарубежной литературы не оставил о Кавказе столько восторженных отзывов, столько искренних признаний в любви, как М. Ю. Лермонтов. В стихотворении «Кавказ» он решил исповедоваться перед читателем о своем чувстве и его истоках, делая в конце каждого куплета вывод-заклечение.

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих годах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор,
Пять лет пронеслось: все тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомня тот взор:
Люблю я Кавказ!..

От соприкосновения с истинной красотой человек выпрямляется в полный рост духом, чтобы делать добро и только добро. Он погружается в такое состояние, что готов каждому встречному протянуть руку простить всех за прежние обиды. Все старое меркнет перед ее светом. Наступает как бы второе рождение.

К подлинной красоте нельзя привыкнуть, так как каждый раз она раскрывается перед тобой все в новых и новых красках. Кавказ стал для М. Ю. Лермонтова олицетворением наивысшей красоты, своего рода, промежуточным звеном между землей и небесами, уголком первозданной чистоты и свободы, находящийся на недосыгаемой для законов жизни высоте.

Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их позор;
О ребра их дробятся тёмных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал; ничто не вредно им.
Кто близ небес, тот не сражен земным.

В своих произведениях кавказского цикла поэт не упускает ни одного случая, чтобы поклониться перед объектом своего чувства, выражая неподдельное восхищение его великолепием.

Каждый раз это происходит с очередного приветствия, трогательного обращения к нему. Здесь он не скупится изысканными эпитетами, местами допускает повторы, чтобы заострить внимание читателя к своему душевному состоянию. Далее, строчка за строчкой следуют пояснения, раскрывающие мотивы возникновения близкого родства между певцом свободы и свободным Кавказом.

«Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство моё; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры лишь мечтаю об вас да о небе...» (М. Лермонтов. «Синие горы Кавказа...»).

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили.-
И долго мне мечталось с этих пор
Всё небо юга да утесы гор.
Прекрасен ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вечные природы...

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стих небрежный:
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной.
От ранних лет кипит в моей крови
Твой жар и бурь твоих порыв мятежный;
На севере, в стране тебе чужой,
Я сердцем твой, – всегда и всюду твой!..

В посвящениях к поэмам «Аул Бастунджи», «Демон» М.Ю. Лермонтов «просит», чтобы Кавказ благословлял его, как сына – бесспорно, между поэтом и Кавказом отношения признательного сына и гордого, седого отца, взрастившего его. Действительно, дело обстояло именно так: он как гениальный поэт-философ сформировался, пропитавшись духом Кавказа, приобщившись к его величественной красоте. Отсюда его удивительная способность видеть и чувствовать то, что недоступно обыкновенному человеку. Хотя поэт находится в стане той силы, совершившей грубое военное посягательство на свободу Кавказа и тем самым нарушившим многовековой уклад его жизни – он всегда с ним, восхищаясь стойкостью его сынов. Олицетворением мужества, символом непокорности горцев, ведущих героическую борьбу против царской империи, становится у него образ Казбека.

Спеша на север издалека,
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж востока,
Принес я, странник, свой поклон.

Чалмою белую от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:

Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял...

Находясь в действующей армии, у него созрел внутренний протест против чудовищной жестокости и насилия, причиняемые Кавказу войной. На примере одного ее эпизода, подробно описанной битвы на реке Валерик, М. Ю. Лермонтов изнутри, как участник, показывает все ужасы войны, негодуя по этому поводу и в недоумении вопрошая.

А там, вдали, грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы – и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!... небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?»

Никому другому, на мой взгляд, не удалось так эмоционально, с таким высоким накалом восхищения передать колорит Кавказа в мельчайших подробностях, как М. Ю. Лермонтову. Для этого недостаточно иметь дар талантливого художника, для этого мало быть любознательным географом-путешественником, побывавшим на всех его уголках. Для этого надо быть гениальным Лермонтовым, чтобы сыновьей любовью восторгаться красотой Кавказа, всем сердцем чувствовать биение пульса и его кровотокающие раны. Своими стихами и поэмами, посвященными Кавказу, поэт вводит читателей в экзотичный мир «южных гор». У них появилась возможность мысленно, вместе с лирическими героями высоко возноситься в небеса и оттуда взирать на белоснежные вершины сказочных гор, очутиться в темном ущелье Аргуна, жить в тесном келье монастыря и, вырвавшись на свободу на короткое время, насладиться свободой. Они могут слушать ласковое журчание родников и шум водопадов, проноситься на волнах Терека, чтобы видеть, как Каспий принимает их «в свои объятия с ропотом любви». Наконец, тщетно постараться поймать взгляд «божественных глаз» и, поддавшись соблазну, побывать в замке грузинской царицы Тамары, чтобы на заре быть выброшенным в Дарьяльское ущелье на съедение злобным волнам Терека.

М. Ю. Лермонтов открыл перед читателями Кавказ не «диким», а райским уголком земли, где все так необыкновенно чудесно и великолепно, что невольно становишься его пленником.

Тауз Исс**Кавказ**

ЭТОС. Народная культура берет свое начало в животворящих первоистоках. Одним из таких непреходящих истоков является Первочувство – Чувство Стыда, посетившее прародителей после вкушения запретного плода. Стыд возник в результате разрушения идеального и вместо этого идеального – вместо Эдема человек был помещен в иное место, с иным содержанием, где надо совершенствоваться, чтобы обрести утраченное. Следующим истоком человека является чувство слова. Именно Адам наименовал мир словом, и словом создал Образ Мира.

Оба истока хранят в нас чистоту и невозможно представить их утраты в человеке. Чеченская народная культура глубоко хранит в себе память этих начал, она укоренена в них и жива ими. Язык наш помнит об этом. Мы говорим: «Эхь ду», «Эхь дац», «Дош ду», «Дош дац», определяя и различая, таким образом степень полноты и утраты культуры в человеке. Простые и обыденные, казалось бы, слова. И таковых много.

АЗБУКА. В истории человечества достаточно множество примеров ярких культур, оставивших свой существенный след. Вместе с тем, все они несут в себе печать явной социальной дисгармонии. Культура, как явление, направленное на совершенствование человека в то же время строилась на принципе общественного неравенства. Очевидно, что какой бы высоты не достигала таковая культура, она не могла отвечать нравственным критериям всего общества. Отчуждение одних и удовольствие других было следствием таких культур.

Высшей идеей культуры безоговорочно должна быть идея уважения человеческой личности, как творения Всевышнего. Если на фоне пышных строений унижен хотя бы один человек, то это несет в себе печать упадка. Являясь мерилем всех вещей, человек не может стоять ниже фетишей. Именно это знание явилось на наш взгляд условием создания не только бесклассового чеченского общества, но и культуры, несущей в себе меру.

ЗАДАЧА. Традиция и Современность стали в наши дни взаимоисключающими и в то же время взаимно тяготеющими факторами. Невозможно существование подлинной культуры без глубоких корневых начал и точно также абсурдно отказываться от достижений времени и технологий. Вопрос, пожалуй, состоит в следующем, как найти тот тонкий органичный способ синтеза первого и второго, как безболезненно объединить эти два полюса, несущие в себе продуктивную возможность развития?

Главной ошибкой в истории человека является постоянная попытка изменить мир, тем самым разрушая не только среду обитания, но и, прежде всего себя. Невозможно изменить мир, так как он живет по законам нам неизвестным и недоступным. Изменить можно себя, после чего придет ясное осознание целостности и неразрывности мира. В нем найдется место и традиции и современности. Именно тогда возникнет способ их взаимного слияния. И это станет определяющим актом развития.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. Узлы и узы. Многоликая культура Кавказа несет в себе единую самобытную общность. Ее универсальность можно охарактеризовать

как единство множеств. Она, как и сама архитектура среды проникнута общим духом и пафосом свободы. Ее форма и содержание тождественны, величественному многоголосому ансамблю Кавказа.

Языки, традиции, обычаи, эпос, предания, легенды идут из правремени и пропитаны духовной общностью. Культуры кавказских народов являются поистине кладовыми, и было бы крайне полезно их углубленное исследование. Они, несомненно, несут в себе печать первоначальных.

Наложение сакрального образа Кавказа на общемировой образ, возможно позволило бы еще яснее увидеть общий образ мира во всей его многомерности и полноте. Возвращение к великой простоте дало бы новый импульс, новое дыхание. Сильнее всего первоисточники живут в горах. В мировом здании (и знании) деятельное участие Кавказа могло бы стать определяющим в перспективе развития. Общеизвестно, что первым светом встречает самая высокая вершина Европы и пристанище Ковчега – Эльбрус. К сожалению не всегда мы внимательны.

Лиза Адмисиева

К вопросу о занятиях шелководством на прилинейных территориях. (Конец XVIII – первая треть XIX в.)

С установлением границы по Кубани завершился длительный процесс присоединения к России степного Предкавказья [5, с. 3-4]. Это выдвигало перед царской администрацией также заботы о хозяйственном освоении края: распашке обширных пространств целинных земель, разведении табунов, постройке мостов, дорог и т.д.

Многие дореволюционные авторы рассматривали вопрос развития хозяйства на Кавказской военной линии [3, 7]. Интересный материал о хозяйственных занятиях на Кавказской линии и на прилегающих территориях содержится, например, в «Хозяйственном описании Астраханской и Кавказской губерний...» составленном И.В. Равинским. Что касается И. Дебу, то сведения приводимые автором носят описательный характер. Однако они также полезны для представления общей картины занятий казаков в свободное от военной службы время. Изучению вопросов хозяйственной деятельности населения прилинейных территорий уделяли много внимания в своих трудах такие советские историки, как Гриценко Н.П., Заседателева Л.Б., Фадеев А.В., и другие [2, 4, 8].

Просторы степного Предкавказья осваивали переселенцы из центральных областей России. Появлялись все новые села. Прибыв на новое место обитания крестьяне начинали осваивать земли, приобретали новый опыт, так как климат здешних мест резко отличался от климата в центральной России. Крестьяне оказывались в новых условиях.

В рассматриваемый период в станицах и селениях по Кавказской линии помимо земледелия, животноводства и виноградарства было хорошо развито шелководство, садоводство и огородничество.

Жители уездных городов Кавказской губернии активно разводили виноградные сады с шелковичными деревьями. В одном только Кизляре было 803 таких сада. В других городах губернии их насчитывалось около сорока. Зато в казачьих станицах – 4119. «В уездах по всем селам (за исключением станиц и города Кизляра – А.Л.) – 345. А всех виноградных с шелковичными деревьями садов 5307» [7, с. 505].

Значительный вклад в развитие шелководства, виноградарства и хлопководства на Тереке внесли армянские и грузинские переселенцы, которые стали появляться на Северном Кавказе в XVIII веке. Они «начали сеять персидское пшено, дербентскую пшеницу, хлопчатую бумагу...» [8, с. 84; 7, с. 47-48]. Переселенцы разводили виноградники и тутовые сады, активно использовали полив из Терека. Казаки, проживавшие в станицах Кавказской линии, выращивали в виноградных садах шелковичные деревья. Наследники С.Васильева, первым поставившего шелководство на промышленную основу, в 1740 году создали две фабрики по переработке шелка-сырца в Кизляре и Астрахани. Вскоре они отправили из Кизляра в Петербург образцы шелка-сырца: под золото, малиновый, лазоревый, темно-зеленый, светло-зеленый и белый [6, с. 15-262]. В 1753 году купцы сообщали в кизлярскую комендатуру, что в самом Кизляре и в кумыкских селениях, в том числе в Костековской, Аксаевской и Андреевской деревнях «шелк-сырец родится в одной доброты, а в гребенских казачьих городках и делается, но токмо имеется весьма малое число, и для домашнего обихода употребляется» [9, с. 335]. Из произведенного

шелка изготавливали пояса, шнуры, тесьмы, нити и т.д. [7, с. 416-424].

К концу XVIII века в районе Терека количество получаемого шелка-сырца возрастает. Русское правительство, заинтересованное в развитии шелководства, указами старается приобщить население Северо-Восточного Кавказа к этому занятию. В конце XVIII – начале XIX века почти во всех селениях края в приказном порядке, под угрозой штрафа разводили тутовые деревья. Центром шелководства Северо-Восточного Кавказа по-прежнему оставался Кизляр и прилегающие к нему селения. Только в одном Кизляре и его окрестностях было выращено более миллиона тутовых деревьев, в отдельных терских станицах их росло от 200 до 2000. Придавая большое значение шелководству на Тереке, правительство учредило специальную должность кавказского инспектора по шелководству [1, с. 100].

Правительство пыталось поддерживать шелководство на Тереке методом поощрения и наказания. Местной администрации предписывалось поощрять разведение тутового шелкопряда казаками, а переселенным крестьянам «вменялось в обязанность ежегодно высаживать по 10 тутовых деревьев на двор». А за отклонение от этой обязанности взимался штраф в размере 10 копеек. «...Отличившихся крестьян-шелководов награждали медалями «За усердие». Бывали даже случаи, когда таких переселенцев освобождали от рекрутской повинности» [8, с. 86-87]. Однако этих мер было недостаточно. Не смотря на то, что в 40-х годах XIX века в Кизляре и его округе насчитывалось 24 крупных шелкозаводчика, а шелководством занималось 8-10 тысяч казаков, горцев и горожан, постепенно эта отрасль хозяйства пришла в упадок. Правительство не предпринимало существенных мер для оказания помощи шелководам, поэтому шелководство вытеснили менее трудоемкие и более доходные отрасли хозяйства [1, с. 101].

Попытка царского правительства создать в Предкавказье сырьевую базу для текстильной промышленности центральной России потерпела полную неудачу. А такие отрасли сельского хозяйства, как животноводство и земледелие, на протяжении всего дореформенного периода оставались главными для этого обширного края [8, с. 88].

¹ Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. У – Середина XIX века. Издательство Ростовского Университета, 1984.

² Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX века. Грозный. 1961.

³ Дебу И.Л. О Кавказской военной линии и присоединенном ней Черноморском войске, и о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. СПб., 1829.

⁴ Заседателева. Л.Б. Терские казаки. М., 1974.

⁵ «Предкавказье включает в себя степную зону, в основном расположенную к северу от линии Кубань – Терек... В XVIII в. степное Предкавказье оказалось включенным в состав Российской империи, будучи ограждено с юга кордонными линиями, сооруженными ... вдоль тех же водных рубежей» // Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.

⁶ ПСЗ, Т.9. Цитирую по: Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. У – Середина XIX века. Издательство Ростовского Университета, 1984.

⁷ Равинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний... СПб., 1809.

⁸ Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.

⁹ Сб. док. Под ред. В.Г. Гаджиева. Цитирую по: Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. У – Середина XIX века. Издательство Ростовского Университета, 1984.

Книжные новинки**«Тяжелое бремя»**

Летом этого года в «ФГУП» ИПК Грозненский рабочий» вышла книга молодой чеченской писательницы Аминат Тапалаевой «Де́за ду́къ» («Тяжелое бремя»). А. Тапалаева известна в республике и по публикациям в журналах «Вайнах», «Орга», «Нана», и как ведущая Чеченской телерадиокомпании «Даймохк». Ее рассказы вышли также в переводе на русский язык в сборнике «Чеченская проза», составленном Субран Инаркаевой. Книгу «Де́за ду́къ» составили двадцать три рассказа. Хочется сразу отметить, что девять из них написаны для детей, что в эпоху определенного кризиса детской литературы является очень ценным. В предисловии к сборнику Народный писатель ЧР Муса Бексултанова отмечает: «Я обратил внимание, что женская литература имеет свой особый почерк, и рассказы Аминат лишний раз убедили меня в этом. В прозе Тапалаевой есть много деталей, которые ускользнули бы от моего внимания. Это определенные черты женского характера, штрихи из их жизни, психологии...» Сборник вышел тиражом в 1000 экземпляров под эгидой Союза писателей Чеченской Республики и, несомненно, заинтересует ценителей чеченского слова.

Зилбухар Межиев

К нашим иллюстрациям**Борха Амирханов: поиски вечной красоты**

Видеть окружающее по-особому, всем своим существом эмоционально переживая каждое проявление в нем красоты, дано не каждому. Художник Борха Буглаевич Амирханов воспринимал мир именно так. Круг образов в его творчестве гармоничен и тонок – в нем отразилась поэтическая натура художника. «Он был олицетворением природного дарования, профессионального мастерства, человеческой скромности и какой-то детской незащищенности», – так отзывался об Амирханов известный деятель культуры и искусства А.Г. Киндаров.

Борха Амирханов родился 17 августа 1949 года. Первые школьные годы прошли в Казахской ССР. Он с детства мечтал стать архитектором, любил рисовать. По окончании школы поступил в Ленинградскую Академию художеств на факультет графики. Приняли его сразу – опытные педагоги заметили незаурядный талант абитуриента. Доучиваться в Академии Борха не стал – причина та же: в душе он всегда оставался архитектором. После третьего курса Академии уехал в Ташкент и поступил в архитектурный институт имени Бируни, который окончил в 1980 году.

На родину Борха приехал после окончания архитектурного института и стал работать в институте Чеченгражданпроект. Он занимался керамикой, много рисовал, оформлял спектакли, изготавливал эскизы костюмов, делал афиши, иллюстрировал книги... Но архитектура была смыслом всей его жизни. Она не хотела отпускать от себя. Научившись еще в институте видеть и понимать ее красоту, Борха восхищался пропорциями и декором, мечтал создать в родном Грозном современные дома. В листах с видами Грозного художник старался увлечь зрителя красотой точных пропорций и эффектных архитектурных элементов. В Шалажах, в родном селе Борхи, до сих пор стоит мечеть, которую спроектировал Борха. Огромный творческий потенциал, удивительное трудолюбие – все эти качества аккумулировались в его творчестве. Борха остро воспринимал мир, чувствовал его более чутко, с людьми общался искреннее, а разочаровывался гораздо болезненнее, чем многие из его коллег. И до последних дней своей короткой по человеческим меркам жизни, уместившейся всего в пять десятилетий, воспевал лучшее из того, что существует – изменчивую и вместе с тем неизменно вечную красоту мира.

На обложке журнала представлена пейзажная лирика Борхи Амирханова на тему горной Чечни.

Сацита Исраилова

Сведения об авторах и переводчиках

Адам Ахматукаев (1961). Родился в с. Алхан-Юрт Урус-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР. Писать стихи и печататься начал в школьные годы. Публиковался в периодических изданиях Чеченской Республики, а также в коллективных сборниках, изданных в разные годы в городах Грозный, Алма-Ата, Москва. Автор пяти книг стихов и поэм: «Буйсанан мукъамийн глайла» («Печаль ночных мелодий»), 1998, 2005 гг.; «Цкъа мацца а, цул тлаьхъа...» («Когда-то, потом...»), 2005 г.; «Лула-кулахъ...» («По соседству...»), 2007 г.; «Харц дуйне» («Неправильный мир»), 2010 г.; «Индагийн боданехъ» («Во тьме теней»), 2013 г. Сборник «Неправильный мир» выпущен совместно с книгой московского поэта Юрия Gladkevicha «Кровоточины», под общим названием «Опыт общей беды» – на двух языках (чеченском и русском). Это тематический проект двух авторов, в котором представлены военные стихи на языке оригинала и взаимно переведенные. Также произведения А. Ахматукаева публиковались в республиканских, региональных и центральных печатных изданиях: «Орга», «Вайнах», «Нана», «Дон и Кубань» (г. Ростов-на-Дону), «Окраина» (г. Ростов-на-Дону), «Литературная Россия» (г. Москва) и др. В 2012 году Союзом писателей-переводчиков награжден дипломом литературно-общественной премии «Светить всегда» с вручением ордена «В.В.Маяковский». Член творческих союзов писателей и журналистов.

Шаран Дашаев (1940). Родился в с. Урус-Мартан ЧИАССР. Окончил Чечено-Ингушский пединститут, Высшую партийную школу при ЦК КПСС. С 1960 по 1965 год работал учителем русского языка и литературы, чеченского языка и литературы, завучем, с 1965 года – корреспондентом радио, с 1966 года – в районной и республиканской газетах завотделом, замредактора, редактором. С 1999 по 2006 год – начальник отдела, заместитель и 1-й заместитель главы администрации г. Урус-Мартан. Его статьи, очерки, рассказы публиковались на страницах республиканских газет, журналов «Вайнах», «Орга».

Ахмет Асхабов (1955). Родился в Казахстане, в Актыубинской области, Хобдинском районе. Образование среднее. С 1981 по 2013 годы жил и работал чабаном в Казахстане. Пишет стихи и рассказы.

Супьян Халидов (1953). Родился в Казахской ССР, в селе Полтавка. Окончил среднюю школу с. Девкар-Эвла (Толстой-Юрт). Окончил ЧИГУ. Работал преподавателем чеченского языка и литературы, русского языка и литературы, корреспондентом газеты «Нефтехимик», редактором Чечено-Ингушского телевидения. В настоящее время является учителем чеченского языка и литературы в гимназии №7 г. Грозного. Публиковался на страницах местных периодических изданий, в коллективном сборнике стихов «Гуйренан аьзнаш» («Утренние голоса»).

Вахит Итаев (1940). Окончил Литературный институт им. Горького СП СССР. Член Союза писателей РФ. Пишет стихи, прозу. Автор фантастического романа «Майдан предков», вышедшего в Москве в 2007 году.

Фатима Джабраилова (1971). Родилась в с. Ермоловка, Чечено-Ингушской АССР. Образование среднее. Пишет стихи и рассказы со школьных лет, на русском и чеченском языках. Публикуется в местной периодической печати (в журналах «Вайнах», «Орга», «Нана»).

Вахит Акаев (1952). Родился в г. Ленгер Казахской ССР. В 1973 году окончил физико-математический факультет ЧИГУ. Пишет научные и научно-популярные статьи. Ученый, главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН, доктор философских наук, профессор.

Идрис Булатбиев (1968). Родился в Урус-Мартане, учился в урус-мартановской средней школе №3. Окончил московскую Академию Права и Управления (юридический факультет). Занимается исследованием истории древностей и доисламских культов нахов.

Мохмад-Салах Селяхов (1961). Окончил в 1987 году ЧИГУ (филологический факультет). Публиковался в журналах «Нана», «Дош», «Дон» в газете «Вести республики». Пишет стихи и статьи историческо-культурологического характера. На данный момент работает в Аргунском историко-архитектурном и природном музее-заповеднике в должности заведующего отделом использования и популяризации.

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и
в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки - 330 руб.